ДНЕВНИКЪ Н. И. ЦЫЛОВА*).

1863—1864 г.г.

30 Апрѣля 1863 года, Вторникъ. Въ два часа пополудни пріѣхалъ ко мнѣ курьеръ изъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и объявилъ что завтра въ 11 часовъ правитель канцеляріи министра приглашаетъ меня къ себѣ.

1 Мая. Въ 11 часовъ утра я пріѣхалъ къ правителю канцеляріи министра, Михаилу Николаевичу Шидловскому, который объявилъ мнѣ: «Что министръ намѣренъ командировать меня, кажется, въ Могилевъ; вы представьтесь теперь ему, онъ вамъ самъ скажетъ». Я тотчасъ же пошелъ въ пріемную комнату министра, который въ 12 часовъ вышелъ и сказалъ мнѣ такъ: «Ваше п-во, я намѣренъ дать вамъ командировку; согласны ли вы на то?» Я отвѣчалъ: я имѣлъ честь поступить въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, чтобы исполнять всѣ ваши порученія, какія благоугодно будетъ вамъ на меня возложить, и потому я, нисколько не разбирая, готовъ принять всякую командировку». Тогда министръ Петръ Александровичъ Валуевъ мнѣ сказалъ: «А что, скоро ли вы можете собраться въ путь?» Я отвѣтилъ: хоть сей-часъ! «Ну хорошо, сказалъ министръ, пріѣзжайте ко мнѣ завтра въ 5 часовъ полудня, и я вамъ дамъ отправленіе». Я поѣхалъ домой.

Въ тотъ день вечеромъ къ чаю пріѣхала ко мнѣ Марья Дмитріевна Игнатьева съ сыномъ Володей, пришелъ Ѳедоръ Николаевичъ Шіяновъ, и мы сѣли втроемъ играть въ преферансъ по копейкѣ (обыкновенная наша цѣна). Въ половинѣ 10-го часа вечеромъ пріѣхалъ курьеръ отъ министра и сказалъ, что министръ проситъ меня теперь же къ себѣ. Я тотчасъ къ нему отправился, и когда онъ меня принялъ, то сказалъ: «Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ назначенъ гене-

*) Въ „Азбучномъ Указателѣ Русскихъ дѣятелей“ (С.-Пб. 1888) значится: „Цыловъ Николай Ивановичъ, генералъ-майоръ, составитель Атласа плановъ С.-Петербурга и Царскаго Села, бывшій полицмейстеръ, род. 27 Ноября 1799 г. † 1887 г.“

ралъ-губернаторомъ западныхъ губерній и желаетъ васъ видѣть; поѣзжайте теперь же къ нему. Въ половинѣ 11-го часу вечеромъ я былъ уже у М. Н. Муравьева. Онъ принялъ меня въ кабинетѣ, посадилъ и распрашивалъ о моей службѣ, не отсталъ ли я отъ военной службы, бывалъ ли я въ западныхъ губерніяхъ, и о полицейской службѣ. Потомъ простился, сказавъ, чтобъ я къ нему навѣдывался и что дней черезъ пять онъ сдѣлаетъ распоряженіе. Я возвратился домой, засталъ у себя своихъ гостей и Андрея Гавриловича Игнатьева, который, пришедъ по моемъ отъѣздѣ къ министру, продолжалъ за меня игру въ преферансъ. Въ часъ ночи всѣ разошлись.

2-го Мая. Въ 11 часовъ утра я пошелъ къ М. Н. Муравьеву, и онъ поручилъ мнѣ разузнать о хорошихъ офицерахъ С.-Петербургской полиціи и завтра ему доложить.

3 Мая. Въ 11 часовъ утра я былъ у М. Н. Муравьева и представилъ списокъ шести офицеровъ полиціи, которые по моимъ распросамъ были мнѣ рекомендованы; онъ записку эту оставилъ у себя, и я ушелъ.

4 Мая. Въ 11-ть часовъ по обыкновенію я былъ у М. Н. Муравьева и никакихъ приказаній не получалъ. Вечеромъ былъ у Бильбасова.

5. Въ 11 часовъ утра былъ у М. Н. Муравьева, и онъ сказалъ мнѣ: «Ну, Цыловъ, помолитесь Богу (перекрестилъ меня) и отправляйтесь въ г. Вильну двумя днями ранѣе меня». Я ушелъ и послалъ къ сыну моему Николаю письмо, чтобъ онъ немедленно отправилъ мою записку къ маменькѣ, которая въ то время находилась въ своей деревнѣ Алфавитовкѣ.

6 Мая. Въ 11-ть часовъ утра я былъ у М. Н. Шидловскаго, объявилъ ему о сдѣланномъ мнѣ приказаніи М. Н. Муравьевымъ и просилъ дать мнѣ предписаніе отъ г. министра и снабдить меня прогонными деньгами. Онъ объ этомъ доложилъ министру и по возвращеніи отъ него просилъ меня пріѣхать завтра.

7 Мая. Въ 11-ть часовъ утра я пріѣхалъ къ М. Н. Шидловскому и получилъ отъ него предписаніе данное мнѣ отъ министра и другую бумагу о выдачѣ мнѣ прогонныхъ денегъ на имя Департамента Общихъ Дѣлъ. Съ этою послѣднею бумагою я отправился въ Департаментъ и получилъ 659 р., изъ которыхъ 225 р. тотчасъ уплатилъ долгъ Бибикову, портному Бенцеловичу, сапожнику и другимъ лицамъ.

8 Мая. Въ 11 часовъ былъ у М. Н. Муравьева, который объявилъ мнѣ, что о командированіи меня въ его распоряженіе онъ получилъ уже отъ министра внутреннихъ дѣлъ увѣдомленіе и что объ отправленіи моемъ я получу отъ него предписаніе, вслѣдствіе чего я поѣхалъ прощаться къ роднымъ, друзьямъ и знакомымъ и на пути отъ Андрея Гавриловича Игнатьева къ Авдотьѣ Ивановнѣ Витте, близъ Самсоніевскаго Б. Проспекта встрѣтилъ жену мою Елену Дмитріевну, ѣхавшую ко мнѣ вмѣстѣ съ моею невѣсткою Ниною и внукомъ Николаемъ изъ деревни. Мы поздоровались, я поѣхалъ къ Авдотьѣ Ивановнѣ, а она ко мнѣ домой, куда и я скоро пріѣхалъ.

9 Мая. По случаю моего отъѣзда въ городъ Вильну, я сегодня и въ предшествующіе дни ѣздилъ прощаться къ слѣдующимъ лицамъ: 1) къ А. Г. Игнатьеву, 2) къ А. И. Витте, 3) Борису Борисовичу Гротенфельду, 4) Карлу Петровичу Ганзену. 5) Н. В. Медему, 6) С. И. Фохтъ, 7) Ѳ. Т. Никитенко, 8) Г. А. Ангелю, 9) А. И. Вальцу, 10) А. А. Баранцову, 11) А. П. Безаку, 12) Владиславу Эмериковичу Ольшевскому, 13) А. А. Бильбасову, 14) Н. П. Арцыбушеву, 15) Ан. Гр. Абраменкову. 16) Н. Ан. Ермакову, 17) частному приставу Постоянскому, 18) П. П. Нейгардту, 19) П. И. Полю, 20) И. К. и 21) А. К. Мясниковымъ, 22) М. Н. Бѣлавину, 23) Н. И. Миллеру, 24) П. Н. Глѣбову, 25) К. И. Роту, 26) В. И. Гурьеву, 27) Силичу, 28) вечеромъ былъ у С. В. Болотникова, 29) еще былъ я у Н. М. Клементьева и 30) у И. Ѳ. Базилевскаго.

10 Мая. Въ 9 часовъ утра былъ у М. Н. Муравьева, но его не видалъ, ибо онъ сбирался ѣхать къ Государю Императору въ Царское Село, и потому я отправился къ нему по назначенію въ три часа полудня, но онъ изъ Царскаго Села не возвратился, ибо былъ приглашенъ къ обѣденному столу Государя Императора. Возвратясь домой, я получилъ отъ М. Н. Муравьева предписаніе отъ сего 10 Мая за № 86 съ надписью на конвертѣ: самонужнѣйшее. Въ предписаніи этомъ приказано мнѣ немедленно отправиться въ г. Вильну и ожидать тамъ дальнѣйшихъ его приказаній. Тотчасъ же я началъ сбираться въ дорогу, чтобы завтра отправиться. Вечеромъ у насъ былъ А. Г. Игнатьевъ съ женою. Заходилъ проститься съ Д. П. Дегаемъ.

11 Мая. Съ утра сбирался въ дорогу и укладывался. П. П. Пущинъ мнѣ усердно помогалъ. Въ 8 часовъ вечера я, жена моя, Ниночка и внукъ Коля сѣли въ карету, отправились въ церковь Знаменской Божіей Матери и, помолясь тамъ у вечерни усердно Господу Богу, поѣхали на станцію С.-Петербурго-Варшавской желѣзной дороги,

куда пріѣхалъ и сынъ мой Николай. Дружно всѣ они со мной простились, благословили меня, я сѣлъ въ вагонъ 2-го класса, а слуга мой Артемій Яковлевъ въ вагонъ 3-го класса. Въ 9½ часовъ вечера вагоны двинулись тихо, какъ бы давая средство подолѣе наглядѣться на милыхъ друзей моему сердцу; алюръ вагоновъ увеличился, и другъ-жена моя и дѣти сокрылись съ глазъ моихъ! И понесся я въ бурю новой жизни въ западный край. Сердце мое сжалось, я перекрестился, отдался на волю Господа, полный неизвѣстностью. А утѣшалъ себя только мыслію: «Все что̀ ни дѣлается, все къ лучшему!!!» Утромъ А. П. Дегай, пріѣхавшій изъ Астрахани и узнавъ, что я сегодня уѣзжаю, былъ у меня и прощался.

12 Мая. Весь день былъ въ дорогѣ, и въ 11 часовъ вечера поѣздъ прибылъ въ г. Вильну. Я сѣлъ въ карету, пріѣхавшую за пасажирами изъ гостиницы Европа, и прибылъ туда. Поселившись въ 22-мъ нумерѣ, весьма усталый, я приказалъ подать чаю, выпилъ четыре стакана съ лимономъ, съ наслажденіемъ легъ спать въ чисто приготовленную постель и спалъ какъ мертвый. За нумеръ, состоящій изъ одной комнаты, я уговорился платить по одному рублю въ сутки.

13 Мая. Въ 12-ть часовъ поѣхалъ къ военному губернатору Владимиру Ивановичу Назимову, который, по неприбытію новаго генералъ-губернатора М. Н. Муравьева, все еще управлялъ краемъ. В. И. Назимовъ принялъ меня чрезвычайно внимательно и узналъ меня какъ стараго знакомаго еще по служенію моему въ Артиллерійскомъ Училищѣ; долго разговаривалъ о западномъ краѣ и простился со мной очень мило. Отъ него я поѣхалъ къ губернатору Галлеру, съ которымъ весьма хорошо познакомился. Отъ него я поѣхалъ осматривать городъ и изучать его расположеніе улицъ и замѣчательныхъ зданій. Потомъ заѣхалъ въ Трокскую улицу въ домъ Тишкевича къ Николаю Леонтьевичу Дубельту, который женатъ на Александрѣ Ивановнѣ Базилевской. У нихъ я былъ принятъ восторженно какъ родной. Александра Ивановна пригласила меня къ себѣ обѣдать не только сегодня, но и всякой день. Въ 2½ часа до обѣда я возвратился въ свой 22-й нумеръ къ моему слугѣ Артемію, разложилъ на столѣ карту Царства Польскаго и сталъ ее изучать. Въ 3½ часа пріѣхалъ ко мнѣ съ визитомъ губернаторъ Галлеръ и просидѣлъ цѣлый часъ въ весьма интересныхъ разговорахъ о Польшѣ. Между прочимъ разсказалъ мнѣ, что вчера, въ 10-ти верстахъ отъ Вильны, инсургенты повѣсили одного старосту, а брату его за то, что онъ показалъ слѣды, гдѣ была шайка мятежни-

ковъ и которая нашими войсками была разбита, отрѣзали языкъ*) и что этотъ несчастный крестьянинъ сегодня привезенъ въ госпиталь.

14 Мая. Взявъ съ собою проводникомъ Еврея Кляцку, ходилъ по городу и осматривалъ улицы и зданія, сдѣлалъ визитъ губернскому почтмейстеру барону Льву Васильевичу Россильону. Выкуривъ у него сигару, отправился домой, читалъ газеты; ко мнѣ зашелъ Александръ Петровичъ Дубельтъ, назначенный состоять при М. Н. Муравьевѣ. Онъ мнѣ сказалъ что М. Н. остался въ Динабургѣ и долженъ сего дня пріѣхать въ Вильну. Когда Дубельтъ ушелъ, я легъ отдохнуть и приказалъ Кляцкѣ, чтобы онъ далъ мнѣ знать, когда пріѣдетъ въ Вильну М. Н. Муравьевъ. Кляцка въ $3^1/_2$ часа пришелъ и объявилъ что М. Н. ѣдетъ съ экстреннымъ поѣздомъ и чрезъ полчаса будетъ въ Вильну. Я тотчасъ одѣлся и поѣхалъ на станцію, и дѣйствительно чрезъ полчаса М. Н. пріѣхалъ, и его встрѣтилъ я съ нѣкоторыми чиновниками его свиты. Зять Михаила Николаевича Шереметевъ, воспитывавшійся въ Артиллерійскомъ Училищѣ, когда я тамъ служилъ, сѣлъ ко мнѣ въ коляску. Я довезъ его до дома генералъ-губернатора и самъ поѣхалъ къ Дубельту обѣдать; въ 8 часовъ вечера возвратился домой, напился чаю, записалъ въ журналъ сегодняшній день и легъ спать.

15 Мая. Сегодня былъ пріемъ у М. Н. Муравьева всѣхъ чиновъ военныхъ, гражданскихъ, духовенства, купечества, Евреевъ и ксендзовъ; при этомъ пріемѣ я присутствовалъ. М. Н. со всѣми порознь говорилъ и каждому изъ нихъ дѣлалъ вопросы такъ умно и кстати, что я удивлялся его глубокому уму и энциклопедическимъ его познаніямъ дѣлъ. Всѣхъ военныхъ отъ имени Государя Императора благодарилъ за отличную ихъ службу и храброе, неутомимое преслѣдованіе Польскихъ мятежниковъ. Гражданскимъ же чиновникамъ сказалъ: «Г. Г., присяга данная нами Государю Императору для насъ составляетъ *первое*, а жизнь наша—*второе*, и потому я прошу васъ служить по присягѣ. Я не принимаю отговорокъ, какъ напримѣръ меня застращали мятежники, хотѣли повѣсить и т. п., и кто изъ становыхъ приставовъ не предупредитъ правительство о сборѣ мятежниковъ, принося въ оправданіе подобныя отговорки, тотъ будетъ судимъ военнымъ судомъ. Господа же помѣщики, оставившіе свои имѣнія, проживающіе здѣсь, должны поѣхать въ свои имѣнія и тамъ, умножая свое хозяйство, оберегать и насъ, и себя».

---

*) Замѣчательно, что это злодѣйство совершено въ день пріѣзда моего въ Вильну, и въ послѣдствіи дѣло это, уже по назначеніи меня членомъ Политической Коммиссіи, поступило для изслѣдованія ко мнѣ; я открылъ злодѣевъ и довелъ ихъ до сознанія. См. 7-ое Іюня.

Отъ М. Н. М. я пошелъ къ Ильѣ Степановичу Фролову, генералъ-адъютанту, помощнику начальника войскъ Виленскаго округа, какъ къ старому знакомому; просидѣвъ у него съ часъ, зашелъ домой. Въ это время были у меня съ визитомъ: Виленскій губернскій почтмейстеръ Л. В. Россильонъ и командиръ л.-гв. Драгунскаго полка Никол. Леонт. Дубельтъ. Въ три часа до обѣда я былъ у Конст. Егоровича Дитерихса, командира артиллеріи, въ Виленскомъ округѣ расположенной. Дитерихсъ былъ юнкеромъ въ Артиллерійскомъ Училищѣ и въ моемъ отдѣленіи портупей-юнкеромъ, когда я служилъ въ Артиллерійскомъ Училищѣ дежурнымъ офицеромъ, начальникомъ 2-го отдѣленія и преподавалъ тамъ математику. Въ 4 часа я отъ него ушелъ и обѣдалъ у Дубельта. Вечеромъ былъ дома. Написавъ письмо въ стихахъ Варварѣ Петровнѣ Дубельтъ, легъ спать.

16 Мая. Въ 10 часовъ былъ у М. Н. Муравьева и не получилъ никакого приказанія. Былъ у военнаго начальника Ив. Ив. Шамшева, заходилъ къ Софьѣ Петровнѣ Шишко урожденной Дубельтъ, но не засталъ дома. Потомъ гулялъ по городу, пришелъ домой и нашелъ у себя визитную карточку К. Е. Дитерихса. Въ 2 часа поѣхалъ къ комендантy Александ. Серг. Вяткину; онъ отдыхалъ, меня приняла очень мило жена его Елисавета Алексѣевна.

17 Мая. День для меня былъ грустный и тяжелый. Въ 9 часовъ утра я былъ у М. Н. Муравьева, дожидался до 12 часовъ; въ 12-ть часовъ онъ пригласилъ меня въ кабинетъ, посадилъ и прочелъ мнѣ бумагу Слѣд. Коммиссіи по политическимъ дѣламъ, изъ которой было видно, что служащій въ Виленскомъ интендантствѣ ст. сов. Терлевскій три раза получилъ изъ Варшавы посылки, на которыхъ было надписано: 1-я) съ сукномъ, 2-я) съ книгою, 3-я) опять съ сукномъ, и что всѣ эти посылки заключали въ себѣ революціонныя прокламаціи, вслѣдствіе чего М. Н. приказалъ мнѣ снять съ Терлецкаго подробное показаніе, а бумагу препроводить къ губернатору, Ив. Владим. Галлеру. Потомъ онъ сказалъ мнѣ по секрету, чтобы сегодня ночью сдѣлать тщательный обыскъ въ богадѣльнѣ дворянки Домбровской. Вышедъ отъ М. Н., въ канцеляріи его получилъ я слѣдующее предписаніе: «Состоящему при мнѣ отставному генералъ-маіору Цылову. Предоставивъ в-е п-во въ распоряженіе начальника Виленской губерніи, прошу васъ явиться къ г.-г. Галлеру для полученія отъ него надлежащихъ указаній по могущимъ быть возложеннымъ на васъ порученіямъ. 17-го Мая 1863 года, № 182».

Представьте себѣ, мои друзья, кому не сдѣлается грустно отъ

такого предписанія? Анализируйте его. Во 1-хъ, заглавіе: *состоящему при мнѣ отставному г.-м. Цылову*. Что это значитъ? Если я состою при немъ, значитъ я на службѣ, а не отставной. Правда, что изъ военной службы по производствѣ меня за отличіе въ ген.-маіоры я былъ уволенъ отъ службы и причисленъ къ Мин. Внутр. Дѣлъ какъ отставной; но къ М. Н. я командированъ отъ министра, въ распоряженіе (именно) М. Н. Муравьева, а потому и слѣдовало заглавіе свое написать не такъ, а вотъ какъ: командированному въ мое распоряженіе отставному г.-м. Цылову. Это мелочь, обижаться нечѣмъ; но самое предписаніе поставило меня въ весьма грустное положеніе, и вотъ оно, во 2-хъ: я принялъ командировку отъ министра только потому, что дѣйствительно, уважая Михаила Николаевича, какъ человѣка Европейскаго, желалъ душевно быть при немъ. Какъ же я могъ быть предоставленъ въ распоряженіе гражданскаго губернатора Галлера безъ всякаго моего на то согласія?!! Тѣмъ болѣе, что въ заглавіи написано отставному, слѣдовательно свободному человѣку. Притомъ я прослужилъ съ честію и умомъ 40 лѣтъ, а Галлеръ 20-ть. Я службой удостоился репутаціи хорошей и извѣстной чуть ли не всей Россіи, а Галлеръ никому неизвѣстенъ. Да я бы и за 10 т. руб. жалованья не тронулся изъ Петербурга, еслибъ зналъ что меня предоставятъ г.-м. Галлеру. Но дѣлать нечего! Изъ привязанности моей къ доброй моей женѣ, я это неудовольствіе проглотилъ, хотя коломъ въ горлѣ стояла эта грустная штука, и сердце было воспламенено. Я подумалъ, что чести я не потерялъ, время политическое, помогать правительству требуютъ честь, присяга, патріотизмъ, и даже жизнью, если это сколько-нибудь поможетъ дѣлу. Рѣшился, имѣя отъ роду 63 года и, какъ бы ничего не было, явился къ губернатору. Въ 3 часа Терлевскаго ст. сов. Поляка вытребовали, и я приступилъ къ допросу. Полякъ всегда Полякъ. Онъ имѣлъ 59 лѣтъ, получилъ три посылки и сказалъ, что бросилъ ихъ въ нужникъ, никому объ революціонныхъ листкахъ не объявляя, впрочемъ будто написалъ въ Варшавскій почтамъ, чтобъ на его имя посылокъ не принимали, а если принесутъ, то чтобы осматривали что въ пакетѣ посылается. Но это еще требуетъ повѣрки. Далѣе онъ показалъ, что, со дня объявленія Варшавскому почтамту, онъ получилъ съ почты 4-ю, 5-ю и даже вчера 6-ю посылку; но всѣ эти посылки онъ, не вскрывая, представилъ своему начальству (всѣ эти послѣднія посылки онъ вѣрно потому представилъ, что испугался пріѣзда М. Н. Муравьева, а М. Н. Муравьевъ шутить не любитъ). На спросъ мой, почему же онъ не представилъ первую посылку начальству, равно 2-ю и 3-ю, онъ объявилъ, что боялся мщенія революціоннаго комитета. Когда я сказалъ ему: напрасно вы первыхъ посылокъ не представили,

тогда бы правительство сдѣлало распоряженіе поймать того человѣка, который бы принесть могъ вторую посылку на ваше имя, и революціонный комитетъ былъ бы открытъ, онъ мнѣ отвѣчалъ, что испугался и не зналъ что̀ дѣлать. По окончаніи допроса я сдалъ Терлевскаго губернатору; губернаторъ доложилъ мой допросъ М. Н. Муравьеву, который приказалъ Терлевскаго арестовать и дѣло передать въ слѣд. комиссію. Домой я пріѣхалъ въ 6 часовъ, не обѣдавши и потерявъ аппетитъ, выпилъ для возбужденія его рюмку водки, съѣлъ кусокъ хлѣба съ солью, легъ спать и проснулся въ 8 ч. Подали самоваръ, какъ вдругъ пришелъ ко мнѣ Зальманъ Викторъ, родной братъ бывшей жены моего сына Алексѣя; мы съ нимъ наговорились, напились чаю, и онъ ушелъ къ своему генералу барону Дельвигу *), а я пошелъ къ Дубельту и просидѣлъ у него до 11½ ч. Въ 12-ть ч. ночи пріѣхалъ ко мнѣ младшій полицейм. г. Вильны маіоръ Кон. Мих. Ножинъ, и я поѣхалъ для исполненія назначеннаго обыска въ предмѣстье Снипишки, въ благотворительное заведеніе дворянки Софіи Домбровской. Я разставилъ кругомъ дома часовыхъ; потомъ, еле-еле дозвонившись, вошелъ въ эту богадѣльню, разставилъ къ каждой двери по часовому, началъ обыскивать вездѣ, чрезъ квартальн. надзирателей Островскаго и Наумова и м. полиц. Ножина, но ничего подозрительнаго не нашелъ. И такъ, отъ 12-ти ч. ночи до 6½ ч. утра на 18-е Мая производился мною обыскъ по всѣмъ чердакамъ, подваламъ, чуланамъ и 50-ти слишкомъ комнатамъ. Въ 6½ часовъ я легъ спать какъ убитый.

18 Мая. Всталъ въ 10-ть ч., а въ 11-ть былъ у Галлера, а потомъ у Муравьева. Обѣдалъ у Дубельта, послѣ обѣда гулялъ вмѣстѣ съ Алекс. Ивановной Дубельтъ, докторомъ Войновымъ въ Ботаническомъ саду. Возвратясь домой, узналъ, что губернаторъ Галлеръ присылалъ за мной, и я тотчасъ же къ нему отправился. Онъ поручилъ мнѣ съ одного дворянина, управляющаго имѣніемъ и бумажною фабрикою помѣщицы Пуславской, находящихся въ пяти верстахъ отъ гор. Вильны, Бухгольца, снять допросъ. Дѣло въ томъ: вчера ночью въ Антокольскомъ католическомъ монастырѣ, называемомъ Петро-Павловскимъ, въ кельяхъ, гдѣ живутъ ксендзы, при обыскѣ найдены были четыре небольшихъ ящика, величиною въ сто сигаръ; въ трехъ ящикахъ находилась серебряная монета рублями, полуимперіалы и червонцы, а въ 4-мъ серебряныя вещи, которыя, какъ показалъ дворянинъ Потоцкой, находящійся въ монастырѣ на покоѣ, будто отданы ему на сбереженіе директоромъ той же бумажной фабрики. По снятіи

*) Барону Андрею Ивановичу (онъ также оставилъ записки о томъ времени). П. Б.

допроса оказалось, что Бухгольцъ даже съ Потоцкимъ и не знакомъ и тѣ ящики не отдавалъ на сбереженіе ему.

19-ое Мая. Троицынъ день. Утромъ въ 10 ч. прислалъ за мной губернаторъ и сказалъ, что надо снять допросъ съ дворянина, который управляетъ фабрикой, а Бухгольцъ управляетъ всѣмъ имѣніемъ, и потому для допроса далъ мнѣ уже другого дворянина, который дѣйствительно показалъ и доказалъ, что тѣ ящики принадлежатъ ему, и что онъ отдалъ ихъ на сбереженіе изъ опасенія, что инсургенты могутъ ихъ у него обобрать. Довольно неосновательная ошибка со стороны г. губернатора, не узнавъ человѣка, съ котораго надо было снимать допросъ, дать мнѣ другого какъ Бухгольца и чрезъ это заставлять меня трудиться безъ пользы. Допросъ я другой снялъ и отправился домой, собралъ свои вещи и изъ гостинницы Европа переѣхалъ на даровую квартиру Павла Васильевича Кукольника, который уѣхалъ на два мѣсяца за границу и въ своей большой квартирѣ помѣстилъ Павла Петр. Войнова, доктора л. гв. драгунскаго полка, которымъ командовалъ Н. Л. Дубельтъ и у котораго я съ нимъ познакомился.

20 Мая. Утромъ я былъ у М. Н. Муравьева въ парадномъ мундирѣ, потому что простого мундира не было (изъ Петербурга еще не прислали). Онъ поручилъ мнѣ дѣло. о Карлѣ Генрихѣ Малицкомъ, Австрійскомъ подданномъ изъ Галиціи, присланномъ изъ Петербурга. Я заѣхалъ домой, переодѣлся и поѣхалъ къ коменданту, потомъ пошелъ въ арестантскую къ Малицкому, первоначально разспросилъ его, чтобы познакомиться съ дѣломъ и вечеромъ что̀ было нужно доложилъ Михаилу Николаевичу.

21 Мая. Съ 9-ти ч. утра и до 9-ти ч. вечера провелъ въ сырой холодной комнатѣ у смотрителя секретныхъ арестантовъ подпоручика Никотина *), допрашивалъ Малицкаго. Комендантша Елисавета Алексѣевна Вяткина присылала мнѣ завтракъ, а съ Никотинымъ я раздѣлилъ вмѣстѣ армейской его обѣдъ.

22 Мая. Утромъ въ 9 ч. вмѣстѣ съ П. П. Войновымъ поѣхали смотрѣть на площадь, гдѣ разстрѣливали ксендза Ишору, но пріѣхали туда тогда, когда его уже закапывали, и войска возвращались; тутъ, разставшись съ Войновымъ, я поѣхалъ въ крѣпость къ коменданту, опять къ смотрителю Никотину и оканчивалъ допросъ съ Малицкаго до 9-ти ч. вечера и опять съ этимъ подпоручикомъ я отобѣдалъ. Въ 10 ч. по-

*) Можетъ быть сынъ Ивана Акимовича Никотина, превосходныя записки, котораго о Польскомъ мятежѣ напечатаны въ „Русской Старинѣ“ 1902 и 1903 г.г. П. Б.

шелъ къ М. Н. Муравьеву, но его не видалъ, потому что много было народу съ разными ему докладами. Въ этотъ день я получилъ письмо отъ жены за № 1-мъ и былъ отъ него очень веселъ.

23 Мая. Утромъ былъ у М. Н. Муравьева съ произведеннымъ мною допросомъ Малицкаго; въ часъ онъ меня принялъ, велѣлъ подождать и занялся съ другими лицами, а обо мнѣ позабывъ, отпустилъ уже въ 4½ часа, приказавъ допросъ Малицкаго прочесть со мною вмѣстѣ г. м. Петру Львовичу Соболевскому. Въ 5-ть ч. пріѣхалъ къ Дубельту, но они уже пообѣдали; добрая же Александра Ивановна приказала обѣдъ для меня оставить, мнѣ накрыли столъ, и я пообѣдалъ. Вечеръ тоже былъ у нихъ, игралъ въ преферансъ и выигралъ три рубля. Въ 1-мъ ч. ночи она приказала запрячь карету, и меня отвезли домой.

24 Мая. Въ 9 ч. утра я отправился съ Войновымъ смотрѣть разстрѣливаніе одного ксендза Земятскаго и одного помѣщика Лясковича. Это производилось въ 10½ ч. Церемоніалъ былъ весьма гласный; ихъ вели по улицамъ Вильны съ барабаннымъ боемъ, народу было гибель, всѣ тротуары, окна были засыпаны людьми, женскаго полу любопытствующихъ было болѣе, чѣмъ мущинъ. Польки ревели до истерическихъ припадковъ, падали на землю, молились, ругались, но ничто не взяло: ихъ разстрѣляли какъ разбойниковъ и мятежниковъ, тутъ же зарыли и затоптали. Съ мѣста казни я поѣхалъ въ арестантскую къ Малицкому и снялъ съ него дополнительное показаніе, отвезъ къ М. Н. и отдалъ генералу Соболевскому приложить къ первому моему допросу.

25 Мая. Утромъ я получилъ объявленіе съ почты на посылку присланную мнѣ: мундиръ, брюки и жилетъ. Пошелъ на почту и посылку получилъ. Возвратясь домой, у меня былъ съ визитомъ Николай Николаевичъ Хитрово, адъютантъ М. Н. Муравьева и помѣщикъ Henri Bielinski. Я съ Хитрово поѣхалъ къ Дубельтовымъ, чтобъ познакомить съ ними Хитрово. Въ тоже время за мною прислалъ М. Н. Муравьевъ, и по случаю командировки въ Динабургъ ген. маіора Петра Львовича Соболевскаго приказалъ мнѣ написать бумаги къ шести губернаторамъ по дѣлу Малицкаго. До обѣда я написалъ къ двумъ, обѣдалъ у Дубельта и послѣ обѣда пошелъ съ П. П. Войновымъ къ вечернѣ первоначально въ домовую церковь митрополита, а оттуда въ соборъ Св. Николая Чудотворца; въ 7 ч. въ канцелярію М. Н. Муравьева, гдѣ написалъ остальныя бумаги къ 4 губернаторамъ, выбравъ для каждаго тѣ обстоятельства изъ дѣла Малицкаго, которыя къ кому изъ губернаторовъ относились. Въ 12 ч. ночи эти бумаги, мною написанныя, были поданы къ подписи, и М. Н. Муравьевъ всѣ ихъ одобрилъ и подписалъ.

26 Мая. Подалъ М. Н-чу чрезъ Н. Гр. Лошкарева докладную записку объ опредѣленіи меня на службу по артиллеріи и съ оставленіемъ въ его распоряженіи. Потомъ былъ у арестанта Малицкаго. Потомъ у Шамшева, командира Атаманскаго полка.

27 Мая. Утромъ былъ у меня съ визитомъ г. Шишко, мужъ Софьи Петровны Дубельтъ, долго сидѣлъ у меня, разговоръ былъ политической, и я его убѣдилъ въ глупости Польскаго мятежа и въ томъ вредѣ, какой Поляки приносятъ своей отчизнѣ.

28 Мая. Утромъ ходилъ на почту и отослалъ письма въ Городскую Думу на вопросъ, желаю ли я поступить въ оцѣночную комиссію членомъ, и къ Порфирію Н. Глѣбову. Въ часъ получилъ предписаніе М. Н. Муравьева отъ сего числа за № 363: «Назначивъ в. п-во членомъ Виленской Слѣдственной Комиссіи, съ производствомъ присвоеннаго этой должности содержанія, предлагаю вамъ немедленно явиться къ предсѣдателю означенной комиссіи, коему вмѣстѣ съ симъ сообщено о вашемъ назначеніи». Я тотчасъ одѣлся и явился къ г. л. Сергѣю Гавриловичу Веселитскому. Собрался идти обѣдать къ Дубельту, но прислалъ за мной М. Н. Муравьевъ и поручилъ дѣло о дворянкѣ Евринѣ Стаховской, которая была арестована за полученное на имя ея письмо съ возмутительными бумагами. Обѣдалъ у Дубельта и послѣ обѣда допрашивалъ Стаховскую, а вечеромъ доложилъ о ней М. Н., который и приказалъ ее освободить.

29 Мая. Освободилъ Стаховскую, и она цѣловала мои руки.

30 Мая. Съ 9-ти ч. утра до 4-хъ былъ въ комиссіи и занимался дѣломъ предводителя дворянства Гродненской губерн. гр. Старжинскаго.

31 Мая. Съ 9-ти ч-въ утра былъ въ комиссіи, потомъ поѣхалъ въ отдѣленіе Военнаго Госпиталя Св. Якова допрашивать Корзуна. Мѣстность великолѣпная.

1 Іюня. Въ 9-ть ч. зашелъ къ коменданту, старому знакомому ген. лейт. Александру Серг. Вяткину; прекрасная его супруга предложила мнѣ чаю, и я выпилъ четыре стакана; велѣли заложить лошадь и отправили домой.

3. Іюня. Окончилъ дѣло графа Старжинскаго и началъ дѣло повстанца дворянина Адама Домбровскаго.

4. Іюня. Ночь почти не спалъ отъ разныхъ мыслей, оставаться ли мнѣ на службѣ отставнымъ; заснулъ только въ 6 часовъ утра на 5-ое число.

6 Іюня. Одинъ изъ мятежниковъ просилъ смотрителя доложить комиссіи, что онъ имѣетъ тайну, которую скажетъ только въ комиссіи. Пришедъ онъ объявилъ, что такіе-то арестанты въ разговорахъ съ нимъ разсказали ему: что около 10 Мая они получили отъ Польскаго Комитета приказъ, чтобы старосту и лѣсника изъ одной и той же деревни, перваго повѣсить, а второму вырѣзать языкъ, и что это они исполнили въ лѣсу около двухъ миль отъ Вильны. Злодѣяніе это дѣйствительно было совершено, ибо лѣсника съ отрѣзаннымъ языкомъ привезли въ Госпиталь въ Вильну, и я ѣздилъ его смотрѣть. Изъ числа шести человѣкъ совершившихъ это злодѣяніе трое попались въ плѣнъ вѣроятно по Божіей волѣ, и тайна ихъ открылась упомянутымъ доносомъ. Дѣло это съ сегодня производить началъ я. Обѣдалъ у Дубельта, потомъ вмѣстѣ съ ними и прочими гостями поѣхали къ горѣ Трехъ Мучениковъ, вошли на нее и восхищались дѣйствительно красотою видовъ Вильны и самымъ городомъ. Оттуда поѣхали на музыку въ Ботаническій садъ, а изъ сада я пріѣхалъ домой сильно уставши. Чтобы не забыть, я запишу слѣдующее обстоятельство. Состоящій при военномъ министрѣ ген. маіоръ В. былъ назначенъ предсѣдателемъ нашей комиссіи вмѣсто ген. лейт. Сергѣя Гавриловича Веселитскаго. Новый предсѣдатель 4-го Іюня прибылъ въ комиссію; тутъ я увидѣлъ его въ первый разъ, и рожа его равно, какъ и манера, мнѣ очень не понравилась, а особенно мнѣ показалось что онъ вельми глупъ. Прослуживъ 45 лѣтъ, я былъ весьма опытенъ узнавать людей съ перваго взгляда. Все время присутствія В. былъ въ комиссіи вмѣстѣ съ Веселитскимъ. Что-же? На другой день въ комиссію поступаетъ отъ М. Н. Муравьева предложеніе объ оставленіи С. Г. Веселитскаго впредь до распоряженія по старому предсѣдателемъ комиссіи, а В., какъ говорятъ, оказался неспособнымъ съ перваго его разговора съ Михаиломъ Николаевичемъ и отъ предсѣдательства отказался. Дуракъ дуракомъ отправился обратно въ С.-Петербургъ. И такъ первое мое къ нему впечатлѣніе увѣнчалось справедливымъ моимъ взглядомъ на эту личность.

7 Іюня. Въ 8 часовъ пошелъ въ комиссію, подарилъ Атласъ 13-ти частей С.-Петербурга Сер. Гав. Веселитскому; занимался дѣломъ о повѣшаніи мятежниками одного деревенскаго старосты и объ отрѣзаніи языка лѣсничему; оба они были между собою родные братья. То и другое злодѣяніе совершилъ ксендзъ Мацкевичъ съ 15-ю человѣками мятежниковъ изъ шайки Вислоуха. Къ искреннему показанію объ этомъ преступленіи доведенъ мною до сознанія плѣнный Михаилъ Мацкѣвичъ. Отослалъ письмо къ управляющему домомъ нашимъ Лебедеву, съ приложеніемъ условія о проводѣ по всему дому газоваго освѣщенія мастеромъ Стольценбергомъ.

9 Іюня. Занимался съ часъ дѣлами вмѣстѣ съ Веселитскимъ. Изъ комиссіи я поѣхалъ въ соборъ св. Николая, усердно помолился Богу. По окончаніи обѣдни, нашедъ въ соборѣ Войнова, зашелъ познакомиться къ отцу протоіерею Гомолицкому; просидѣвъ у него съ полчаса, я замѣтилъ, что онъ весьма опытный и умный человѣкъ. По окончаніи визита поѣхалъ любоваться архитектурою постройки костела св. Анны. Когда Наполеонъ I былъ въ Вильнѣ, въ 1812 году, и видѣлъ этотъ костелъ, то сказалъ: онъ такъ хорошъ, что я на ладоняхъ бы перенесъ его въ Парижъ. Дѣйствительно, архитектура и работа геніальны. Внутри я не былъ; но говорятъ, что внутренность не соотвѣтствуетъ далеко наружности. Потомъ поѣхали мы къ Н. Н. Вельяминову, командиру Павловскаго полка *), у него я посидѣлъ съ полчаса, заѣхалъ справиться въ канцелярію М. Н. Муравьева, гдѣ живетъ Н. Н. Хитрово, его адъютантъ, но не добившись толку, поѣхалъ въ лавку, гдѣ купилъ образъ Остробрамской Божіей Матери вызолоченный и три фотографіи того же образа. Купилъ 21 листъ почтовой бумаги съ видами Вильны.

10 Іюня. Въ 10-ть часовъ утра разстрѣленъ дворянинъ Юліанъ Лѣсневскій.

12 Іюня. Въ 4 часа предсѣдатель комиссіи пригласилъ меня вмѣстѣ съ собою и членомъ г.-м. Алексѣевымъ ѣхать для допроса къ Сигизмунду Сѣраковскому. Мы поѣхали втроемъ въ коляскѣ въ отдѣленіе Военнаго Госпиталя св. Якова и, пробывъ у Сѣраковскаго до 6 часовъ, ничего не могли отъ него добиться кромѣ ученыхъ его преній; но весьма любопытно было слышать и видѣть его энергію, съ которою онъ стремился добиться гласнаго надъ нимъ суда. Любопытно видѣть, какъ онъ объяснялся, зная, что смерть близка, зная самъ, что его преступленіе заслуживаетъ смертную казнь неизбѣжно, сознавая ее, какъ имъ заслуженную. Возвратившись отъ Сѣраковскаго въ 6½ часовъ, я не имѣлъ уже аппетита обѣдать, совершенно морально разстроенный. Уснулъ и въ 9-мъ часу для развлеченія поѣхалъ на музыку, а оттуда къ Дубельтовымъ пить чай и играть въ ералашъ, выигралъ 2 р. 30 к.

13 Іюня. Занимался дѣломъ ксендза Кайро, который былъ законоучителемъ въ Ковенской гимназіи и при директорѣ гимназіи Шульгинѣ, читая урокъ, о царской власти употребилъ выраженіе: а если

*) Николай Николаевичъ Вельяминовъ (скончавшійся въ Москвѣ директоромъ Измайловской богадѣльни) оставилъ также записки о службѣ своей въ Вильнѣ. П. Б.

царь будетъ предписывать, что противъ религіи, то вы должны быть.... *) т. е. въ большомъ волненіи. Обѣдалъ у Дубельта, послалъ женѣ письмо и 100 рублей. Къ чаю пріѣзжала ко мнѣ Генріета, урожден. Сипайло, чай не пила.

14 Іюня. Съ 8 до 5 часовъ въ комиссіи занимался дѣломъ отставнаго полковника Андрея Орды. Обѣдалъ у Дубельта. Послѣ обѣда былъ у Дурасѣвича, который женатъ на дочери Сипайло, пилъ у нихъ чай.

15 Іюня. Отослалъ письма къ сыну Андрею и женѣ моей за № 4. Сегодня въ 10 часовъ утра казнили смертью повѣшанія бывшаго капитана генер. штаба Сѣраковскаго, который измѣнилъ присягѣ, вступилъ въ шайку мятежниковъ, предводительствовалъ ею, казнилъ плѣнныхъ смертію повѣшанія. Назывался подъ именемъ Доленги. Шайка его была разбита ротами л. гв. Финляндскаго полка, подъ командою командира полка г.-м. Гапецкаго. Сѣраковскій былъ раненъ и взятъ скрывавшимся въ избѣ лѣсника вмѣстѣ съ другимъ начальникомъ шайки Колышкою, который казненъ прежде.

18 Іюня. Въ 7 часовъ вечера такой шелъ дождь съ громомъ, что по гористымъ улицамъ Вильны какъ бы быстрыя рѣки текли глубиною въ аршинъ, зрѣлище прекрасное! Сегодня я кончилъ слѣдствіе надъ мятежниками, которые въ деревнѣ нашего мужика старосту Андрея Томашевича повѣсили, а родственнику его Ивану Томашевичу отрѣзали языкъ. Преступники: Вашкѣвичъ, Мунчунскій и Королькѣвичъ подлежатъ наказанію смертной казни. Грустно мнѣ было производить это слѣдствіе, но что дѣлать? Сами виноваты, въ преступленіи сами сознались при слѣдствіи.

20 Іюня. Обѣдалъ по приглашенію у С. Г. Веселитскаго. Видѣлъ у него его брата Ив. Гавр. Веселитскаго, бывшаго воспитанника Артил. Училища и который женатъ на дочери Алексан. Богдан. Дихеуса. Сегодня удалось сдѣлать въ комиссіи доброе дѣло, защитить одного крестьянина отъ незаслуженнаго имъ наказанія.

23 Іюня. Всталъ въ 9 ч., былъ у обѣдни въ домовой церкви генер.-губернатора, встрѣтился тамъ съ Степаномъ Ѳедоровичемъ Панютинымъ, который назначенъ губернаторомъ въ г. Вильну вмѣсто г.-м. Галлера. Вотъ судьба: С. Ф. Панютинъ, вмѣстѣ со своими братьями, Николаемъ и Павломъ, былъ у меня пансіонеромъ въ 1837 году, я ихъ готовилъ въ Артиллерійское Училище, и вотъ чрезъ 26 лѣтъ судьба привела быть мнѣ старику почти подъ командой, если бы въ Вильнѣ не

*) Такъ въ подлинникѣ. П. Б.

было генералъ-губернатора. Отдалъ сегодня проектъ мой о введеніи въ Вильнѣ адреснаго стола князю Шаховскому состоящему при М. Н. Муравьевѣ.

25 Іюня. Сегодня расчиталъ моего соннаго лакея Артемія и отпустилъ. Онъ получалъ въ мѣсяцъ 15 руб.

26 Іюня. За слѣдствіе, мною произведенное, за выписку и докладъ, мною составленный, предсѣдатель меня благодарилъ. Это слѣдствіе мною произведено объ отрѣзаніи мятежниками одному крестьянину языка и о повѣшаніи другого за то, что они навели наше войско на ихъ шайку. Фельдшеръ Бедеръ началъ мнѣ служить за 5 р. въ мѣсяцъ, такъ какъ я живу вмѣстѣ съ докторомъ Войновымъ.

28 Іюня. Отправилъ письма: къ сыну Николаю и къ Липранди два; съ 8 до 5 былъ въ комиссіи, занимался дѣлами тѣхъ же лицъ какъ и вчера; обѣдалъ въ клубѣ, потому что Дубельтъ вчера отправился въ Динабургъ смотрѣть Уланскій полкъ по порученію корпуснаго командира Его Высочества Николая Николаевича.

30 Іюня. Былъ у М. Н. Муравьева, его не видалъ. Потомъ ѣздилъ съ визитомъ къ начальнику штаба Виленскаго округа Аполону Эрнестовичу Цимерману.

1 Іюля. Занимался допросомъ бывшаго кондуктора Инженернаго Училища Сигизмунда Минѣйки, который сознался, что былъ начальникомъ шайки мятежниковъ въ Ошмянскомъ уѣздѣ.

2 Іюля. Вторникъ. Отослалъ письмо внуку Николѣ Цылову.

3 Іюля. Веселитскій объявилъ, что М. Н. Муравьевъ назначаетъ его Гродненскимъ губернаторомъ. Я занимался составленіемъ докладовъ по дѣлу жены кол. сов. Октавіи Пальчевской и по дѣлу полковника Андрея Орды.

4 Іюля. Ко мнѣ пришли помѣщикъ Снитко, бывшій воспитанникъ Артиллерійскаго Училища, и губернскій почтмейстеръ Россильонъ, пили у меня чай до $11^1/_2$ часовъ. Получилъ сегодня дѣло Александра Оскерки, которымъ и занимался. Въ этотъ день я видѣлъ необыкновенное слѣдующее зрѣлище: лѣсникъ, которому мятежники отрѣзали языкъ, выздоровѣлъ и призванъ былъ въ комиссію; когда я представилъ ему виновниковъ сознавшихся въ этомъ преступленіи, то одинъ изъ нихъ, по фамиліи Мунчунскій, бросился къ нему въ ноги и сталъ ихъ цѣловать, прося прощенія. Зрѣлище умилительное, зная, что преступниковъ скоро должно казнить.

5 Іюля. Занимался дѣлами: 1) отставнаго поручика Александра Оскерки, какъ участника въ Польскомъ возстаніи по литературной части; 2) Еврея Израиля Пензена, имѣвшаго сношеніе съ мятежниками.

7 Іюля. Былъ у обѣдни въ церкви у ген.-губернатора, потомъ ѣздилъ съ визитомъ къ губернатору С. Ф. Панютину, отвезъ ему книгу мою: Описаніе улицъ С.-Петербурга въ 1863 году, но не засталъ его дома. Потомъ былъ съ визитомъ у коменданта Вяткина. Видѣлся у него съ А. В. Паткулемъ.

10 Іюля. Занимался въ комиссіи дѣломъ архитектора Бема, который по мнѣнію моему вовсе ничѣмъ не виноватъ.

11 Іюля. Вечеромъ у меня пилъ чай ст. сов. Дмитрій Егоровичъ Савичъ.

12 Іюля. Въ комиссіи занимался дѣлами Еврея Пекара, Идаліи Парадовской и ксендза Гундіуса. Сегодня совершенно убѣдился, что предсѣдатель Веселитскій собственно весьма хорошъ къ моей личности, но такъ несправедливъ, дерзокъ и грубъ съ лицами попавшимися подъ слѣдствіе, что компрометируетъ не только лицъ правительствующихъ, но и самую Россію. Благородному человѣку нельзя быть свидѣтелемъ его дѣйствій, и я даю честное слово себѣ не скрывать его дѣйствій, если къ тому представится случай; если же теперь молчу, то потому только, что не хочу быть доносчикомъ. Но Богъ его строго накажетъ за дѣла: полковника Орды, Идаліи Парадовской, Андрея Бема и Александра Оскерки!!! И я впередъ угадываю, что у меня должна быть когда-нибудь съ нимъ такая разладица, чрезъ которую я изъ комиссіи выйду, и если правда будетъ имѣть мѣсто у людей, какъ у совѣсти и у Бога, то я долженъ буду остаться въ большомъ выигрышѣ у начальства и у службы. Если жъ истина до высшихъ властей не дойдетъ, чрезъ что зло, несправедливость и взятки будутъ имѣть мѣсто, то я всетаки, останусь какъ масло поверхъ воды; ибо до сихъ поръ всѣ люди меня знающіе практически всегда считали, считаютъ и будутъ считать за человѣка справедливаго, честнаго, благороднаго и вѣрнаго слугу отечеству и Государю. 44 года я служу, и нѣтъ человѣка, который бы, ставъ со мной лицо къ лицу, могъ бы представить или уличить въ какомъ либо случаѣ компрометирующемъ мою честь и совѣсть, что̀ составляетъ все мое достояніе.

Іюля 13. Вечеромъ возвращался въ С.-Петербургъ л.-гв. Финляндскій полкъ, командиръ котораго былъ Ив. Степан. Ганецкій. Полкъ этотъ заслужилъ особое уваженіе во всѣхъ дѣлахъ при разбитіи мя-

тежническихъ Польскихъ шаекъ, особенно подъ мѣстечкомъ «Мятъкишки» Виленскаго уѣзда. Всѣ военнослужащіе въ г. Вильнѣ устроили сдѣлать проводы л.-гв. Финляндскому полку, и потому составилась подписка. Къ 11-ти часамъ вечера почти всѣ начальствующіе военные чины, штабъ генералъ-губернатора, въ числѣ всѣхъ до ста человѣкъ, собрались на станцію желѣзной дороги, гдѣ въ большой залѣ былъ накрытъ ужинъ. При входѣ въ залъ г.-м. Ганецкаго, главныя лица его встрѣтили, и хоръ музыки того же полка привѣтствовалъ виновника нашего дружескаго вечера восторженнымъ чувствомъ Русскихъ, съ неумолкаемымъ ура, всѣхъ солдатъ, стоящихъ на дворѣ, кругомъ залы, при открытыхъ окнахъ. Чинно всѣ усѣлись за столъ, и послѣ перваго блюда, при душевныхъ воедино слившихся чувствахъ, былъ выпитъ каждымъ непремѣнно полный бокалъ шампанскаго вина, при возглашенномъ тостѣ: за здравіе Государя Императора Освободителя! Это ура изображало самую побѣдоносную силу Россіи, силу, изображающую величіе Царя и величіе Русскаго народа, вѣрноподданнаго безъ малѣйшей примѣси лицемѣрія. Ура долго не останавливалось, и лишь малѣйше звукъ его прекращался, какъ съ большей еще силой возобновлялся. Звукъ этотъ, сливаемый съ хоромъ военной музыки игравшей: Боже царя храни, производилъ въ свидѣтеляхъ и вмѣстѣ дѣйствующихъ лицахъ такое благоговѣйное чувство восторга, которое не выражается ни въ какую форму словъ. Спустя нѣсколько минутъ былъ предложенъ тостъ за здравіе великолѣпнаго нашего начальника края Михаила Николаевича Муравьева. Электрическое ура, повторенное много разъ и раздавшееся по всей Вильнѣ, выразило то непритворное чувство дѣйствительнаго и полнаго къ нему уваженія, которое онъ вселилъ своимъ мудрымъ управленіемъ краемъ, возстановивъ въ немъ народное Русское чувство гордости, снявъ съ него арестъ, наложилъ его на Поляковъ, ихъ образумилъ и указалъ имъ законное правительство, предъ которымъ они должны давать отчетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Мы, ближайшіе свидѣтели сго распоряженій, можемъ вѣрнѣе оцѣнить то благо, которое проявляется на насъ Русскихъ отъ бдительности, вѣрнаго взгляда и ума Михаила Николаевича. Теперь мы спимъ покойно и не кладемъ револьверовъ подъ подушку, по улицамъ ходимъ безбоязненно и безъ провожатыхъ даже ночью. Траура, напоминающаго грусть, нѣтъ! При встрѣчахъ намъ учтиво и съ большою вѣжливостію даютъ дорогу съ видимымъ уваженіемъ. Объ искусственныхъ дождяхъ и помину нѣтъ, музыки два хора играютъ въ саду ежедневно. Театръ возстановился и бываетъ полонъ, и даже 14-го Іюня, Воскресенье, хоръ славныхъ Русскихъ дѣвушекъ, разнаряженныхъ въ разноцвѣтныя веселыя платья, цѣлымъ хоромъ возлѣ театра пѣли ро-

димыя наши Русскія пѣсни про невѣстъ и жениховъ. Извините это отступленіе отъ провожанія достойнаго полка, сливающагося съ именемъ благородной Финляндіи, увлекло чувство теперешней живни въ г. Вильнѣ, чувство удовольствія и возстановившагося достоинства Русскаго отъ специфическихъ средствъ управленія. Возвратимся продолжать ужинъ и восторженность чувствъ. Третій тостъ былъ предложенъ за здоровье Ив. Ст. Ганецкаго, командира полка, всѣхъ г. г. штабъ и оберъ-офицеровъ полка и всѣхъ въ немъ служащихъ нижнихъ чиновъ. Ура, которое было вызвано этимъ тостомъ, понятно Русскому сердцу, равно какъ и послѣдующіе звуки ура отъ тостовъ: за Россійское храброе воинство, за 1-ю и 2-ю гвардейскія дивизіи, за л.-гв. Драгунскій и Казачій полки, участвовавшіе лихо въ дѣлахъ противъ мятежниковъ Польскихъ и инсургентовъ, за полковыхъ командировъ сихъ полковъ Н. Л. Дубельта и Ив. Ив. Шамшева, за нижнихъ чиновъ получившихъ знаки отличія военнаго ордена, а уже потомъ... и отъ всѣхъ и за всѣхъ!!! Словомъ, радость, веселье, чувства вѣрноподданническія и непритворное чувство благодарности Михаилу Николаевичу составляли великолѣпный квартетъ, разыгранный тысячью человѣками какъ бы однимъ самымъ высокимъ виртуозомъ. Разумѣется, ужинъ не прошелъ безъ спичей, которыхъ было до десяти, и длинные, и средніе, и короткіе, но всѣ кстати, и въ чувствахъ выражающихъ: благородный патріотизмъ Русскихъ, безпредѣльную вѣрноподданническую преданность и любовь къ Царю Освободителю, и братство Русскаго народа. Для собственной своей памяти я записываю спичъ, сказанный мною, положимъ хоть худой, но и онъ болѣе интересенъ для моего потомства и друзей занимающихъ бель-этажъ моего сердца:

Иванъ Степановичъ!
Не жалѣли вы трудовъ,
Не жалѣли жизни вашей,
И разбивши Поляковъ,
Не забудьте жъ дружбы нашей!

Самодуръ Веселитскій неудачно сказалъ спичъ и предложилъ тостъ за здравіе В. И. Назимова, который допустилъ безпорядки въ Литвѣ.

Въ часъ пополуночи подъѣхалъ къ вокзалу поѣздъ съ вагонами, полкъ и Ганецкій усѣлись въ вагоны или правдивѣе улеглись и помчались въ Петербургъ съ дружными проводами на дружныя встрѣчи. Почти въ 2 часа я пріѣхалъ домой на телѣгѣ, ибо не нашелъ извозчика, и легъ спать полупьяный. День пріятнаго молодаго ощущенія на 63-мъ году моей жизни! За эти проводы съ каждаго лица пришлось заплатить по 13 рублей. И я денежки 13 рублей внесъ.

14 Іюля. Послѣ обѣдни въ церкви дома г.-губернатора былъ съ визитомъ у князя Анатолія Ив. Барятинскаго, который прибылъ съ полкомъ л.-гв. Преображенскимъ имъ командуемымъ, у г.-м. Александра Романовича Дрентельна, начальника 1-й дивизіи, смѣнившей вторую и у князя Александра Прохоровича Ширинскаго-Шахматова, попечителя Виленскаго учебнаго округа.

16 Іюля. На квартирѣ остался одинъ, ибо Войновъ переѣхалъ въ госпиталь на Антоколѣ. Служба въ комиссіи дошла до отвратительности.

17 Іюля. Подалъ Веселитскому записку объ увольненіи меня изъ членовъ комиссіи. Послалъ статью къ Краевскому о проводахъ л.-гв. Финляндскаго полка.

18 Іюля. Окончилъ дѣло дѣвицы Парадовской и архитектора Бема и подалъ отдѣльное свое мнѣніе о ихъ невинности. Потомъ занимался дѣлами братьевъ Колбовъ и дѣломъ инструментальнаго мастера Коровая.

21 Іюля. Говорилъ Н. Гр. Лошкареву о поданной мною запискѣ предсѣдателю Виленской комиссіи по политическимъ дѣламъ г.-л. Веселитскому о томъ, что я не хочу быть членомъ этой комиссіи, потому что въ ней дѣла рѣшаются не такъ какъ должно, несправедливо, обращеніе предсѣдателя съ несчастными подсудимыми дерзко, невѣжливо, что комиссія эта компрометируетъ Россію и что мнѣ совѣстно, при такомъ предсѣдателѣ-болванѣ, быть членомъ комиссіи этой. Просилъ меня уволить. Лошкаревъ обѣщалъ. Потомъ я поѣхалъ къ Павлу Васильевичу Полянскому, управляющему земскою случною конюшнею. Отъ него поѣхалъ къ Н. М. Муравьеву, сыну ген.-губернатора, потомъ былъ у князя Ширинскаго-Шахматова, отдалъ ему книгу моего изданія Описаніе улицъ С.-Петербурга. Таковую же книгу съ моею надписью занесъ къ Н. М. Муравьеву.

22 Іюля. День тезоименитства Государыни Императрицы. Къ 10-ти часамъ утра всѣ военные и гражданскіе чины собрались въ полной парадной формѣ къ М. Н. Муравьеву. Въ 10 часовъ онъ вышелъ, подходилъ ко всѣмъ сословіямъ, къ собраннымъ помѣщикамъ, къ ксендзамъ, къ обществу Евреевъ и весьма кстати и умно сказалъ имъ приличныя наставленія. Потомъ всѣ православные отправились въ соборъ Св. Николая Чудотворца. Обѣдню служилъ архіерей. Великолѣпные пѣвчіе митрополита, торжественная обѣдня, въ замѣчательномъ архитектурою соборѣ, все это вселяло въ душу божественное умиленіе съ расположеніемъ къ теплой молитвѣ. Къ молебну облачился митрополитъ Симашко и совершалъ молебствіе самъ лично; къ молебну при-

ѣхалъ и генералъ-губернаторъ. Представьте себѣ старца митрополита Симашко (наружность его величественная, лицо выражающее глубокій умъ) въ полномъ великолѣпномъ облаченіи стоящаго и держащаго въ рукахъ, отъ старости дрожащихъ, крестъ нашего Христа Спасителя, которымъ осѣняетъ провозглашеніе многія лѣта Царю-Освободителю Александру II-му, и представьте имя М. Н. Муравьева принадлежащее потомству, имя, которое заняло высокое мѣсто на скрижалахъ Исторіи Русской, и лично самого Михаила Николаевича цѣлующаго крестъ и руку благословителя.

Дѣти и потомки мои! Вѣрьте, что государство только тогда славно и велико, когда народъ мыслитъ какъ одинъ человѣкъ о безпредѣльной преданности своей къ такому Царю какъ Александръ II, несмотря на ошибки правительства, которыя вездѣ возможны и которыя всегда будутъ, ибо правительства составляютъ люди, а у людей есть страсти. Отъ обѣдни я пошелъ домой; на дорогѣ меня настигъ П. В. Полянской, ѣхавшій изъ церкви въ колескѣ, пригласилъ меня сѣсть съ собой. Мы заѣхали ко мнѣ на квартиру, я ему подарилъ на память книгу моего изданія планы С.-Петербурга съ 1700 года по царствованіямъ, и потомъ вмѣстѣ мы поѣхали къ Александру Романовичу Дрентельну поздравить супругу его Марью Васильевну со днемъ ея ангела. Вечеромъ былъ театръ. Весь городъ былъ отлично илюминованъ, не было окна даже въ подвальномъ этажѣ, на которомъ бы не стояли двѣ зажженныя свѣчи, во многихъ мѣстахъ были выставлены транспараны съ вензелями Царя и Царицы. Народъ веселился, музыка играла, и пѣсни Русскія въ столицѣ Литвы раздавались въ разныхъ мѣстахъ города; замѣчательно были илюминованы костелы, на высокихъ колокольняхъ которыхъ ярко горѣли вензеля Александра II и Императрицы Маріи Александровны.

23 Іюля. Занимался дѣлами ксендза Гундіуса, Вончеслава и составлялъ выписку изъ дѣла Еврея Ицки Пекара. 20-го Іюля въ Субботу случилось казусное обстоятельство при допросѣ моемъ ксендза Гундіуса. Между бумагами найденными у васъ найдена проповѣдь ваша; поясните, въ которомъ году и гдѣ вы ее говорили, и съ какою цѣлію вы избрали въ такое мятежное время, въ церкви, тему вашего проповѣданія о борьбѣ и о войнѣ? Для того, чтобы ему было легче объяснять свою проповѣдь на данный ему вопросъ, я отдалъ ему собственноручно написанную имъ проповѣдь на Польскомъ языкѣ, а самъ началъ читать другое дѣло. Когда Гундіусь написалъ отвѣтъ, то я предложилъ ему прочесть мнѣ что онъ написалъ. Гундіусъ началъ съ того, что проповѣдь эту онъ читалъ въ г. Вильнѣ въ костелѣ Св. Яна, но въ кото-

ромъ году не помнитъ. Надо здѣсь предварительно замѣтить, что Гундіусъ уже былъ сосланъ на жительство въ г. Вятку за возмутительныя свои проповѣди и по манифесту 17-го Апрѣля 1862 года былъ возвращенъ на родину подъ надзоръ деревенскаго настоятеля. А какъ на подлинной проповѣди на углу листа была помѣта 1863 Mich., доказывающая, что проповѣдь эту онъ читалъ послѣ возвращенія своего изъ Вятки, и что ссылка не исправила его отъ распространенія въ Литвѣ возмутительнаго духа, то Гундіусъ, предполагая, что помѣты его: «1863 Mich.» я не замѣтилъ, тихонько, когда я отошелъ отъ стола своего, за которымъ сидѣлъ и Гундіусъ, оторвалъ этотъ уголокъ отъ подлинной бумаги и спряталъ его въ боковой карманъ, предполагая, что тѣмъ онъ утаитъ время чтенія проповѣди, а слѣдовательно время чтенія проповѣди, оторваніемъ помѣты, онъ отнесетъ до ссылки его въ Вятку, и тогда эта возмутительная проповѣдь будетъ служить его прежнею виною, за корую онъ былъ сосланъ и тѣмъ скроетъ его новое преступленіе. Но когда я спросилъ: отчего оторванъ уголъ, на которомъ была помѣта 1863 Mich., то онъ оробѣлъ и признался, что это онъ самъ оторвалъ, о чемъ и былъ составленъ актъ. Сегодня же, когда я сдѣлалъ ему письменный вопросъ: съ какою цѣлію онъ оторвалъ ту помѣту, онъ такъ заплакалъ и такъ рыдалъ отъ сознанія, что онъ это сдѣлалъ противъ совѣсти и что этотъ поступокъ ляжетъ на его душу какъ клеймо тяжкое, что я не могъ вынести его мученій, и мои слезы уже начали орошать мои рѣсницы, и я вышелъ на крыльцо. Разсудите его поступокъ психологически, и вы согласитесь, что онъ оторвалъ помѣту безсознательно, изъ чувства самосохраненія, ибо утопающій и за соломенку хватается. Богъ ему проститъ! И я прощаю, но глупый и звѣрской предсѣдатель комиссіи, Грибоѣдовскій Скалозубъ, или настоящій Веселитскій ему не проститъ, чтобы выслужиться у М. Н. Муравьева; но онъ ошибется, ибо М. Н. человѣкъ хотя очень строгій но вмѣстѣ съ тѣмъ и благородный и честный и непремѣнно понимающій Веселитскаго. Теперь иду къ Н. Л. Дубельту обѣдать и отвести душу въ разсужденіяхъ этого благороднаго и умнаго человѣка. Помѣта Гудіуса 1863 Mich. означаетъ, что проповѣдь эта была читана въ костелѣ, находящемся въ мѣстечкѣ Михалишкахъ Виленскаго уѣзда, въ 1863-мъ году.

24 Іюля. Сегодня я получилъ для изслѣдованія дѣло, поступившее въ комиссію 6-го Іюля, и по безпорядку въ комиссіи существующему (подъ предсѣдательствомъ г. л. Веселитскаго, справедливо прозваннаго самодуромъ) отданное мнѣ только сегодня, т. е. спустя 18 дней. При дѣлѣ этомъ препровождены были четыре родныхъ брата крестьяне Шве-

довичи Виленскаго уѣзда, арестованные по доносу крестьянина Ивана Маслинскаго. Разсмотримъ теперь дѣло Шведовичей и результатъ отъ безпорядковъ въ комиссіи существующихъ.

По разслѣдованію пристава 3 стана Виленскаго уѣзда оказалось, что 106 человѣкъ крестьянъ подъ присягою показали, что Шведовичи отличнаго поведенія, хорошіе и зажиточные хозяева, что старшій изъ нихъ Феликсъ, 18 лѣтъ, былъ старшиною общества и имѣетъ двѣ серебреныя медали за усердіе, и что они, какъ и ни одно лицо съ ихъ деревни, никакихъ сношеній съ мятежниками не имѣли и никакихъ припасовъ имъ не доставляли. Напротивъ, доносчикъ Иванъ Маслинскій дурной нравственности, пьяница, безпокойный и ложный человѣкъ, и сдѣлалъ на Шведовичей доносъ изъ мщенія за то, что они ведутъ съ нимъ дѣло по раздѣлу земли, и что старшій ихъ братъ, бывши старшиною, по приговору общества, наказывалъ Маслинскаго за воровство и за побои, причиненныя имъ родному своему отцу, котораго онъ даже сѣкъ розгами. Далѣе въ дѣлѣ есть и показаніе доносчика Маслинскаго, въ которомъ онъ самъ сознается, что доносъ этотъ онъ сдѣлалъ по наущенію его другимъ крестьяниномъ, который будто увѣрилъ Маслинскаго, что если Шведовичей арестуютъ, тогда землю отъ нихъ возмутъ и отдадутъ Маслинскому. Каковъ этотъ проклятой доносчикъ? И каково страданіе физическое и моральное четырехъ родныхъ честныхъ братьевъ и каково невинное страданіе оставшихся четырехъ ихъ семействъ въ рабочее время, проживающихъ только трудами своихъ рукъ? И эти бѣдные труженики, страдающіе отъ нелѣпаго доноса, еще болѣе страдаютъ отъ равнодушія и безпорядка комиссіи. Въ то время, когда дѣло ихъ можетъ быть кончено въ полчаса, невинные содержатся подъ арестомъ болѣе 18-ти дней, только отъ того, что бумага объ нихъ залежалась въ комиссіи столько времени!!! Бывши въ комиссіи членомъ подъ предтѣдательствомъ самодура, я принялъ за основаніе: какимъ бы я ни былъ занятъ серіознымъ дѣломъ, но во всякомъ случаѣ только что новое дѣло ко мнѣ поступаетъ, я тотчасъ его пробѣгу и посмотрю, нѣтъ ли въ немъ невинно арестованныхъ, и если таковыхъ найду, бросаю всѣ дѣла и принимаюсь за вновь полученное. Сегодня такъ и случилось. Я тотчасъ принялся за дѣло Шведовичей и, кончивъ его въ часъ, написалъ докладъ М. Н. Муравьеву и отдалъ его самодуру. Посмотримъ, скоро ли ихъ выпустятъ?! Я съ своей стороны все сдѣлалъ, что отъ меня зависѣло и поблагодарилъ Бога за доставленіе мнѣ случая сдѣлать доброе дѣло. Еще разъ благодарю за то нашего Господа! Возвращаясь отъ Дидрихса, меня остановилъ патруль л. гв. Преображенскаго полка, и рядовой Данило Кузнецовъ 3-й стрѣлковой

роты, въ точности и благородно исполнившій свой долгъ, спросилъ меня: отъ чего вы, милостивый государь, идете безъ фонаря? Я распахнулъ шинель и, указывая на крестъ, сказалъ: отъ того, любезный, что я Русскій генералъ и Георгіевскій кавалеръ. Тогда Кузнецовъ съ сознаніемъ своего достоинства сказалъ мнѣ: извините, ваше п-во, я въ темнотѣ не увидѣлъ вашей формы, но исполнилъ свою обязанность. Я его поблагодарилъ за вѣжливость и написалъ письмо полковому командиру князю Барятинскому съ приложеніемъ одного рубля сереб. для отдачи Кузнецову отъ меня какъ отъ лица бывшаго нечаяннымъ свидѣтелемъ хорошаго достоинства солдата Русскаго, имѣющаго счастіе служить въ л. гв. Преображенскомъ полку. Сегодняшнимъ днемъ я совершенно доволенъ и благодаренъ Господу.

Шведовичей выпустили чрезъ мѣсяцъ!

27 Іюля. День рожденія Императрицы Маріи Александровны. Въ соборѣ Св. Николая точно такое было служеніе какъ и 22-го Іюля и таже самая картина. Я не могъ быть на этомъ торжествѣ, но я торжествовалъ лучше: я поѣхалъ къ арестантамъ въ миссіонерское зданіе, гдѣ три арестанта, которыхъ дѣла были у меня въ производствѣ (дѣла ихъ и самый ихъ арестъ основаны на фальшивомъ злоумышленномъ доносѣ, и люди эти томятся подъ арестомъ невинно). Я воспользовался праздничнымъ днемъ, чтобъ ускорить окончаніемъ ихъ дѣлъ: Русецкаго помѣщика и дворянина Ивана Окушко. Сынъ же Окушкинъ виноватъ и долженъ быть наказанъ не менѣе какъ отдачею въ солдаты. Изъ тюрьмы я пріѣхалъ домой; въ это время ко мнѣ пріѣзжалъ съ визитомъ князь Барятинскій. Вечеромъ былъ въ театрѣ, оттуда пришелъ домой. Преображенцы сегодня устроили на Замковой горѣ фейерверкъ. Прекрасная была картина, когда на горѣ зажженъ былъ щитъ съ вензелемъ, и сверху до подошвы горы были разноцвѣтные бенгальскіе огни между деревьями на покатости горы. Неумолкаемое ура, пушечные выстрѣлы въ это самое время и гимнъ двухъ хоровъ: Боже царя храни, вполнѣ удовлетворяли патріотическимъ чувствамъ Русскихъ. Дай Богъ, чтобъ они сохранились на многія лѣта. Городъ былъ иллюминованъ еще лучше чѣмъ 22 Іюля, ибо безъ исключенія на каждомъ домѣ былъ царскій вензель, выставлены въ нѣкоторыхъ окнахъ бюсты Императора и Императрицы, украшенные лавровыми вѣнками и освѣщены разноцвѣтными огнями. Этотъ день памятенъ и для исторіи: 260 человѣкъ помѣщиковъ Виленской губерніи представили начальнику края адресъ на имя Государя Императора, въ которомъ они просятъ помилованія съ изъявленіемъ желанія на вѣчныя времена состоять вѣрноподданными Государя Россійскаго и никогда не заблуждаться,

чтобы Литва могла присоединиться къ Царству Польскому. М. Н. Муравьевъ принялъ этотъ адресъ и сказалъ Виленскому дворянству: Это вы давно должны были сдѣлать, и это хорошо; но хотя вы говорите, что вы раскаиваетесь чистосердечно, но я не вѣрю... Исторія должна будетъ рѣшить, правду ли сказалъ Михаилъ Николаевичъ Полякамъ. Я на сторонѣ Мих. Николаевича. Объ этомъ адресѣ было дано знать въ Петербургъ по телеграфу, а вечеромъ посланъ въ Петербургъ къ Государю Императору съ подлиннымъ донесеніемъ и адресомъ ротмистръ Кавалергардскаго Ея Величества полка, князь Шаховской.

Шаховской возвратился флигель-адъютантомъ.

29 Іюля. Сегодня переѣхалъ на нанятую мною квартиру на Большой улицѣ, въ казенномъ домѣ, принадлежащемъ Гимназіи Виленской.

30 Іюля. Вчера пріѣзжалъ ко мнѣ И. Ив. Шамшевъ и просилъ меня, чтобы сегодня я пришелъ къ нему обѣдать, и потому изъ коммиссіи я прямо пришелъ къ Шамшеву. Цѣль обѣда была та вопервыхъ, что полкъ Шамшева л.-гв. Казачій выступаетъ изъ Вильны въ Ригу, а во 2-хъ, по случаю пріѣзда казацкаго ген.-лейт. Бакланова, назначеннаго командовать всѣми казачьими войсками въ Вильнѣ. Обѣдъ былъ великолѣпный и радушный. Я одинъ только былъ приглашенъ изъ посторонннихъ, прочіе же были всѣ служащіе въ л.-гв. Казачьемъ полку. Сколько день этотъ былъ веселъ и пріятенъ въ кругу дружной и прекрасной семьи лейбъ-казаковъ, столько же онъ былъ грустенъ для лицъ благородныхъ: въ 9-ть часовъ утра одинъ изъ Польскихъ злоумышленниковъ пришелъ въ квартиру предводителя дворянства Виленской губерніи Домейко, позвонилъ у двери, человѣкъ дверь отперъ, спросилъ что̀ вамъ надобно? Пришедшій отвѣтилъ: мнѣ надо подать предводителю прошеніе. Человѣкъ доложилъ предводителю и когда тотъ вышелъ, злоумышленникъ бросился на него съ кинжаломъ, но къ счастію не могъ его убить, а нанесъ три раны въ руку и человѣку въ грудь, самъ скрылся, и до сихъ поръ не отысканъ. Зло это содѣлано за то, что 27 Іюля Виленскіе помѣщики поднесли адресъ Государю Императору съ изъявленіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ. Посмотримъ, откроютъ ли злодѣя? М. Н. Муравьевъ приказалъ съ сегодняшняго числа съ 9-ти часовъ вечера по улицамъ Вильны никому по городу не ходить, кромѣ Русскихъ, и потому въ 9-ть час. Вильна изображаетъ какъ бы такой городъ, изъ котораго всѣ до единой души изъ города выѣхали. Всякій встрѣченный на улицѣ есть непремѣнно Русскій. Отъ Шамшева я пошелъ въ садъ на музыку, пробылъ тамъ съ часъ, пошелъ домой и встрѣтился съ капитаномъ л.-гв. Драгунскаго

полка Люце, заэвалъ его къ себѣ на чай, по польски *на гербатъ*. Въ $10^1/_2$ часовъ утомленный легъ спать.

2 Августа. За мной прислалъ Муравьевъ адъютанта, чтобы я привезъ къ нему дѣло, которымъ я въ комиссіи сегодня занимался было 11 часовъ уже, темно очень, дождь большой. Я поѣхалъ тотчасъ въ комиссію, взялъ дѣло о найденномъ въ бричкѣ порохѣ и ружейныхъ ложахъ, поѣхалъ къ М. Н. Муравьеву, у котораго и пробылъ до половины 2-го часу. Легъ спать въ 2 часа.

5 Августа. Въ комиссіи занимался дѣлами: 1) ксендзовъ Гембицкаго и настоятеля Тринитарскаго монастыря Осташевскаго, 2) дѣломъ о станціонномъ смотрителѣ Сморгонской станціи. Былъ у меня Войновъ, съ которымъ мы ѣздили смотрѣть повѣшанныхъ сегодня въ 11 часовъ утра двухъ родныхъ братьевъ Ревковскихъ (дворяне-мастеровые), которые были наняты центральнымъ мятежническимъ Польскимъ комитетомъ для умерщвленія тѣхъ лицъ, которыхъ комитетъ имъ прикажетъ. За исполненіе этой должности каждый изъ нихъ получалъ отъ отъ комитета жалованье по 40 руб. серебромъ въ мѣсяцъ. Такіе люди служащіе такъ постыдно комитету называются у нихъ жандармами, и въ городѣ Вильнѣ ихъ поймано довольно, и вѣроятно прочіе будутъ тоже повѣшаны. Послѣ покушенія на жизнь Домейко, этихъ жандармовъ стали открывать дѣятельнымъ дѣйствіемъ полиціи и лицъ служащихъ подъ вѣдѣніемъ М. Н. Муравьева. Но настоящій злодѣй, покусившійся на жизнь Домейки, еще не найденъ.

6 Августа. По окончаніи литургіи на плацу противъ дома, гдѣ живетъ нашъ мудрецъ Мих. Ник. Муравьевъ, л.-гв. Преображенскій полкъ былъ выстроенъ тремя фасами ко дворцу; мудрый нашъ мужъ въ старческомъ санѣ прошелъ по фронту, поздравляя солдатъ съ праздникомъ и сопровождаемый восторженнымъ ура! Потомъ началось молебствіе, послѣ котораго Мих. Николаевичъ, снявъ съ аналоя приготовленный солдатскій Георгіевскій крестъ и вызвавъ удостоившагося получить этотъ крестъ солдата, скомандовалъ полку на караулъ, самъ лично надѣвалъ на храбраго отличившагося солдата этотъ благородный крестъ. Послѣ чего полкъ прошелъ мимо Мих. Николаевича церемоніальнымъ шагомъ и отправился на роскошно приготовленный солдатамъ обѣдъ. Пока люди переодѣлись, М. Н. стоялъ на плацу окруженный лицами дѣйствительно его уважающими. Когда солдаты собрались къ столу, Михаилъ Николаевичъ, сопровождаемый всей свитой, пошелъ черезъ садъ къ полку, и когда они установились каждый у своего прибора, тогда Мих. Н., стоя на крыльцѣ, велѣлъ подать себѣ

рюмку солдатской водки и провозгласилъ здоровье Государя Императора. Ура было восторженное! Въ то же время была получена отъ Государя Императора телеграфическая депеша, въ которой Государь поздравляетъ славный Преображенскій полкъ, сожалѣетъ, что онъ не имѣетъ удовольствія съ ними праздновать обычнымъ образомъ. Ура возобновилось. Послѣ сего былъ провозглашенъ тостъ за здравіе Императрицы и всего Августѣйшаго дома, ура возобновилось и долго, долго продолжалось. Обѣдъ, названный завтракомъ, былъ роскошный и лакомый, а главное блюдо было сердечное радушіе князя Анатолія Ивановича и всѣхъ г. г. офицеровъ его полка.

Теперь обратимся къ факту историческому, почти небывалому. Изъ Августовской губерніи Царства Польскаго, не состоящей подъ начальствомъ Михаила Николаевича, пріѣхали депутаты - крестьяне въ числѣ 20 человѣкъ и поднесли Михаилу Николаевичу прошеніе, заключающееся въ томъ, что крестьяне Августовской губерніи, Поляки, въ это время просятъ генерала Муравьева принять ихъ подъ свое покровительство, прописывая, что «ты генералъ подавилъ мятежъ въ Литвѣ и возстановилъ порядокъ, подави мятежъ и въ нашей губерніи, успокой и насъ несчастныхъ!» Намѣстникомъ царства Польскаго въ это время былъ Его Высочество Константинъ Николаевичъ, а потому Михаилу Николаевичу ничего не оставалось дѣлать, какъ только посовѣтовать имъ самимъ вооружиться, и что просьбу ихъ онъ повергнетъ къ стопамъ великаго нашего Государя. Князь Барятинскій пригласилъ этихъ депутатовъ къ общему солдатскому обѣду, и эти крестьяне Поляки сами подошли къ офицерскому столу и съ такимъ чувствомъ радости и умиленія закричали ура за здравіе Государя Императора, что невольно залегаетъ въ душу сладостное чувство гордости Русскаго. Эти крестьяне подъ угрозою смертію—пьютъ за здравіе Русскаго Государя! И въ это же время находящійся за завтракомъ ксендзъ Немекша за таковое крестьянъ дѣйствіе цалуетъ ихъ каждаго порознь. Картина славная.

Послѣ завтрака я пріѣхалъ домой полупьяный въ 4 часа полудня, бывъ приглашеннымъ въ этотъ же день вечеромъ въ тотъ же полкъ для окончанія торжественнаго ихъ полкового праздника. Спалъ я ровно 4 часа; а въ 8-мь часовъ ко мнѣ пріѣхалъ Ив. Ив. Шамшевъ, командиръ л. гв. казачьяго полка; мы напились чаю и въ 9 часовъ поѣхали къ Преображенцамъ. Казармы великолѣпно были иллюминованы, вензель Царя и Царицы горѣлъ ярко, музыка, пѣсенники, солдатскіе танцы сильно одушевляли присутствующихъ. Жженка, чай подавались безперерывно. Наконецъ накрыли ужинъ. Заздравные тосты возобно-

вились, я взялъ часы и удостовѣрился математически, что тостъ за здравіе благодѣтеля Россіи Государя Императора продолжался ровно $^1/_2$ часа неумолкаемо. Да, здѣсь наяву изображалась душа Русскаго народа, добровольно отданная Александру II-му. Въ этой преданности къ нему можно быть увѣреннымъ, и если бъ было нужно, то каждый Россіянинъ согласился бы съ честію за Русь Святую и Царя отдать въ жертву свою жизнь. Потомъ опять тостъ за здравіе Михаила Николаевича. И. такъ далѣе. Уходя я обратился къ г.г. офицерамъ полка и, поблагодаривъ ихъ за радушный пріемъ, сказалъ: «Г.г. я старъ, теперь могу умирать, ибо лучшаго какъ было въ этотъ день я не увижу». Очень кстати на наше торжество пріѣхалъ Англичанинъ, редакторъ журнала, кажется, Morning-Post. Цѣль его пріѣзда въ Литву была та, чтобъ лично удостовѣриться въ дѣйствіяхъ Русскихъ касательно нынѣшняго положенія нашего принятаго къ подавленію Польскаго мятежа.

7 Августа. Въ 11-ть часовъ ѣздилъ смотрѣть казнь повѣшашія дворянъ-мастеровыхъ: Іосифа Яблонскаго и Карла Сиповича, имѣющихъ близъ 20 лѣтъ отроду. Вечеромъ у меня пили чай: семейство Дурасѣвича, Ив. Ив. Шамшевъ, Н. Л. Дубельтъ. Дочь Дурасѣвича Отоля играла на фортепіано. Въ 10 часовъ разъѣхались. Англичанинъ былъ при исполненіи казни повѣшашія, потомъ былъ въ нашей комиссіи, сидѣлъ часа два и слушалъ наше слѣдопроизводство; переводчикомъ былъ князь Урусовъ, членъ нашей комиссіи.

9 Августа. Занимался дѣломъ ксендза Лодзе и дѣломъ Еврея Пензена. Вотъ какую глупость сказалъ Англичанину самодуръ Веселитской 7-го Августа: «Мнѣ знакомъ одинъ Англичанинъ, онъ можетъ вамъ засвидѣтельствовать, что я человѣкъ справедливый». Это говоритъ предсѣдатель комиссіи туристу Англичанину. Къ чему это?

11 Августа. Н. Гр. Лошкаревъ, который хорошо знаетъ желаніе мое вступить въ дѣйствительную службу, спросилъ меня, что хорошенькаго? Я отвѣтилъ ему—ничего, и вслѣдъ за этимъ сказалъ: молись и торчи, Провидѣнью Святому покорный, понимая подъ словомъ *торчи* при Мих. Ник. Муравьевѣ. Лошкаревъ, самый близкій человѣкъ Михаилу Николаевичу, отвѣтилъ: *торчи*, такъ и *выторчишь*! Отвѣтъ утѣшителенъ; посмотримъ, выторчу ли? А торчать буду. Изъ церкви, идя по дорогѣ домой, я услышалъ *похоронную* музыку, пошелъ на ея звукъ и увидѣлъ похороны рядоваго Мясоѣдова л. гв. Гренадерскаго полка, умершаго отъ ранъ полученныхъ въ сраженіи съ Польскими мятежниками. Похороны были теплыя: впереди несли крышку съ двумя по

бокамъ хоругвями, съ двумя ассистентами офицеры л.-гв. Преображенскаго полка. Потомъ покойника въ простомъ гробѣ, розовымъ коленкоромъ обитомъ, съ золотыми по угламъ кистями гробъ несли четыре солдата и четыре штабъ-офицера л.-гв. Преображенскаго полка; сзади гроба шли двѣ сестры милосердія, которыя за раненымъ ухаживали, потомъ сопровождали гробъ штабъ и оберъ-офицеры Виленскаго гарнизона, къ нимъ присталъ и я. За нами шли барабанщики, потомъ музыканты и потомъ взводъ л.-гв. Преображенскаго полка. Проводивъ покойника версту, я перекрестился, пожелалъ ему царсгва небеснаго и, позавидовавъ славной его смерти, пошелъ домой погруженный въ мысль: изъ чего мы всѣ бьемся въ то время какъ справедливо завидуемъ покою рядового, съ честію и дружбою погребаемаго? Вѣчная ему память!

12 Августа. Я получилъ записку отъ секретаря ген.-губернатора, въ которой онъ спрашивалъ меня, когда я получилъ послѣднюю награду? Я написалъ: въ 1860 году произведенъ за отличіе по службѣ въ генералъ-маіоры съ увольненіемъ и пенсіономъ полнаго оклада, отнесъ записку самъ, отдалъ ее Владимиру Александровичу Рачинскому и просилъ, чтобъ меня опредѣлили на службу; болѣе я никакихъ наградъ не желаю.

13 Августа. При допросахъ въ комиссіи такъ изучаешь людей, что съ перваго разговора съ обвиняемымъ прямо видишь, виноватъ онъ или нѣтъ. Сегодня я допрашивалъ нѣкоторыхъ крестьянъ-повстанцевъ взятыхъ въ плѣнъ; это люди взятые въ шайку силою и такіе дураки, что рѣшительно ни въ чемъ не виноваты; я удивляюсь глупости возстанія Польскаго съ такими людьми, набранными въ шайку; притомъ ихъ почти не кормили! Великая глупость со стороны Польши, что они погубили людей и столькихъ раззорили.

14 Августа. Занимался въ комиссіи дѣломъ о помѣщицѣ Павловичевой, на которую ложно донесли, что она посылала въ лѣсъ къ мятежникамъ пищу и сама съ дочерью къ нимъ ходила.

15 Августа. Сегодня одинъ мой знакомый, которому выданъ паспортъ съ дозволеніемъ по болѣзни матери ѣхать за границу, именно Іозефъ Шишко, женатый на двоюродной сестрѣ Н. Л. Дубельта, говорилъ мнѣ: «Знаете ли, Николай Ивановичъ, что объ васъ говорятъ въ Вильнѣ? Богъ того любитъ, чье дѣло поступитъ къ вамъ; значитъ, правый будетъ правымъ». Слышать это для меня было утѣшительно.

16 Августа. День моего брака съ Вильгельминою Васильевною Бриммеръ. Отослалъ письма: къ Ив. Ѳ. Базилевскому и сестрѣ Аннѣ Ивановнѣ Симантовской съ 5-ю рублями. Англичанинъ-туристъ пріѣзжалъ въ комиссію посмотрѣть, какъ производятся въ Россіи слѣдственныя дѣла. Сегодня предсѣдатель г.-л. Веселитскій допрашивалъ крестьянина лѣтъ 20-ти взятаго въ плѣнъ. Крестьянинъ этотъ совершенный дуракъ, не умѣетъ и говорить. Веселитскій разсердился на него и одною своею рукою схватилъ его за волосы и сталъ трепать. Мнѣ стало это прискорбно и, видя, что у него нѣтъ терпѣнья, я несчастнаго этого арестанта взялъ къ себѣ, допросилъ его ласково и подарилъ ему 20 коп., чтобъ сколько нибудь загладить скверный, дерзкій и неприличный поступокъ Русскаго генералъ-лейтенанта. Экой болванъ!

17 Августа. Сегодня разстрѣляли за измѣну Корпуса Лѣсничихъ прапорщика Маковецкаго.

18 Августа. Послѣ обѣдни былъ съ визитомъ у Павла Васильевича Кукольника.

21 Августа. Къ 6-ти часамъ вечера поѣхалъ на Погулянки (такъ называется одна мѣстность въ Вильнѣ) въ отдѣленіе Госпиталя Св. Якова, куда должна была собраться вся комиссія уличать одного арестанта, который былъ раненъ въ шайкѣ мятежниковъ, взятъ въ плѣнъ, назвался помощникомъ кондитора Вернишемъ и долго запирался, что онъ есть подпоручикъ Копорскаго полка Николай, хотя его уличали въ глаза два его товорища, служившіе съ нимъ въ одномъ полку, изъ которыхъ одному онъ Николай подарилъ свою фотографическую карточку; но Николай упорно запирался, говоря, что онъ ихъ знать не знаетъ. Всѣ эти улики дѣлались не сегодня, и я при нихъ не находился; сегодня же былъ и я приглашенъ въ Госпиталь Св. Якова, гдѣ Николай находится раненый въ грудь па вылетъ пулей и двѣ раны штыками. По приводѣ Николая онъ по старому сталъ запираться; началъ я говорить съ измѣнникомъ и въ продолженіе 10 минутъ моего съ нимъ разговора Николай признался, и въ это время ему сдѣлалось дурно, его положили на кровать. Вотъ примѣръ самодурства Веселитскаго: для уликъ Николая онъ собралъ офицеровъ и солдатъ до 10 человѣкъ, служившихъ съ Николаемъ въ одномъ полку и его знающихъ, и послѣ его сознанія хотѣлъ вторично дѣлать ему очную ставку съ призванными для уликъ 10-ю человѣками! Какая же надобна улика въ томъ, что предъявленный имъ человѣкъ есть Николай, когда онъ безъ уликъ самъ сознался и просилъ, чтобы по слабости его дальнѣйшій допросъ ему отложили до утра. Но глупый самодуръ и вмѣстѣ жесто-

кій всетаки сталъ его допрашивать. Когда онъ призвалъ уличающихъ людей для очной ставки, я и за мной другіе члены комиссіи сказали: для чего же очная ставка? теперь ея не надо, тогда самодуръ ихъ отпустилъ. Николая же допросами довелъ до обморока, и тогда только его отпустилъ, когда онъ отъ слабости чуть не умеръ. Запирательство Николая по моему взгляду имѣетъ основательную причину: умереть ему все равно, или отъ ранъ или отъ разстрѣлянія за измѣну, и потому, чтобы скрыть товарищей мятежа и особенно дамъ, которыя съ нимъ ѣздили къ мятежникамъ, онъ не признавался. Теперь же онъ покажетъ искренно все. Послѣ этой продѣлки, всѣ мы пошли на Минеральныя воды, тутъ же вблизи находящіяся, выпили 4 бутылки ананасовой воды и разъѣхались. Я съ А. М. Лосевымъ поѣхалъ къ нему пить чай, гдѣ познакомился съ милою его женою и до 11 часовъ провелъ у нихъ время весьма пріятно. Передъ собраніемъ комиссіи въ Госпиталь Св. Якуба, я, пріѣхавши рано, пошелъ на Нѣмецкое кладбище. Замѣчательно тамъ хорошо. Это просто рай! Это садъ, въ которомъ просторно лежатъ покойники между прекрасными цвѣтниками и столѣтними деревами, въ полной силѣ и роскоши растущими. Садъ—кладбище огромное. Я гулялъ тамъ съ часъ, и мнѣ такъ тамъ понравилось, какъ нигдѣ. Я самъ себѣ сказалъ: здѣсь такъ хорошо, что желательно умереть! Этимъ кладбищемъ много бѣдныхъ себя содержатъ: они получаютъ по три рубля въ мѣсяцъ по найму отъ желающихъ, чтобы былъ присмотръ за могилой и памятникомъ, тогда памятникъ всегда находится въ порядкѣ, въ цвѣтахъ. Это уже дѣло нанявшагося смотрѣть за памятникомъ.

22 Августа. Окончилъ дѣло смотрителя почтовой Сморгонской станціи Даніила Каминскаго; оказался *не виноватымъ*, я очень радъ! Дѣло представлено г. губернатору. Николай сегодня не могъ быть окончательно допрошенъ, потому что болѣзнь его отъ раны въ грудь усилилась, и сдѣлалась опухоль въ легкихъ. Если онъ умретъ, то виноватъ будетъ самодуръ.

23 Августа. Начальникъ штаба Виленскаго округа прислалъ просить меня на чай, и я у него былъ. Постороннихъ было только я и Павелъ Вас. Кукольникъ; прочіе были всѣ служащіе въ штабѣ округа свитскіе штабъ и оберъ-офицеры. Кукольникъ декламировалъ стихи своего сочиненія. Вечеръ провелъ пріятно.

24 Августа. Въ комиссію пришелъ Александръ Степановичъ Чевати; его прислалъ Мих. Никол., чтобъ онъ присмотрѣлся къ дѣламъ. Кажется, онъ будетъ назначенъ предсѣдателемъ нашей комиссіи вмѣсто самодура.

25 Августа. Въ этотъ день я произведенъ въ офицеры въ 1817 году.

26 Августа. День коронаціи Александра II. Въ 10 ч. пошелъ къ М. Н. Муравьеву во всей формѣ. Стеченіе всѣхъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ было большое. Михаилъ Николаевичъ вышелъ, поздравилъ всѣхъ съ праздникомъ и сказалъ: кажется, дѣла наши идутъ успѣшно, нами доволенъ Государь и довольна Россія. Благодарю васъ. Всѣ поѣхали въ соборъ Св. Николая. Обѣдня была торжественная. Къ молебну вышелъ служить самъ митрополитъ Симашко. Минута колѣнопреклоненія была великолѣпна, когда этотъ маститый старецъ, поддерживаемый двумя священниками, сталъ на свои старческія колѣна, снявъ свою митрополичью шапку. Дай Господи здоровья и многія лѣта благодѣтелю Россіи Царю Александру Николаевичу, съ благоговѣніемъ сказалъ я про себя, но чистосердечно предъ Господомъ.

Обѣдалъ у Н. Л. Дубельта, отъ него я пришелъ домой и остался дома цѣлый вечеръ. Денегъ у меня было только семь рублей, а жить надо еще до перваго числа, и потому нельзя было пойти даже въ театръ. Городъ былъ отлично иллюминованъ, но я никуда не выходилъ и никуда не хотѣлось, разумѣется, потому что мало было денегъ. Берегите, дѣти, деньги какъ я ихъ берегу, чтобъ не тратить того, что я и ваша мамаша сберегли для васъ, поощряемые нашею о васъ заботливостію и любовію къ вамъ. Сегодня написалъ письмо къ Александрѣ Ивановнѣ Дубельтъ.

27 августа. Отослалъ письмо къ А. И. Дубельтъ и приказалъ Жиду Янкену всѣ мои вещи перенести на новую квартиру въ Нѣмецкой улицѣ въ домѣ Шишко. Самъ отправился въ 8 часовъ въ коммиссію. Злодѣя, который хотѣлъ убить 30 Іюля Домейку (смотри 30 Іюля) нашли и взяли въ то время на станціи желѣзной дороги, когда онъ взялъ билетъ, чтобъ ѣхать въ Варшаву, имѣя заграничный паспортъ. Фамилія его Бенковскій, цирюльникъ изъ Варшавы. Просидѣвъ въ комиссіи до 4-хъ часовъ, я пошелъ обѣдать къ Н. Л. Дубельту, Послѣ обѣда я пришелъ уже прямо на новую квартиру. Вечеромъ я былъ у Павла Полянскаго, а въ 12 часовъ легъ спать.

28 Августа. Съ 8 до 4-хъ часовъ былъ въ комиссіи, въ 11 часовъ утра ѣздилъ смотрѣть казнь повѣшенія трехъ преступниковъ: Бенковскаго, который хотѣлъ убить Домейку и которому изъ Центральнаго Комитета было обѣщано за убіеніе Домейки 1000 рублей серебромъ (изъ нихъ 700 рублей было выдано впередъ; когда его

схватили, то при обыскѣ найдено было при немъ 620 рублей); Марчевскаго, фельшера, который доставилъ Бенковскому изъ Центральнаго Комитета кинжалъ для убіенія Домейки, и Чаплинскаго, фельдшера, который указалъ Бенковскому, гдѣ живетъ Домейко, и когда лучше къ нему придти. Всѣ эти преступники были тайные жандармы Центральнаго Комитета, нанятые для убіенія тѣхъ лицъ которыхъ комитетъ назначитъ. Они получали жалованье отъ комитета, по 40 или 50 руб. въ мѣсяцъ. Преступниковъ этихъ везли по городу на эшафотной повозкѣ, а Чаплинскаго на дрожкахъ, потому что съ нимъ сдѣлался отъ испуга обморокъ, когда только ему объявилъ пришедшій въ тюрьму ксендзъ, чтобъ приготовить ихъ къ будущей жизни. Его везли на лобное мѣсто безъ всякихъ чувствъ какъ мертваго; когда же его повѣсили, то онъ такъ сталъ махать ногами, что всѣ удивились. Прочіе двое имѣли грустныя лица и спокойно умерли. Бенковскій, когда ему прочли конфирмацію, сказалъ: въ Варшавѣ я также убилъ Радзіевскаго.—Обѣдалъ я у Дубельта, а вечеромъ проводилъ его на станцію желѣзной дороги, ибо онъ поѣхалъ въ Петербургъ до 5-го Сентября. Получилъ письма: отъ доброй моей жены, отъ Бенцеловича, портнаго, и отъ сестры Анны Ив. Симантовской.

30 Августа. Въ 10 часовъ всѣ военные и гражданскіе чины собрались къ М. Н. Муравьеву съ поздравленіемъ великаго для Россіи праздника: тезоименитства Государя Императора Александра Николаевича, этого возлюбленнаго Монарха, Благодѣтеля и Освободителя. Всѣ отправились въ соборъ Св. Николая Чудотворца на торжественную обѣдню и молебенъ, которую совершалъ митрополитъ Симашко. Въ этотъ день М. Н. Муравьевъ получилъ орденъ Св. Андрея Первозваннаго. Послѣ обѣдни я поѣхалъ поздравить именинниковъ, Александра Прохоровича князя Ширинскаго-Шихматова, жандармскаго полковника Александра Михаиловича Лосева, коменданта Александра Сергѣевича Вяткина и начальника 1-й гвардейской дивизіи Александра Романовича Дрентельна, который еще вчера звалъ меня на сегодняшній день обѣдать. Въ два часа я былъ въ Еврейской синагогѣ. Пѣвчіе прекрасно пѣли по обряду ихъ литургіи, мотивы пѣнія были знаменитыхъ композиторовъ, Мендельсона и другихъ. Въ срединѣ синагоги надъ пѣвчими стоялъ вензель А. прекрасно убранный цвѣтами. Потомъ проповѣдникъ на Русскомъ языкѣ сказалъ рѣчь и провозгласилъ многолѣтіе Государю Императору, Императрицѣ Маріи Александровнѣ и Наслѣднику Николаю Александровичу и всему царствующему дому; потомъ начальнику края М. Н. Муравьеву. Пѣвчіе пропѣли даже и губернатору Степану Ѳедоровичу Панютину. Въ

заключеніе пѣвчіе весьма хорошо пропѣли гимнъ: Боже царя храни! Тѣмъ кончилось. Въ этотъ день Евреи угощали войско, въ Вильнѣ расположенное. Къ этому дню всѣ, которыхъ Михаилъ Николаевичъ удостоилъ представленія къ наградамъ, ожидали ихъ получить, но до сихъ поръ (3½ часа полудня) еще ихъ не получили. Сегодня я былъ съ визитомъ у предсѣдателя Казенной Палаты д. ст. сов. Де-Роберти. Въ этомъ день я, желая сдѣлать доброе дѣло, просилъ прелата ксендза Немекшу помѣстить на казенный счетъ въ пансіонъ Государыни Императрицы Маріи Александровны, въ Вильнѣ находящійся, дочь органиста костела Св. Яна Доминику Цѣхановичъ. Не знаю, успѣю ли, но по крайней мѣрѣ все, что отъ меня зависѣло, я сдѣлалъ и лично подалъ записку прелату Немекшѣ. Обѣдалъ я у Дрентельна, послѣ обѣда я поѣхалъ къ А. М. Лосеву и просидѣлъ у него до 9-ти часовъ. Пріѣхавши домой, читалъ романъ: «Руфь». Передъ обѣдней подошли ко мнѣ артиллерійскіе офицеры и пригласили меня сегодня на артиллерійской ужинъ въ 11-ть часовъ вечера въ Европейскую гостиницу, противъ которой я квартировалъ, въ нумерѣ 9-мъ. Когда было одиннадцать часовъ безъ десяти минутъ, артиллеристы прислали ко мнѣ офицера спросить, буду ли я? И мы съ нимъ тотчасъ же отправились въ среду милаго и прекраснаго артиллерійскаго общества. Собраніе было около 50 человѣкъ, нелицемѣрныхъ между собою пріятелей. Меня приняли какъ дѣдушку артиллерійскаго. На почетномъ мѣстѣ сидѣлъ начальникъ Артиллерійскаго Округа А. П. Нѣмчиновъ, съ правой его стороны его помощникъ Кон. Егор. Дидерихсъ, а съ лѣвой—я. Громогласные тосты были: за здравіе Государя Императора, генералъ-фельдцейхмейстера Михаила Николаевича, за начальника края М. Н. Муравьева, за А. П. Нѣмчинова, К. Е. Дидерихса, потомъ за славныхъ артиллеристовъ. Въ заключеніе я всталъ и сказалъ: «Г. г. позвольте мнѣ васъ поблагодарить за честь, которую вы мнѣ дѣлали приглашеніемъ въ среду вашего любезнаго общества. Мнѣ, какъ старому артиллеристу, это весьма пріятно; а главное весьма пріятно видѣть, что между вами ближайшіе ваши начальники, воспитанники Артиллерійскаго Училища, такъ ясно и такъ завидно умѣли заслужить къ себѣ то глубокое всѣхъ и ваше уваженіе, которое сейчасъ выразилось въ вашемъ громогласномъ и продолжительномъ артиллерійскомъ ура!» Всѣ закричали ура, и всѣ г.г. офицеры встали со своихъ мѣстъ и подходили ко мнѣ съ бокалами въ рукахъ, предлагая чокнуться и выпить за мое здоровье. Этотъ день для меня былъ днемъ великолѣпно-пріятнымъ.

31 Августа. Въ 11-ть часовъ пріѣхалъ въ комиссію состоящій по особымъ порученіямъ при М. Н. Муравьевѣ вновь произведенный

въ подполковники Ник. Ник. Хитрово и, войдя ко мнѣ въ комнату, подалъ мнѣ, ни слова не говоря, визитную карточку Ивана Демьяновича Булычова, двора е. и. в. камергера, д. с. совѣтника; на карточкѣ этой чернилами написано: «Искреннее поздравленіе шлетъ генералъ-маіору Цылову». Потомъ Хитрово подалъ мнѣ телеграфическую депешу на имя генерала Муравьева отъ военнаго министра Милютина слѣдующаго содержанія: «Отставного генералъ-маіора Цылова высочайше разрѣшено опредѣлить на службу съ зачисленіемъ по полевой пѣшей артиллеріи, на дняхъ будетъ объявлено въ приказѣ. Г.-а. Милютинъ». Я такъ былъ обрадованъ, что отъ слезъ умиленія не могъ говорить ни слова. Когда онъ, Хитрово, уѣхалъ, я принялся продолжать заниматься дѣломъ дворянина Королевича, и отъ радости ничего не шло въ голову, такъ что я противъ обыкновенія ушелъ изъ комиссіи въ три часа прямо къ уважаемому мною коменданту А. С. Вяткину, который уже послѣ обѣда спалъ, но у супруги его была въ то время Пелагея Васильевна Муравьева, супруга виновника моего удовольствія Михаила Николаевича. Здѣсь она увидѣла меня съ неосохшими еще слезами умиленія, я поцѣловалъ у ней ручку. Она сказала мнѣ: я этого еще не знала, и взяла въ руки подлинную депешу, прочла ее и меня поздравила, сказавъ: какъ пріятно видѣть человѣка, который такъ доволенъ и такъ благодаренъ за награду! Я еще поцѣловалъ ей ручку, и она уѣхала. Елисавета Алексѣевна Вяткина, А. Р. Дрентельнъ и его супруга Марія Александровна, расположенные ко мнѣ душевно, были очень рады моему благополучію, что я опять поступилъ на дѣйствительную службу. Благодарю Господа, Царя Александра Николаевича и благодѣтеля моего Михаила Николаевича. Дай Господи имъ полнаго счастія и полнаго здоровья! Обѣдалъ я въ клубѣ, всѣ меня душевно поздравляли. Послѣ обѣда игралъ въ бостонъ, выигралъ 8 руб. и пошелъ къ П. Е. Дидерихсу раздѣлить мою радость. Онъ дѣйствительно былъ душевно радъ, что наконецъ меня опредѣлили и подарилъ мнѣ генеральскіе погоны. У него были П. В. Полянскій и Егоръ Ѳедор. Шерингъ, мы напились чаю, и въ 9-ть часовъ ушли. Егоръ Ѳедоровичъ по дорогѣ зашелъ ко мнѣ, выкурилъ папиросу и ушелъ, а я написалъ письма къ Н. Л. Дубельту, просилъ его привести мнѣ эполеты, султанъ и гербъ для кепи, къ А. Г. Игнатьеву и отослалъ на желѣзную дорогу въ 11-ть часовъ вечера. Въ первомъ же часу ночи письма эти поѣдутъ по адресамъ. До пріѣзда въ комиссію Хитрово, ко мнѣ въ комиссію же пріѣхалъ прелатъ Ксендзъ Немекша и объявилъ, что вчерашняя просьба моя исполнена (смотри 30 Августа), и Доминика Цѣхановичъ опредѣлена въ пансіонъ на казенный счетъ. Вотъ что значитъ дѣлать добрыя дѣла! И мнѣ за то Богъ сегодня послалъ такое

въ жизни удовольствіе, котораго я еще не испыталъ. Вѣрьте, дѣти, что добрыя дѣла не остаются безъ награды и отъ Бога, и отъ людей!!!

1. Воскресенье. Въ 10 часовъ утра всѣ получившіе награды представлялись и благодарили М. Н. Муравьева; онъ мнѣ сказалъ: очень радъ, вы такъ давно и такъ хорошо служите, ожидаю отъ вашей службы такого же продолженія. Въ 11 часовъ пошелъ въ Европейскую гостиницу, гдѣ всѣ получившіе награды согласились ужинать. П. С. Лебедевъ сказалъ прекрасный спичъ, въ которомъ выразилъ: были Румянцевцы, были Суворовцы, были Ермолисты, будемъ же мы Муравьевцы! Съ этой минуты—я Муравьевецъ! Во время ужина пріѣхалъ директоръ канцеляріи военнаго министра Кауфманъ, всѣ съ нимъ тотчасъ же познакомились. Въ заключеніе всѣ настаивали, чтобъ я что-нибудь сказалъ. Въ удовлетвореніе ихъ желанія я всталъ и сказалъ:

Великій царь начальникомъ намъ Муравьева утвердилъ,
И онъ тотчасъ же здѣсь покой возстановилъ!

Въ два часа ночи я возвратился въ свою квартиру.

2 Сентября. Вчера за ужиномъ я въ первый разъ былъ въ вицъ-мундирѣ съ генеральскими погонами. Сегодня въ 8 часовъ пошелъ въ комиссію и пробылъ до 4-хъ часовъ. Идя мимо квартиры Бакланова и увидя, что онъ сидитъ у окна и пьетъ чай, я зашелъ къ нему; онъ радостно меня принялъ, много читалъ своихъ писемъ и далъ мнѣ копію съ своего приказа 7-го Іюля 1863 года, отданнаго имъ Донскимъ казачьимъ полкамъ, расположеннымъ въ Виленскомъ военномъ округѣ, въ Витебской и Могилевской губерніяхъ. Приказъ бравый.

3 Сентября. Въ 8 часовъ поѣхалъ въ комиссію, отдалъ окончен ное мною дѣло дворянина Королевича по доносу старовѣровъ. Королевичъ въ моихъ глазахъ остался правъ. Въ 9 часовъ поѣхалъ въ зданіе миссіонерокъ, гдѣ содержалось 280 человѣкъ, допрашивалъ тамъ дочь Писинки дѣвицу Вириго и ксендза Писанку, завтракалъ у смотрителя зданія и арестантовъ.

5 Сентября. Отослалъ письмо къ министру внутреннихъ Дѣлъ Петру Александровичу Валуеву, которымъ просилъ не отчислять меня отъ министерства.

6 Сентября. Отъ 2-хъ до 5-ти часовъ былъ въ Госпиталѣ Св. Якова, куда ѣздилъ вмѣстѣ съ Веселитскимъ допрашивать Октавію Пальчевскую.

7 Сентября. Съ 8-ми до 2-хъ былъ въ комиссіи, а въ 2 часа съ членомъ комиссіи маіоромъ Полемъ поѣхалъ снимать допросъ съ помѣщицы Изабеллы Чижъ, находящейся на квартирѣ, и съ мужа ея, 84-хъ лѣтняго старика.

8 Сентября. Послалъ письмо къ Андрюшѣ, моему доброму сыну, и сто рублей денегъ. Послалъ Нюшѣ письмо и 15 руб. денегъ на музыку. Въ $10^1/_2$ часовъ поѣхалъ въ соборъ Св. Николая и въ это время первый разъ надѣлъ генеральскія эполеты. М. Н. Муравьевъ въ церкви меня увидѣлъ и поздравилъ. Послѣ обѣдни я былъ у Пелагеи Васильевны Муравьевой, она меня приняла и была весьма любезна. Потомъ былъ у князя Шаховскаго, потомъ у А. М. Лосева, потомъ у интенданта Польмана, потомъ у Россильона, потомъ пошелъ къ директору канцеляріи военнаго министра Кауфману. Обѣдавъ у Н. Л. Дубельта, въ 6 часовъ я съ нимъ поѣхалъ на станцію желѣзной дороги встрѣтить Греческаго короля Георга, который проѣзжалъ въ С.-Петербургъ представиться Государю Императору Александру Николаевичу. Георгъ только что избранъ на Греческій престолъ, отъ роду имѣетъ 18 лѣтъ. На станціи въ вокзалѣ ему данъ былъ обѣдъ съ музыкой и почетный караулъ л.-гв. Преображенскаго полка. Всѣ генералы ему представлялись, въ числѣ ихъ и я. Въ 8 часовъ онъ отправился далѣе въ Петербургъ.

9 Сентября. Въ 8 часовъ поѣхалъ къ артиллерійскимъ подполковникамъ: Григорію Ивановичу Мейендорфу и Константину Игнатьевичу Редену, вмѣстѣ живущимъ.

11 Сентября. Занимался дѣломъ мѣщанъ братьевъ Флюхтовъ. Въ 2 часа съ Веселитскимъ поѣхалъ въ Госпиталь Св. Якова, допрашивали Октавію Пальчевскую, жену кол. сов. Она противъ прежнихъ показаній болѣе созналась, но еще многое утаиваетъ; надо еще разъ къ ней съѣздить и еще разъ пораспросить. Отослалъ письмо къ женѣ, письмо за № 12-мъ и послалъ письмо въ Тверь В. А. Честнокову. Въ комиссіи А. М. Лосевъ сказалъ мнѣ, что въ Петербургъ ѣдетъ жандармъ, не хочу ли я написать письмо и что нибудь себѣ выписать? Я тотчасъ пошелъ къ нему въ комнату и написалъ женѣ письмо, которымъ просилъ, чтобъ она ко мнѣ пріѣхала вмѣстѣ съ жандармомъ. Ожидаю ее какъ ангела моего хранителя. Вмѣстѣ съ тѣмъ я написалъ къ приказчику Бабикова Ивану Степановичу, чтобъ онъ прислалъ три фунта паюсной икры и копченыхъ сиговъ; для этой покупки я, Лосевъ и кн. Урусовъ Петръ Александровичъ, сложились по два рубля.

13 Сентября. Въ 11 часовъ утра разстрѣляли Нарвскаго пѣхот-

наго полка поручика Николая, который пошелъ въ шайку мятежниковъ, гдѣ въ сраженіи противъ Русскихъ войскъ взятъ въ плѣнъ раненый пулею въ грудь навылетъ, и выздоровѣлъ. На казнь онъ шелъ покойно, сохранивъ все присутствіе духа; когда ему прочли конфирмацію, онъ сказалъ: если пуля не взяла меня въ сраженіи, то должна взять теперь. Это были его послѣднія слова, сказанныя спокойно и хладнокровно. Смотри 21-е Августа.

14 Сентября. Съ 8 часовъ до 3-хъ былъ въ комиссіи, занимался дѣломъ помѣщика Іосифа Чижа. Получилъ отвѣтъ на письмо мое 3-го Сентября къ министру внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуеву. Отвѣтъ написанъ по порученію министра исправляющимъ должность директора департамента общихъ дѣлъ министерства П. А. Мартыновымъ и заключается въ томъ, что объ отчисленіи меня отъ министерства не имѣлось и не имѣется никакихъ предположеній. Вечеромъ былъ у меня адъютантъ М. Н. Муравьева маіоръ Василій Ивановичъ Павловъ. Ему поручено приведеніе въ порядокъ наружнаго управленія Виленской полиціи и города Вильны, но съ тѣмъ, чтобы каждый докладъ, дѣлаемый имъ Михаилу Николаевичу по части полицейской, первоначально былъ разсмотрѣнъ мною. Слышать это для меня было пріятно. Потолковавъ съ нимъ объ нѣкоторыхъ полицейскихъ предметахъ и, напившись чаю, мы вмѣстѣ отправились на Жидовскую свадьбу для любопытства и куда мы оба были приглашены. Въ жизни моей я вездѣ совался, чтобъ видѣть то, что́ я еще не видѣлъ; такъ точно супулся я и на эту свадьбу. Притомъ и оказалось, что свадьба уже была три дня тому назадъ. Впрочемъ свадьба у Евреевъ бываетъ на дворѣ, молодыхъ ставятъ подъ покрывало, и они изъявляютъ согласіе на добровольное супружество ихъ въ присутствіи окружающаго ихъ народа, и потомъ идутъ въ комнаты и танцуютъ. Меня приняли очень почетно. И вотъ въ чемъ заключается этотъ праздникъ. Три комнаты, изъ коихъ двѣ очень маленькія, а средняя небольшая, полны Евреями обоего пола, двѣ пары танцуютъ неуклюже Французскую кадриль. Изъ этихъ двухъ паръ одна пара состояла изъ дамъ, изъ которыхъ одна маленькая, горбатая и одѣтая въ балахонъ, но страстная охотница танцовать. По окончаніи этой кадрили, исполненной отъ тѣсноты на четырехъ квадратныхъ аршинахъ, я вижу, что три бывшіе тамъ музыканта сквозь толпу пробираются, становятся противъ меня и вдругъ заиграли Польской—отвратительный! Я спросилъ что̀ это значитъ? Хозяйка отвѣтила мнѣ, что они желаютъ, чтобъ вы что нибудь имъ пожаловали. По окончаніи Польскаго они тотчасъ заиграли Боже царя храни. У меня было въ портмоне только 1 р. 60 к. Я вынулъ портмоне и изъ имѣющагося у

меня капитала далъ этимъ тремъ Жидовскимъ музыкантамъ рубль серебромъ. Далѣе я спросилъ, что жъ не танцуютъ? Хозяйка мнѣ отвѣтила, что за каждый танецъ надо платить деньги. И вдругъ всѣ Жиденята-подросточки лѣтъ по 12-ти, хорошенькія, подбѣжали ко мнѣ и пристали просить кто по-нѣмецки, кто по-русски, кто по-жидовски всѣ разомъ: и я буду танцовать, и я, и я, и я и т. д. Я опять спрашиваю, что это значитъ? Хозяйка отвѣчаетъ: они просятъ у васъ, чтобы вы за нихъ заплатили музыкантамъ, безъ чего музыканты не играютъ. Нечего дѣлать, я отдалъ этимъ дѣвчонкамъ остальныя мои 60 коп. Танцы устроились, и пошли танцовать казачка со страшною энергіею. По окончаніи танца я всталъ, распростился и ушелъ, боясь, чтобъ еще за что-нибудь не спросили у меня денегъ. Той же участи подверглись всѣ Русскіе офицеры, пришедшіе на этотъ пиръ удовлетворить своему любопытству. Жиды ни на что денегъ не выдаютъ, и потому на балѣ этомъ никакого рѣшительно угощенія не было, кромѣ вонючихъ сальныхъ свѣчей. Музыкантовъ не нанимаютъ и танцуютъ только тогда, когда кто нибудь изъ гостей заплатитъ 20 коп. музыкантамъ, чтобъ они сыграли, напримѣръ, кадриль, или вальсъ, или польку, или казачка (послѣдній танецъ они очень любятъ). И потому на эти балы Жиды очень просятъ насъ дураковъ Русскихъ, ибо тогда только они и танцуютъ. Безъ Русскихъ танцевъ нѣтъ, ибо Жиды не разщедрятся ни на копейку, а развѣ музыканты сыграютъ даромъ. Послѣ этого вечера я рѣшилъ, что чрезъ тысячу лѣтъ всѣ деньги будутъ въ рукахъ Жидовъ, ибо у нихъ имѣется только одинъ приходъ, расходу же у нихъ нѣтъ! Жиды не пренебрегаютъ ни одной полушкой, а мы бросаемъ рублями какъ ни по чемъ. Послѣ этого какъ не предположить, что когда нибудь всѣмъ міромъ завладѣютъ Жиды и на семъ всемъ мірѣ будетъ одно только Жидовское царство? И если ихъ не останавливать, то они этого добьются непремѣнно.

15 Сентября. Въ 12 часовъ пошелъ къ М. Н. Муравьеву; онъ меня увидѣлъ и сказалъ: вы проситесь въ Петербургъ? Я отвѣтилъ: если прикажите! А на сколько дней? спросилъ онъ. На десять, сказалъ я. Много, много, много, онъ сказалъ и отошелъ къ другимъ. Я не думалъ проситься въ С.-Петербургъ, а онъ самъ хочетъ меня послать, чтобы завести и устроить адресный столъ въ Вильнѣ.

19 Сентября. Занимался дѣлами ксендза Лапинскаго и помѣщика Гоувальта. Отослалъ письмо къ Ал. Ив. Дубельту со стихами на смерть Терезы Константиновны Озобишиной.

21. Сентября. Всталъ въ 6 часовъ, въ 7 часовъ поѣхалъ на же-

лѣзную дорогу провожать Н. Л. Дубельта, выступившаго съ своимъ полкомъ для усмиренія мятежа въ Августовской губерніи. Экспедиція эта назначена подъ командою г. л. Бакланова и раздѣлена на три колонны. 1-я подъ командою самого Бакланова, 2-я подъ командою г. м. Ник. Леон. Дубельта, а 3-я подъ командою князя Анатолія Ив. Барятинскаго. Проводивши л. гв. Драгунскій полкъ, пожелавши ему успѣха въ побѣдахъ и благополучнаго возвращенія и простившись съ достойнымъ и драгоцѣннымъ моимъ другомъ Н. Л. Дубельтомъ, я поѣхалъ въ комиссію, въ которой занимался дѣлами помѣщика Чижа и помѣщика Витольда Гоувальта до 4-хъ часовъ. Идя изъ комиссіи, я встрѣтилъ пріѣхавшаго изъ С.-Петербурга генералъ-адъютанта Александ. Владимировича Паткуля и, сѣвъ къ нему на дрожки, поѣхалъ къ А. Р. Дрентельну, гдѣ онъ остановился съ женою своею Марьею Александровною, урожденною маркизою де-Траверсе.

25 Сентября. Обѣдалъ по приглашенію у П. В. Полянскаго. Онъ мнѣ показывалъ послѣ обѣда лошадей-жеребцовъ земской конюшни. Прекрасныя лошади, и видно, что Полянскій мастеръ своего дѣла; подобнаго порядка я нигдѣ не видалъ и съ восхищеніемъ смотрѣлъ лошадей. Это просто прелесть! Это превосходныя живыя картины, оторваться не хотѣлось. Я видѣлъ ихъ 50 штукъ, одна другой лучше. Какъ выдержаны, какая кроткая ихъ игривость, стоитъ посмотрѣть, и не охотникъ сдѣлается охотникомъ. Спасибо другу П. В. Полянскому! Просто спеціалистъ. Послѣ обѣда онъ поѣхалъ къ вечернѣ, велѣлъ запрячь карету и завезъ меня домой.

26 Сентября. Былъ въ банѣ. Баня хороша въ Вильнѣ, чистая, опрятная, а въ особенности вода очень хорошая.

27 Сентября. Въ 8 часовъ былъ въ Зайковскихъ казармахъ и смотрѣлъ всѣхъ арестантовъ изъ шайки Вислоуха, предъявлялъ ихъ тѣмъ арестантамъ, которые были также въ шайкѣ Вислоуха и которые совершали казнь надъ крестьянами Томашевичами; съ тою цѣлію это предъявленіе я дѣлалъ, что не признаютъ ли они въ числѣ арестантовъ тѣхъ, которые вмѣстѣ съ ними совершали казнь Томашевичамъ. Но таковыхъ не оказалось.

28 Сентября. Не обѣдалъ, потому что пропалъ аппетитъ: ибо изъ комиссіи я поѣхалъ въ Госпиталь Св. Якова, что̀ на Погулянкахъ, въ которомъ находятся шесть человѣкъ раненыхъ изъ той же шайки Вислоуха. Причина посѣщенія моего этихъ Вислоуховскихъ плѣнныхъ была таже самая, что̀ и вчера. Вечеромъ у меня было все семейство

Еврея Кляцко и дочь его Юдесъ, за которую сватается одинъ Еврей, пріѣхавшій изъ Петербурга. Юдесъ очень хороша, жаль выдать ее за неизвѣстнаго человѣка, и потому все это семейство съ женихомъ пришли ко мнѣ за совѣтомъ. Я такъ рѣшилъ: 1) что объ женихѣ собрать подробныя справки въ С.-Петербургѣ, какой онъ человѣкъ и какими средствами тамъ живетъ? 2) Чтобъ онъ внесъ раввину пятьсотъ рублей на сбереженіе, что будетъ доказывать его денежность и вмѣстѣ способность деньги сберегать; 3) чтобъ онъ для своей избранной Юдесъ прислалъ изъ Петербурга хорошій презентъ. Всѣ они на это согласились, я напоилъ ихъ чаемъ, угостилъ ½ ф. конфектъ и 10 грушъ, и они, оставшись вполнѣ мною довольны, отправились по домамъ.

29 Сентября. Отослалъ письмо къ Мамышеву, редактору-изданія: Кавказцы и Георгіевскіе кавалеры, и къ сыну Николаю. Былъ у обѣдни въ домѣ ген.-губернатора. Гродненское дворянство подало адресъ на вѣрноподданство. Снялъ съ себя фотографической портретъ, 24 карточки за 10 руб.

2 Октября. Съ 3 до 4 часовъ былъ въ комиссіи, допрашивалъ дѣвицъ Малецкихъ. Окончилъ дѣло помѣщика Бослеслава Поморнацкаго. Обѣдалъ дома изъ трактира, супъ и зразу за 35 коп.

3 Октября. Занимался дѣломъ ксендза Лапинскаго. Давалъ очныя ставки Октавіи Кальчевской, жены кол. сов. и родной ея сестры Елены Вириго, съ дѣвицами Малецкими (тоже двѣ родныя сестры). И что же? Кальчевская отъ всѣхъ своихъ показаній отперлась, принявъ всю вину въ участіи къ мятежникамъ на себя. Съ одной стороны это благородно, а съ другой подло; зачѣмъ было путать Малецкихъ?

4 Октября. Кончилъ дѣло ксендза Лапинскаго, въ участіи къ мятежникамъ; онъ оправдался, но въ сборѣ съ крестьянъ денегъ Евейской Карафіи по рублю съ хаты и взятіи съ нихъ же излишнихъ денегъ за исполненіе требъ остался виноватъ. Въ докладѣ я выразилъ и большую виновность Виленской Римско-Католической Духовной консисторіи, какъ потому, что они позволяютъ ксандзамъ дѣлать сборъ съ крестьянъ денегъ безъ разрѣшенія консисторіи, такъ и не повѣряютъ сборныхъ книгъ отъ консисторіи имъ выдаваемыхъ не болѣе какъ срокомъ на годъ. А у Лапинскаго найдена книга для сбора, выданная ему изъ консисторіи въ 1856 г. и не контролированная консисторіею ни разу.

5 Октября Окончилъ дѣло ксендза Гембицкаго, который долженъ быть высланъ на жительство въ одну изъ отдаленныхъ губерній Рос-

сіи. Обѣдалъ въ клубѣ на годовомъ обѣдѣ. За обѣдомъ было до ста человѣкъ, обѣдъ былъ очень хорошъ, много пили шампанскаго; и я, почувствовавъ, что мнѣ скоро будетъ дурно, поѣхалъ домой.

7 Октября. Читалъ Литовскій вопросъ, рукопись, которую далъ мнѣ Веселитскій для отсылки въ Петербургъ, чтобъ напечатать ее.

8 Октября. Въ зданіи миссіонерокъ разспрашивалъ помѣщицу Добужинскую о дѣлѣ ея по доносу крестьянъ, будто былъ у нея раненый повстанецъ и лѣчился у нея въ домѣ, гдѣ отняли ему руку; а когда онъ умеръ, то она велѣла похоронить его на старомъ кладбищѣ. Хотя по доносу и была отрыта изъ земли правая рука человѣка уже разлагавшаяся, но вѣры доносу я по крайней мѣрѣ не даю и полагаю, что это сдѣлано коварно, на томъ основаніи, что у крестьянъ Литовскихъ гнѣздится мысль, что если отъ помѣщика отымутъ землю, т. е. конфискуютъ имѣніе, то земля будто бы поступитъ во владѣніе крестьянъ. Эта запавшая въ нихъ мысль распространяетъ самые злодѣйскіе доносы на помѣщиковъ, и они дѣлаются невинными жертвами такого зла. Я не оправдываю всѣхъ помѣщиковъ, но много изъ нихъ страдаютъ невинно и, какъ я полагаю, помѣщица Добужинская есть невинная жертва отъ коварнаго доноса. Тѣмъ болѣе, потому что она уже пять лѣтъ вдова и имѣетъ пять человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ старшему десять лѣтъ. Оправдываю я Добужинскую, не подумайте, читатели, оттого что она вѣрно была хороша. Нѣтъ, въ справедливости моей красота женщины не можетъ найти укрывательства, если она виновата. А къ тому Добужинская не воспламенитъ и молодого человѣка, а не только меня, 64-хъ лѣтняго слѣдователя и честнаго открывателя истины. Посмотримъ, что̀ покажетъ слѣдствіе, которое я только сегодня началъ одними ея разспросами.

9 Октября. Въ 8 час. вечера поѣхалъ на балъ, затѣянный въ клубѣ молодежью, состоящею при М. Н. Муравьевѣ, подъ распоряженіемъ Н. Н. Хитрово; мнѣ поручено было пригласить А. П. Нѣмчинова и К. Е. Дитерихса съ ихъ женами, что̀ я и исполнилъ. Что же? Мы всѣ пріѣхали въ $8^1/_2$ часовъ на балъ, а швейцаръ сказалъ, что балъ отказанъ. Что̀ завѣтренность! И какъ же не дать знать заранѣе и заставить дамъ пріѣхать на мнимый балъ? Очень нехорошо.

10 Октября. При дальнѣйшемъ сегодня слѣдствіи о Добужинской начала показываться ея виновность и ложность ея показаній, такъ что участіе мое къ ея положенію поколебалось. Посмотримъ, что̀ будетъ далѣе.

11 Октября. Въ Госпиталѣ Св. Якова допрашивалъ помѣщицу Довгяло; потомъ поѣхалъ въ зданіе миссіонерокъ, гдѣ допрашивалъ дѣвицу Фелицію Рудомино.

14 Октября. Занимался дѣломъ помѣщицы Анны Довгяло по доносу на нее крестьянъ. По дѣлу, кажется, она невиновата. Доносамъ одного шляхтича по фамиліи Залѣскаго предсѣдатель комиссіи давалъ вѣру, и шляхтичъ этотъ началъ дѣлать поборы съ помѣщиковъ и другихъ лицъ, а которые ему не давали денегъ, то онъ ихъ оговаривалъ, арестовывалъ и доносилъ нелѣпо въ комиссію. Наконецъ это открылось; ибо нашли письмо, въ которомъ онъ пишетъ къ одному помѣщику, чтобъ онъ далъ 2 т. рублей адъютанту Муравьева, тогда дѣло его онъ не доложитъ, и оно такъ и умретъ. Адъютантомъ онъ называетъ князя Шаховскаго и что Залѣскій упросилъ будто его взять за это дѣло только 300 руб. Письмо эго было представлено въ комиссію, и Залѣскій сознался, что желалъ попользоваться деньгами. Экой подлецъ! Между тѣмъ по доносу его много людей арестовано, въ томъ числѣ и дѣвица помѣщица Фелиція Рудомино, которую я допрашивалъ 11-го Октября и которой родной братъ по доносу же Залѣскаго сосланъ на жительство въ Тобольскую губернію еще въ управленіе краемъ Назимова, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ сего года. Можно ли было вѣрить подлецу Залѣскому и на его только показаніяхъ такъ дѣйствовать? Слава Богу, что по этимъ дѣламъ я въ сторонѣ, и все это оттого, что ни одному человѣку я не вѣрю кромѣ своимъ глазамъ и своимъ ушамъ. Вотъ какіе результаты могутъ выходить отъ глупости предсѣдателей разныхъ комиссій!!! Много бы я написалъ, да боюсь чтобъ гусей не раздразнить. Другое дѣло, если спросятъ, тогда и говори; а если не спрашиваютъ, то держись выраженію: слово серебро, а молчаніе золото. Веди только честно свои дѣла, а въ чужія не мѣшайся, если тебя не спрашиваютъ.

19 Октября. Былъ въ клубѣ ,чтобъ разсѣятся, ибо по Суботамъ въ клубѣ обѣдъ бываетъ съ музыкой. Вчера Витебское дворянство поднесло адресъ М. Н. Муравьеву на имя Государя Императора. Дворянство было принято весьма ласково.

20 Октября. Вся Виленская комиссія по политическимъ дѣламъ снимала группою фотографію: предсѣлатель Веселитскій, члены: я, кн. Урусовъ, полк. Лосевъ, подполк. Хаматьяновъ, маіоръ Поль, аудиторы: Бормотовъ и Щеголевъ и Кирсановъ, жандармы: шт. кап. Кабановъ и поруч. Казанцовъ и два рядовыхъ. Послѣ снятія зашли всѣ ко мнѣ, позавтракали и ушли. Веселитскій не былъ.

21 Октября. Успѣлъ довести до сознанія Добужинскую. Она объявила мнѣ, что дѣйствительно къ ней были приведены пять раненыхъ повстанцевъ, она ихъ приняла къ себѣ въ домъ, изъ нихъ одинъ былъ раненъ навылетъ въ грудь, это былъ поручикъ Нарвскаго полка измѣнникъ Николай, впослѣдствіи разстрѣлянъ (см. 13 Сентября). Трое были ранены легко, а пятый иностранецъ Рудольфъ былъ раненъ въ руку близъ плеча, съ раздробленіемъ кости; ему отрѣзали руку, которую она и велѣла зарыть; впослѣдствіи, чрезъ 10-ть дней, онъ умеръ, и Добужинская велѣла его похоронить. Въ этомъ состоитъ доносъ крестьянъ на Добужинскую. Я составилъ докладъ М. Н. Муравьеву и закончилъ его такъ: «Помѣщица Фелиція Добужинская признается виновною въ томъ, что дала пристанище раненымъ повстанцамъ и не извѣстила о томъ полицію; но, принявъ въ соображеніе, что Добужинская вдова, съ четырьмя малолѣтними дѣтьми, беззащитная, а поступокъ ея принадлежитъ къ образованному чувству благороднаго сердца и теплаго участія къ человѣчеству, то я полагаю ее освободить изъ-подъ ареста и водворить на мѣсто жительства къ дѣтямъ въ ея фольварокъ Галванки; а за то, что не дала знать полиціи о нахожденіи у нея въ домѣ раненыхъ повстанцевъ, учредить за ней секретный надзоръ, хотя впрочемъ она могла не давать о томъ знать полиціи съ одной стороны изъ жалости, а съ другой изъ боязни, чтобъ повстанцы не сожгли ея фольваркъ, чему и были примѣры». Посмотримъ, какая будетъ резолюція. Впрочемъ резолюцію я могу и не узнать, если не буду интересоваться. Обѣдалъ у любезнѣйшаго Н. Л. Дубельта, благополучно возвратившагося изъ похода въ Августовскую губернію. Резолюція: выслать на жительство въ Тобольскую губернію подъ надзоръ полиціи.

22 Октября. Допрашивалъ дворянина Тучинскаго. Въ 11 ½ часовъ поѣхалъ вмѣстѣ съ Веселитскимъ на закладку памятника въ память подавленія въ Литвѣ мятежа и въ память всѣхъ убитыхъ Русскихъ воиновъ въ стычкахъ съ мятежниками. Памятникъ заложенъ на Георгіевской площади; онъ будетъ изображать часовню, въ которой на стѣнахъ будутъ написаны имена и фамиліи сдѣлавшихся жертвами при подавленіи мятежа.

25 Октября. Занимался дѣломъ 20-ти лѣтняго юноши дворянина Ходынскаго; онъ увлеченъ былъ пойти въ шайку изъ любезности къ паненкамъ, которыя его стыдили и называли трусомъ. Паненки первыя двигатели къ возстанію, вся молодежь ими увлечена, потомъ ксендзы, потомъ помѣщики. Сего же дня я занимался дѣломъ Ромуальда Шульца, и оказалось, что онъ арестованъ по доносу Еврея Ицко, за то что да-

валъ мятежникамъ хлѣбъ и крупу. Шульцъ содержался за эту вину 9-ть недѣль въ Іюнѣ и Іюлѣ мѣсяцѣ и выпущенъ въ Августѣ по слѣдствію мною произведенному; ибо повстанцы пришли къ нему на фольваркъ и взяли хлѣбъ и крупу насильно, о чемъ онъ донесъ полиціи на другой же день. А теперь опять за тоже посадили. Какъ это неосновательно и какъ глупо!

28 Октября. Вечеромъ у меня пилъ чай Н. А. Дубельтъ и прощался, потому что отправился съ полкомъ своимъ въ С.-Петербургъ.

30 Октября. Послѣ обѣда получилъ изъ Динабурга депешу отъ жены, что она ѣдетъ въ Вильну ко мнѣ. Я тотчасъ послалъ за Ривкой и приказалъ ей нанять карету къ $8^1/_2$ часамъ, въ которое время я поѣхалъ на станцію желѣзной дороги и въ $9^1/_2$ часовъ встрѣтилъ мою жену.

3 Ноября. Вечеромъ были музыканты-Жиды. Купилъ мѣхъ на пальто за 35 руб. Жиды-скорняки сшивали мѣхъ. Ривка привела своихъ сестеръ Юдесъ и Малку, они танцовали.

5 Ноября. Въ Комиссіи разсматривалось дѣло ксендза Гундіуса; всѣ члены, числомъ пять, рѣшили за вину его отдать подъ судъ, но самодуръ Веселитскій разозлился, всталъ и ушелъ въ свою комнату, сказавъ членамъ: я несогласенъ съ мнѣніемъ членовъ, я напишу отдѣльно свое мнѣніе, чтобъ Гундіуса не отдавать подъ судъ, а заточить его навсегда безъ суда въ Шлиссельбургскую крѣпость. Экой самодуръ!!!

7 Ноября. Занимался составленіемъ записки по дѣлу Яцѣвича, который предводительствовалъ шайкою по взятіи въ плѣнъ Минейки. Потомъ былъ при очной ставкѣ даваемой помѣщицѣ Умановичевой съ доносчикомъ на нее шляхтича Межевича. Доносъ Межевича по моему мнѣнію несправедливъ, и я психологически это доказалъ; а наконецъ тотъ доносъ, который доноситель доказать не можетъ, всегда есть доносъ коварный, душегубный. Межевичъ донесъ, что Умановичева Мунчинская будто ему разсказывала, что въ Вильнѣ есть жандармы-вѣшатели и при нихъ начальникъ, а Мунчинская говоритъ, что это ложь, и что она разсказывала Яцѣвичу то о жандармахъ-вѣшателяхъ, что было напечатано въ газетахъ. А какъ Яцѣвичъ за доносы получаетъ деньги, то онъ весьма натурально старается изыскивать всѣ случаи ихъ добывать. Притомъ образъ жизни Мунчинской устраняетъ всякое подозрѣніе на участіе ея въ возстаніи. Я сильно говорилъ въ ея защиту, и она по моему настоянію изъ подъ ареста освобождена.

10 Ноября. Сдѣлалъ себѣ пальто на мѣху песцовомъ и въ пер-

вый разъ надѣлъ его отправясь къ обѣднѣ по обыкновенію. Переѣхалъ изъ дома Шишко на квартиру въ домъ Тишкѣвича, за 25 руб. въ мѣсяцъ. Обѣдалъ съ женой чѣмъ Богъ послалъ.

13 Ноября. Съ 8 до 4 былъ въ комиссіи, куда провожала меня, какъ и вчера, жена моя.

14 Ноября. Въ 6-ть часовъ поѣхалъ въ зданіе № 14-го съ писаремъ Чепыжниковымъ, гдѣ переписалъ на контрамарки для адреснаго стола всѣхъ арестантовъ, которыхъ въ этотъ день содержалось въ этомъ зданіи 53 человѣка. Съ сегодняшняго дня я началъ устраивать адресный столъ для всѣхъ арестантовъ, содержащихся въ Вильнѣ и непремѣнно приведу ихъ личности въ математическій порядокъ.

18 Ноября. Опечатали домъ Тишкѣвича.

19 Ноября. Въ 3 часа поѣхалъ въ Воен. Госпиталь Св. Якова, потомъ въ Доминиканскій, а потомъ въ Францисканскій монастырь для составленія контрамарокъ въ адресный столъ.

24 Ноября. Въ 12 часовъ былъ у М. Н. Муравьева. Онъ представлялъ всѣхъ генераловъ, въ томъ числѣ и меня, пріѣхавшему изъ Петербурга министру государственныхъ имуществъ Зеленому.

25 Ноября. Въ 6 часовъ былъ въ Доминиканскомъ зданіи, гдѣ допрашивали и давали очную ставку членамъ революціоннаго комитета. Изъ комиссіи въ 9-мъ часу я ѣздилъ къ Николаю Алексѣевичу Милютину, онъ былъ въ Вильнѣ проѣздомъ. Онъ спрашивалъ меня о моей службѣ и предложилъ служить въ Варшавѣ. Я отвѣтилъ, что въ такое время ни одинъ благородный человѣкъ отъ службы отказываться не долженъ, но пока я служу у М. Н. Муравьева, то я не пойду служить въ рай къ Богу, а вотъ когда Михаилъ Николаевичъ выдетъ или оставитъ мѣсто генералъ-губернатора Западнаго края, тогда я готовъ идти на службу, куда угодно и просилъ, чтобъ Н. А. Милютинъ на меня разсчитывалъ.

1 Декабря. Въ 12 часовъ былъ у М. Н. Муравьева, который смотрѣлъ и прощался со 2-мъ баталіономъ л.-гв. Преображенскаго полка, отправляющимся сегодня въ С.-Петербургъ. Это былъ послѣдній баталіонъ гвардіи, бывшей въ Литвѣ для усмиренія мятежа. Вчера была балотировка въ члены Виленскаго клуба, а сегодня мнѣ объявили, что я единогласно выбранъ членомъ этого клуба, въ которой я вступить не имѣлъ намѣренія, такъ какъ со дня на день ожидаю окончанія моей службы въ Вильнѣ.

3-го Декабря. Вторникъ. Съ 8-ми до 4 часовъ былъ въ комиссіи, обѣдалъ дома, вечеромъ былъ въ клубѣ.

4 Декабря. Среда. Съ 8-ми до 4 часовъ былъ въ комиссіи, обѣдалъ дома, вечеромъ былъ у К. Е. Дитерихса.

5 Декабря. Четвергъ. Отъ 8 до 4 часовъ былъ въ комиссіи, обѣдалъ и вечеръ былъ дома. У насъ пилъ чай Дурасѣвичъ.

6-го Декабря. Пятница. Утромъ былъ у обѣдни въ домѣ генер.-губерн., оттуда вмѣстѣ съ Дитерихсомъ поѣхалъ на ротный праздникъ къ подполк. Редеру, откуда пріѣхалъ домой и, напившись дома съ женою чаю, поѣхалъ на вечеръ къ Редеру опять. Получилъ отъ Игнатьева телеграмму.

7-го Декабря. Веселитскій для открытія адреснаго стола арестантамъ сдѣлалъ всѣмъ членамъ великолѣпный завтракъ въ самой комиссіи и былъ очень любезенъ. Послѣ завтрака довезъ меня въ колескѣ до моей квартиры.

10 Декабря. Былъ у П. В. Кукольника, онъ читалъ свое сочиненіе о Польскомъ возмущеніи и разборъ сочиненія Нарона *) о Христѣ Спасителѣ.

11. Съ 8 до 4 въ комиссіи, обѣдалъ дома, вечеромъ съ женой былъ у Дитерихса. Послалъ письмо къ внуку Николѣ.

12 Декабря. Въ 6-ть часовъ пришелъ ко мнѣ А. И. Озноби шинъ, который сидитъ со мной въ одной комнатѣ въ слѣдственной комиссіи; онъ игралъ съ женой въ 4 руки на фортепіано.

13 Декабря. Получили телеграфъ изъ Динабурга отъ сына Николая съ извѣщеніемъ, что онъ ѣдетъ въ Вильно, жена моя поѣхала его встрѣчать на желѣзную дорогу.

14 Декабря. Вечеромъ былъ въ клубѣ вмѣстѣ съ сыномъ Николей; за ужиномъ радушный намъ пріемъ былъ для меня весьма умилителенъ, пили за мое и Николино здоровье безпрестанно, и мы пріѣхали домой въ 4 часа.

19 Декабря. Вечеромъ былъ у А. П. Нѣмчинова, онъ давалъ прощальной вечеръ К. Е. Дитерихсу, который назначенъ начальникомъ артилеріи гренадерскаго корпуса.

20 Декабря. Въ 8 часовъ вечера поѣхалъ въ общее собраніе клуба, гдѣ разсматривался годовой отчетъ, въ 10-мъ часу пріѣхалъ къ Редеру, у котораго были всѣ артилеристы и ихъ главный начальникъ А. П. Нѣмчиновъ, для провожанія отъѣзжающаго въ Москву К. Е. Дитерихса,

*) Такъ въ подлинникѣ. П. Б.

съ женою Елеонорою Александровною по случаю новаго его назначенія. Отъ Редена всѣ поѣхали на станцію желѣзной дороги, тамъ проводы были К. Е. Дитерихсу такъ умилительны, что не было лица, которое бы отъ умиленія не плакало. Дружная семья артилеристовъ, бывшихъ его подчиненныхъ, слилась въ одну душу ему благодарную. Онъ заслужилъ полное къ себѣ уваженіе, которое такъ непритворно выразилось въ ихъ чувствахъ, въ ихъ ему сказаніяхъ. Самъ Дитерихсъ и жена его отъ полноты чувствъ благодарности не могли говорить, слезы радости катились изъ ихъ глазъ. Подчиненные поднесли и ей и ему памятные подарки.

21 Декабря. Въ 11-ть часовъ производилась казнь повѣшеніемъ участниковъ революціоннаго Польскаго комитета: Прусскаго подданнаго изъ Познани дворянина Дорошовскаго, Мечеслава Францова 27 лѣтъ, католика и дворянина Здановича.

22. Декабря. Послѣ обѣдни М. Н. Муравьевъ подошелъ ко мнѣ и благодарилъ, что я устроилъ адресный столъ всѣмъ арестантамъ и сказалъ, что ему хотѣлось бы устроить адресный столъ всѣмъ жителямъ г. Вильны и потому поручилъ губернатору С. Ф. Панютину переговорить о томъ со мною. Въ 2 часа Панютинъ пріѣхалъ ко мнѣ, мы посовѣтовались, и я написалъ проектъ учрежденія адреснаго стола. Въ 8-мь часовъ я съ женой поѣхали къ Нѣмчиновымъ, оттуда я ѣздилъ къ Панютину и отвезъ проектъ мой.

23 Декабря. Вечеромъ ѣздилъ въ канцелярію генералъ губернатора для ускоренія отправленія меня въ С.-Петербургъ.

24 Декабря. Вечеромъ откланивался Михаилу Николаевичу и въ 12-ть съ ½ часовъ поѣхалъ вмѣстѣ съ женой по желѣзной дорогѣ въ С.-Петербургъ.

25 Декабря. Среда. Рождество Христово. Цѣлый день былъ въ дорогѣ, а въ 11-ть часовъ вечера пріѣхалъ съ женой въ Петербургъ и остановился въ квартирѣ сына Николая.

26 Декабря. Утромъ дѣлалъ визиты, а вечеромъ былъ у Болотникова.

27 Декабря. Являлся къ дежурному генералу и къ коменданту.

28 Декабря. Являлся къ министру внутрен. дѣлъ Валуеву, но онъ поручилъ просить меня завтра; потомъ являлся къ воен. министру Милютину и былъ съ визитомъ у разныхъ лицъ. По приглашенію А. Ф. Лихачова обѣдалъ въ Англійскомъ клубѣ, а вечеромъ былъ у Бильбасова.

29 Декабря. Являлся министру Валуеву, а въ часъ имѣлъ счастіе за разводомъ представляться Государю Императору. Государь сказалъ мнѣ: Ты изъ Вильно?—Точно такъ, отвѣтилъ я.—Какъ здоровье Михаила Николаевича? спросилъ Государь.—Слава Богу; только говорятъ, что глаза слабы, сказалъ я.—Ну у васъ въ Вильнѣ все благополучно? продолжалъ Государь.—Благодаря Бога, отвѣтилъ я. Тогда Государь сказалъ: я очень радъ, и съ тѣмъ кончивъ со мною разговоръ, обратился къ слѣдующему генералу, возлѣ меня стоявшему.

31 Декабря. Занимался дѣломъ по устройству адреснаго стола въ Вильнѣ и исполненіемъ разныхъ порученій въ Вильнѣ мнѣ надаванныхъ.

Конецъ 1863 года, счастливаго для меня только тѣмъ, что я былъ откомандированъ въ распоряженіе знаменитаго и геніальнаго Михаила Николаевича Муравьева, и тѣмъ, что ни одна невиновная Польская душа напрасно не подверглась взысканію по слѣдствію мною производимому. Благодарю Господа несчетно!

1864 годъ. Благослови Господи вѣнецъ Твоея благости на лѣто 1864-ое.

1-ое Января. Вечеромъ въ 7 часовъ былъ у Н. А. Крыжановскаго по его приглашенію. Сегодняшнимъ высочайшимъ приказомъ онъ назначенъ помощникомъ къ М. Н. Муравьеву.

2-го Января. Былъ у воен. министра Милютина по его приказанію явиться предъ моимъ отъѣздомъ въ Вильну. Онъ приказалъ мнѣ свидѣтельствовать душевное почтеніе Михаилу Николаевичу. Министръ Валуевъ тоже поручилъ мнѣ свидѣтельствовать почтеніе Михаилу Николаевичу. Пообѣдавъ съ семействомъ, я въ 8-мь часовъ вечера вмѣстѣ съ другомъ моимъ женою поѣхали на Варшавскую желѣзную дорогу, гдѣ я, простившись съ нею, отправился въ Вильну, такъ какъ срокъ моей командировки для устойства адреснаго стола былъ по 3 Января. Долго смотрѣлъ я изъ окошка движущагося вагона, пока ликъ моего друга перешелъ въ воображеніе.

3-го Января. Пріѣхавъ въ Вильну въ 11-ть часовъ вечера, я тотчасъ переодѣлся и поѣхалъ явиться къ Михаилу Николаевичу, которому вручилъ отъ дежурнаго генерала графа Гейдена Памятную Книжку на 1864-й годъ. М. Н. принялъ меня весьма ласково, посадилъ и разспрашивалъ о Петербургѣ и когда сказалъ мнѣ: что, насъ тамъ бранятъ? тогда я ему отвѣтилъ: дай Богъ, чтобъ внуковъ нашихъ такъ бранили; конфекты въ Петербургѣ продаютъ съ вашимъ портретомъ, стихи вамъ пишутъ во славу вашу. При этомъ М. Н. спросилъ: какіе стихи? Тогда я испросилъ его позволенія ихъ ему представить, что

онъ тотчасъ же и приказалъ, т. е. подать ихъ. Я вышелъ изъ кабинета, и тотчасъ же, вынувъ стихи изъ моего портфеля, подалъ ихъ Михаилу Николаевичу. Стихи эти были написаны къ 1-му Января 1864 года и разосланы ко всѣмъ патріотамъ и оцѣняющимъ геніальное управленіе Литовскимъ краемъ, въ которомъ вспыхнувшій мятежъ и глубоко распространившійся могъ только удержать знаменитый Михаилъ Николаевичъ, мудрымъ и въ полномъ сохраненіи строгости закона управленіемъ. Стихи эти дала мнѣ Варвара Петровна Базилевская, она сама есть авторъ слѣдующихъ стиховъ:

Михаилу Николаевичу Муравьеву.
Твое имя—есть ужъ слава,
Твоимъ подвигамъ—ура!
Вознесетъ тебя держава,
Возвеличатъ племена!
Подъ крыломъ Архистратига
Смѣло ты иди впередъ.
Благодарная Россія
Тебѣ лавры поднесетъ.

Михаилъ Николаевичъ прочелъ стихи съ улыбкою удовольствія и потомъ спросилъ о наградахъ, какія вышли къ новому году; но я, по случаю отъѣзда изъ Петербурга 2-го Января и въ хлопотахъ, ничего не зналъ.

4-го Января. Явился къ предсѣдателю комиссіи г.-л. Веселитскому, коменданту г.-л. Вяткину и начальнику штаба г.-м. Циммерману, обѣдалъ дома и весь вечеръ занимался составленіемъ инструкціи для полицейскихъ чиновниковъ и для домовладѣльцевъ касательно устройства адреснаго стола въ г. Вильнѣ, на который мнѣ отпущено 500 рублей.

13 Января. Обѣдалъ у губернатора Степана Ѳедоровича Панютина. Проѣздомъ изъ-за границы въ Петербургъ, обѣдалъ у него въ этотъ же день графъ Н. Н. Амурскій. Рядовой Якубъ Чеханъ сегодня разстрѣлянъ за побѣгъ изъ службы въ шайку мятежниковъ.

15 Января. Сегодняшній день замѣчателенъ двумя обстоятельствами: а) пріѣхалъ генералъ-адъютантъ Н. А. Крыжановскій, назначенный помощникомъ къ начальнику Западнаго края М. Н. Муравьеву; б) буквально у меня не было ни одной копѣйки денегъ, и я занялъ у поручика Казанскаго 11 р. серебромъ, безъ чего не было бы возможности даже заплатить извозчику. Такого обстоятельства не случалось ни съ однимъ генераломъ и даже никакой службы, т. е. ни Русской, ни иностранной, ни статской и ни военной. И въ этомъ случаѣ судьба выбрала меня, и потому не удивляйтесь, друзья и потомки, что вся жизнь моя оригинальна. Любопытно, чѣмъ-то она кончится кромѣ смер-

ги? Но могу сказать вамъ въ утѣшеніе, что за то получено изъ Динабургской коммисаріатской комиссіи увѣдомленіе отъ 11 Января 1864 года за № 583-мъ, что слѣдующее мнѣ жалованье за Сентябрьскую треть прошлаго года выслано въ настоящее время быть не можетъ, по неимѣнію въ комиссіи денегъ. Вотъ видите ли, на мою бѣду и денегъ въ комиссіи нѣтъ. И во всемъ-то мнѣ все также! По пословицѣ: Ѳомкѣ жениться—такъ и ночь коротка. Не унывай, другъ мой Николай Ивановичъ! Помолясь Богу, съ тѣмъ я легъ спать. Впрочемъ веселъ и счастливъ, душой покоенъ и самъ собой доволенъ.

16 Января. Съ 8-ми до 4-хъ часовъ былъ въ комиссіи, потомъ, пріѣхавъ домой, увидѣлъ на столѣ визитную карточку Николая Андреевича Крыжановскаго, который пріѣзжалъ ко мнѣ, но я былъ еще въ комиссіи. Пообѣдавъ, я одѣлся во всю форму, и въ $8^1/_2$ часовъ вечера отправился къ Николаю Андреевичу явиться. Онъ принялъ меня весьма ласково, оставилъ у себя пить чай. Сегодня отдалъ въ печать всѣ формы мною составленныя для адреснаго стола.

29 Января. День былъ очень снѣжный и скучный, а особенно потому, что получилъ письмо отъ доброй моей жены, которая все груститъ и скучаетъ отъ обстоятельствъ не стоющихъ никакой грусти, тѣмъ болѣе потому, что и я, и она, и дѣти слава Богу здоровы. Спать мнѣ не хотѣлось, сгрустнулось; я подумалъ, что Полякамъ еще скучнѣе, сѣлъ, закурилъ трубку, потомъ походилъ по комнатѣ, и для развлеченія написалъ слѣдующіе стихи, принявъ за тему показаніе одного заблудшагося ксендза:

Намъ слѣдствія комиссій показали,
Кто возмутилъ всѣхъ Поляковъ.
Они съ разсваньемъ сказали:
Зачѣмъ мы увлеклись мечтою дураковъ!
Неблагодарная забылась,
Живя безпечно столько лѣтъ!
Кто возмутилъ твою отчизну?
Кто бросилъ искру Полякамъ?
Хотѣлъ кто праздновать здѣсь тризну
Потомкамъ вашимъ и сынамъ?
И вы запутались всѣ въ сѣти,
И съ вами старцы, внуки, дѣти.
Ксендзъ.
Коварный Галлъ насъ обольстилъ,
Измѣной, лестью напоилъ.
На тронъ взошелъ онъ съ поруганьемъ,
Бразды правленья нагло взялъ,
И избалованный мечтаньемъ

Онъ о Россіи замечталъ!
Слѣдователь.
Забылъ скрижаль онъ Николая.
Забылъ Варшавы цитадель.

Допрашивали: предсѣдатель ген.-лейт. Веселитскій, членъ ген.-м. Цыловъ. Такъ подписываются всѣ допросы, кто бы ихъ ни снималъ, съ тою только разницею, что фамилія члена измѣняется, а фамилія предсѣдателя, какъ въ математикѣ, есть величина постоянная.

30 Января. Чай пилъ у любезнаго сосѣда князя Михаила Валентиновича Шаховского.

1 Февраля. Обѣдалъ у князя М. В. Шаховскаго, вечеромъ былъ у Польмана, отъ него поѣхалъ съ Игельстромомъ въ маскарадъ и восхищался, какъ Польки танцуютъ мазурку, польку, а въ особенности вальсъ; впрочемъ въ 3-мъ часу уѣхалъ домой.

6 Февраля. Въ театрѣ очень хорошо играли: Доходное Мѣсто (Островскаго).

7 Февраля. Въ 8 часовъ вечера пришелъ ко мнѣ Александръ Павловичъ Ильинъ, ротмистръ л.-гв. Кирасирскаго полка, который стоитъ въ Царскомъ Селѣ, и я съ нимъ былъ знакомъ, когда былъ я тамъ полиціймейстеромъ.

13 Февраля. Въ Губерн. Правленіи были собраны надзиратели г. Вильны, которымъ я объяснилъ объ адресномъ столѣ.

23 Февраля. Обѣдалъ у С. Г. Веселитскаго, который обѣдъ этотъ давалъ для всѣхъ членовъ комиссіи слѣдственной по тому случаю, что арестантовъ за комиссіею осталось менѣе 150 человѣкъ. Тостъ былъ предложенъ Веселитскимъ за мое здоровье, а я предложилъ тостъ отъ всѣхъ членовъ за его здоровье.

26 Февраля. Писалъ правила для частной прислуги въ г. Вильны.

28 Февраля. Изъ комиссіи вмѣстѣ съ А. И. Ознобишинымъ мы пріѣхали домой ко мнѣ, нашли посылку отъ моей доброй жены, присланную изъ Петербурга; въ посылкѣ было: свѣжая икра, сыръ, свѣжая корюшка, и боченокъ сельдей. Закусивъ свѣжей икры, остальную, чтобъ не испортилась, равно какъ и корюшку, взяли съ собой и поѣхали въ клубъ; корюшку велѣлъ сварить, которую всѣ налично обѣдавшіе, какъ и икру съ блинами, съѣли, похваливая и икру, и корюшку. Вечеромъ я былъ у Редена, за обѣдомъ пили за здоровье жены моей Елены Дмитріевны.

10 Марта. Въ этотъ день были назначены выборы новыхъ директоровъ клуба. Меня выбрали директоромъ единогласно. Этотъ день для

меня былъ самымъ пріятнымъ, ибо изъ 230-ти человѣкъ членовъ клуба, выборъ меня въ числѣ прочихъ старыхъ директоровъ въ директоры, обнаружилъ расположеніе ко мнѣ членовъ, удостоившихъ меня выборомъ.

25 Марта Благовѣщеніе. Сегодня минуло 25 лѣтъ присоединенія Уніи къ Православной Церкви, и потому въ Духовомъ монастырѣ была совершена литургія самимъ виновникомъ такого присоединенія, митрополитомъ Литовскимъ Симашко. Къ литургіи съѣхались всѣ генералъ и штабъ-офицеры военные, всѣ гражданскіе чиновники и самъ начальникъ края М. Н. Муравьевъ. Литургія и самое служеніе были великолѣпны. По окончаніи всѣ чины отправились къ митрополиту съ поздравленіемъ.

29 Марта. Послѣ обѣдни, въ часъ было освященіе адреснаго стола мною устроеннаго.

7 Апрѣля. Въ 12 часовъ поѣхалъ вмѣстѣ съ княземъ Шаховскимъ въ полной парадной походной формѣ на станцію желѣзной дороги встрѣчать (проѣздомъ въ Петербургъ) его высочество Константина Николаевича. Для встрѣчи были собраны всѣ генералы въ Вильнѣ находящіеся и самъ М. Н. Муравьевъ. Его высочество по случаю болѣзни изъ вагона не выходилъ, пригласивъ къ себѣ въ вагонъ только Михаила Николаевича и Н. А. Крыжановскаго. Утромъ Веселитскій пригласилъ меня гулять, и мы пошли изъ комиссіи къ Замковой горѣ и, выбравъ самое крутое мѣсто, взобрались на гору. Труда было много, мнѣ 65 лѣтъ, а Веселитскому хотя 60, но за то онъ втрое меня толще и съ одной рукой! Впрочемъ, подходя или лучше подлѣзая къ вершинѣ горы, находящіеся на горѣ караульные солдаты, спустясь къ намъ, помогли взобраться. Этотъ моціонъ былъ мнѣ полезенъ.

9 Апрѣля. Занимался по вечерамъ составленіемъ проекта объ учрежденіи въ г. Вильнѣ справочной конторы для продажи недвижимыхъ имуществъ во всемъ Западномъ краѣ.

18 Апрѣля. Въ 11½ часовъ поѣхалъ къ заутренѣ въ домъ генералъ-губернатора. Послѣ заутрени всѣ разговливались у М. Н. Муравьева. Онъ былъ весьма ласковъ со всѣми.

19 Апрѣля. Воскресеніе Христово. Прошелъ въ визитахъ. Это дурацкое шлянье изъ дому въ домъ, отъ подъѣзда къ подъѣзду, въ Вильнѣ имѣетъ большую моду; а я всѣхъ просилъ, чтобъ не дѣлали мнѣ визитовъ, ибо я не измѣряю къ себѣ почтеніе тѣмъ, кто былъ или кто не былъ у меня съ поздравленіемъ.

20 Апрѣля. Вмѣстѣ съ женою былъ у обѣдни въ Троицкомъ монастырѣ. Служилъ молебенъ митрополитъ Литовскій и Виленскій Си-

машко, въ присутствіи М. Н. Муравьева и всѣхъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ. Познакомился съ Аркадіемъ Дмитріевичемъ Столыпинымъ, свиты Его Величества генералъ-маіоромъ; онъ былъ у меня съ визитомъ.

25 Апрѣля. Съ 24 на 25 Апрѣля С. Г. Веселитскій отправился въ отпускъ въ С.-Петербургъ, и я вступилъ въ исполненіе должности его, предсѣдателя Виленской Слѣдственной Комиссіи по политическимъ дѣламъ. Въ 12-ть часовъ полудня по случаю отъѣзда въ С.-Петербургъ М. Н. Муравьева, всѣ генералы въ полной парадной походной формѣ собрались къ нему. Онъ принялъ всѣхъ весьма внимательно, благодарилъ за службу, два раза взялъ меня за руку и поручилъ управленіе комиссіею. Въ 4 часа послѣ обѣда всѣ собрались на станцію желѣзной дороги провожать Михаила Николаевича, и онъ благополучно отправился, и когда изъ окошка вагона сказалъ, прощайте господа, тогда всѣ присутствующіе закричали: «до свиданья».

28 Апрѣля. Вечеромъ, въ общемъ собраніи директоровъ Дворянскаго Виленскаго клуба, гдѣ былъ непріятный диспутъ касательно смѣны секретаря клуба по непріятностямъ директора-хозяина Хитрово съ секретаремъ Виноградовымъ, который должность свою оставилъ за дерзости, наговоренныя ему Хитровымъ.

29, 30. Съ 1-го на 2-ое Мая проѣзжалъ за границу Его Высочество Константинъ Николаевичъ, всѣ собрались генералы во всей формѣ въ 4 часа ночи; но Его Высочество телеграфировалъ со станціи, что никого принимать не будетъ и мы, не спавъ ночь, отправились по домамъ.

10 Мая. Обѣдалъ съ женою у Нѣмчинова; возвратясь домой послѣ обѣда въ 5-ть часовъ, я нашелъ письмо отъ Виктора Петровича Брянчанинова, который поздравляетъ меня съ царскою милостію. Указъ о пожалованіи меня орденомъ Св. Станислава 1-й степени подписанъ Государемъ Императоромъ 8-го Мая 1864 года. Благодарю тебя, Господи, что служба моя тяжкая не осталась безъ возмездія. Благодарю Михаила Николаевича, моего мудраго начальника. Дай Богъ ему всѣхъ благъ на свѣтѣ!

23 Мая. Пріѣхалъ изъ отпуска Веселитскій и вступилъ въ должность, которую я исправлялъ мѣсяцъ во время его отпуска.

27 Мая. Въ часъ съ половиною утра Государь Императоръ съ Императрицею изволили ѣхать чрезъ Вильну за границу. Въ Вильнѣ встрѣча была сердечная. Государь изволилъ завтракать и былъ чрезвычайно милостивъ ко всѣмъ, а въ особенности къ М. Н. Муравьеву.

Пробывъ въ декарбардерѣ съ часъ, изволилъ отправиться въ дальнѣйшій путь благополучно. Народу было множество, и крики ура не умолкали.

28 Мая. Вознесенье. Представлялся М. Н. Муравьеву и благодарилъ за награду. Аркадій Дмитр. Столыпинъ одолжилъ мнѣ ленту и звѣзду, и я въ первый разъ сегодня надѣлъ звѣзду и ленту.

30 Мая. Суботa. Елена Дмитріевна моя добрая жена, сегодня въ 4 часа и 20 минутъ полудня отправилась изъ Вильны въ С.-Петербургъ. По ея отъѣздѣ мнѣ было очень грустно оставаться одному въ чужомъ городѣ безъ родныхъ и друзей, и я усердно молился Богу, чтобы чѣмъ нибудь разыгралось мое положеніе въ Вильнѣ: или бы дали мнѣ постоянное мѣсто для службы, или бы отправили въ С.-Петербургъ, по крайней мѣрѣ и въ томъ и другомъ случаѣ я былъ бы вмѣстѣ съ женой, съ семействомъ, родными и со старыми друзьями. Господи, исполни молитву мою!

10-го Іюня во Вторникъ былъ вечеромъ у М. Н. Муравьева съ ремаркою о числѣ арестантовъ, содержащихся за Виленскую комиссію. 12-го прислали грамоту на пожалованіе меня орденомъ Св. Станислава 1-й степени за подписью Императора Александра II-го. За орденъ взыскали съ меня 120 рублей серебромъ въ Капитулъ.

20 Іюня. Въ этотъ день проѣзжалъ за границу чрезъ Вильну Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ. Его Высочество встрѣчали: начальникъ края М. Н. Муравьевъ и всѣ генералы. Я опоздалъ и видѣлъ только, когда Его Высочество прошелъ чрезъ комнату садиться въ вагонъ.

21 Іюня. Представлялся въ числѣ прочихъ ген. лейт. Хрущову, назначенному помощникомъ къ начальнику края М. Н. Муравьеву.

27 Іюня. Въ 9 часовъ вечера я имѣлъ первый разъ докладъ М. Н. Муравьеву по дѣламъ политическихъ арестантовъ. М. Н. былъ доволенъ и сказалъ мнѣ: ваша комиссія останется навсегда, и я совершенно надѣюсь, что она у васъ пойдетъ хорошо. Благодарю тебя Господи, что Ты сподобилъ меня угодить Михаилу Николаевичу, моему мудрому начальнику!

(Извлечено изъ «Сборника П. И. Щукина», книги пятой).

ОПИСАНІЕ ЖИЗНИ Н. И. ЦИЛОВА *).

До моего рожденія. Разсказъ моей матушки.

Вотъ, мой другъ, какъ было дѣло. Въ 1799 году, зимою, на праздникъ Знаменія Божіей Матери, твой папаша пригласилъ къ себѣ изъ круга родныхъ и друзей, какъ водилось въ старину, на пирогъ. Батюшка твой любилъ хорошо покушать, и потому я сама, наканунѣ званаго дня, т. е. 26 Ноября, растворила тѣсто для пирога, которому надлежало разыгрывать solo за завтракомъ будущаго дня. Пироги я пекла очень вкусные, отецъ ихъ очень любилъ и потому я, никому не довѣряя въ томъ, чтобъ тѣсто, какъ говорится, не ушло, приказала сосудъ съ пирожнымъ матеріаломъ поставить на лежанку въ своей комнатѣ. Въ это время я была тобою беременна. Былъ уже часъ девятый вечера, и я, напившись чаю, начала раскладывать гранпасьянсъ, задумавъ: если онъ выдетъ—тогда родится у меня сынъ, а если не выдетъ —то родится дочь. Пасьансъ не вышелъ. Тетушка моя и старая няня, по признакамъ тогдашней моей конструкціи, утверждали, что будетъ дочь, и въ заключеніе разныхъ предсказаній посадили меня на полъ и при вставаніи моемъ съ пола замѣтили, что я упиралась на лѣвую руку, и тогда тетушка и няня единогласно рѣшили, что навѣрное будетъ дочка. Кажется, что можетъ быть вѣроятнѣе? Дѣло рѣшено и подписано!

Часу въ 11-мъ вечера того же дня, тетушка и няня отправились спать; отца твоего не было дома: онъ, какъ докторъ, отозванъ былъ въ Стрѣльну къ великому князю Константину Павловичу, у котораго онъ лечилъ всѣхъ придворныхъ. Помолясь Господу, я легла въ постель и, не пролежавъ получаса, встала и позвала къ себѣ старую няню, приказавъ ей послать за повивальной бабкой, никому о томъ не говоря, чтобы никто въ домѣ о томъ не зналъ. (Въ старину, и кажется еще и теперь, существуетъ предубѣжденіе, что если роды будутъ въ домѣ всѣмъ извѣстны, то онѣ будутъ тяжелыя). Старуха-няня въ точ-

---

*) Съ любезнаго дозволенія Петра Ивановича Шукина извлечено изъ VI-го выпуска его „Сборника“. П. Б.

ности исполнила мое приказаніе, и чрезъ двадцать минутъ бабушка уже была у меня въ комнатѣ, куда вскорѣ прибылъ и твой отецъ, виновникъ тихой этой суматохи. Въ продолженіе цѣлой ночи, я много мучилась, то ходила, то ложилась, то садилась, и наконецъ, въ семь часовъ и десять минутъ утра, въ день Знаменія Пресвятой Богородицы, 27 Ноября 1799 года, ты, Николай, родился.

Во все время ночныхъ хлопотъ, отецъ твой занимался писаніемъ записокъ къ тѣмъ лицамъ, которыя были приглашены сегодня на пирогъ. Записки были слѣдующаго содержанія, кому почтеннѣйшій, кому любезнѣйшій: «Жена моя хотѣла угостить васъ сегодня пирогомъ, но раздумала. Она родила сына Николая, который ужасно кричитъ и будетъ васъ безпокоить. Въ день крестинъ—поквитаемся. До свиданія! И... Ц...»

Въ спальной комнатѣ не было удобнаго мѣста, куда бы положить новорожденнаго, уже вымытаго и спеленатаго. Ученая бабушка придумала умно, положила ребенка на лежанку, и такъ близко къ бродившему тѣсту, что оно, залѣпивъ тебѣ глаза, могло бы задушить. Къ счастію, старая няня, искавши въ торопяхъ столовую ложку, увидѣла это обстоятельство, и тотчасъ, въ испугѣ, отлѣпивъ тѣсто отъ глазъ, переложила тебя на подушкѣ въ Волтерово кресло, стоявшее у моей кровати. Вотъ, любезный мой Николя, какое могло случиться несчастіе! Старушки утѣшали меня тѣмъ, что это обстоятельство служитъ признакомъ будущаго твоего счастія и богатства, толкуя, что тѣсто предсказываетъ счастіе и довольство, а серебряная ложка, которую нашли утонувшею въ тѣстѣ, изображаетъ богатство. До крестинъ твоихъ время быстро летѣло въ хлопотахъ извѣстныхъ всякому женатому человѣку, имѣвшему дѣтей.

Наконецъ, насталъ день крестинъ; собрались гости, пасторъ пріѣхалъ и дѣло порѣшилъ. Пошли поздравленія съ новорожденнымъ, и въ это время отворяются двери, въ которыя пролѣзаетъ маленькая, но толстая повивальная бабушка, въ чепцѣ съ большими кружевами, съ умиленной улыбкой и съ большущимъ въ рукахъ подносомъ, на которомъ стояли шампанскія рюмки, наполненныя заздравнымъ того же имени виномъ; потчуя имъ гостей и дѣлая каждому книксъ по мѣрѣ вклада на подносъ денегъ, какъ это въ старину водилось, она обошла всѣхъ гостей, которыхъ на крестинахъ было много, и возвратилась съ подносомъ во внутреннія комнаты, съ весьма восторженнымъ лицомъ. Старики засѣли играть въ бостонъ, а молодежь усердно принялась танцовать. День кончился весело, и всѣ гости разъѣхались.

Все это разсказывала мнѣ моя матушка, когда мнѣ было уже тридцать лѣтъ.

*

Батюшка мой былъ чрезвычайно строгъ, особенно онъ обращалъ вниманіе на опрятность дѣтей: бѣда если онъ замѣтитъ, что одежда разорвана. Однажды, у меня на курткѣ оборвалась пуговка; я бѣгалъ по саду и услышалъ, что отецъ мой пріѣхалъ. Я тотчасъ выбѣжалъ на улицу и подошелъ къ окошку сосѣдняго дома; возлѣ этого окошка постоянно сидѣла швея-старушка К., лишенная параличемъ ногъ еще въ своемъ дѣтствѣ, и что-то такое шила. Я постучалъ въ окошко, возлѣ котораго она сидѣла, и просилъ ее сквозь слезы: «бабушка, пришей мнѣ пуговку!» Веселая бабушка отворила окно и сказала: «хорошо пришью, если возьмешь меня за себя замужъ?» Она была шутлива и очень любила меня и брата Павла; я вбѣжалъ къ ней въ комнату, и при повтореніи ею вопроса: «возмешь ли меня замужъ?» я согласился. Добрая старушка стала пришивать мнѣ пуговку, говоря, чтобъ я не обманулъ ее; а я съ своей стороны просилъ ее шить поскорѣе, чтобъ папенька не узналъ. Только что она, пришивъ пуговку, оторвала нитку, я стремглавъ выбѣжалъ на улицу къ ея окошку и, постучавъ къ ней въ стекло, закричалъ: «не возьму замужъ, не возьму!» Старушка, погрозивъ мнѣ пальцемъ, отвѣтила: «хорошо же, въ другой разъ не пришью пуговки». Представьте себѣ, м. г. читатели, спустя 18-ть лѣтъ послѣ этого я пріѣхалъ въ Петергофъ, въ мѣсто моей родины, и у того же самаго окошка, гдѣ я пятилѣтній далъ слово жениться, сидѣла у окна таже самая, но уже очень ветхая старушка, моя невѣста, и тоже шила какую-то сумочку. Я зашелъ къ ней, мое удовольствіе было непомѣрное! Когда я разсказалъ ей о пришиваніи пуговки и о шуточномъ обѣщаніи жениться на ней, она меня припомнила такъ свѣжо, какъ бы это было вчера: сама повторила объ обѣщаніи моемъ на ней жениться, почти слово въ слово, что̀ утвердило меня въ дѣйствительности запомненнаго мною обстоятельства. Эта старушка, лишенная ногъ еще въ дѣтствѣ, постоянно сидѣла у окошка на одномъ и томъ же мѣстѣ и милостію Монарха пользовалась на пропитаніе дарованнымъ ей пенсіономъ. Скончалась же она на 97-мъ году, безъ болѣзни.

*

На 9-мъ годѣ супружества моихъ родителей, итогъ наличныхъ у нихъ дѣтей былъ пять: три сына и двѣ дочери. Старше меня сестра Елисавета, братъ Павелъ, а потомъ я, по лѣтамъ третій; далѣе сестра Анна, и самый младшій братъ Петръ. Лѣта мои уже нѣсколько укрѣпили мой разумъ, и я уже могъ понимать причины радости и скорби.

Мы часто плакали отъ непріятностей происходившихъ между родителями, которыхъ невольно мы были свидѣтелями, и потому безотчетно тосковали.

Въ одинъ изъ весеннихъ дней того времени, я вижу, что матушка моя укладываетъ нѣкоторыя домашнія вещи на повозку и куда-то ихъ отправляетъ. Отца нашего не было дома уже третій день; наконецъ, въ ночи на четвертый день онъ пріѣхалъ, и мы по обыкновенію утромъ пришли къ нему въ кабинетъ, чтобы поздороваться. Батюшка насъ принялъ чрезвычайно ласково, цѣловалъ насъ и плакалъ. Мы спрашивали, что̀ съ вами папенька? Онъ, утирая платкомъ слезы, отвѣчалъ: «ничего, мои милые» и наконецъ, послалъ меня позвать маменьку. Я побѣжалъ и вмѣсѣ съ маменькой вошелъ въ кабинетъ къ отцу. Отецъ всталъ съ кресла, подошелъ къ маменькѣ, поцѣловалъ ее и подалъ ей какую-то бумагу. Она стала ее читать, а насъ изъ кабинета выслали. Отъ безотчетнаго сознанія, мы заплакали, еще болѣе отъ сильнаго впечатлѣнія, произведеннаго на насъ волненіями родителей. Ничего не зная и ничего не понимая, что̀ случилось, слышали только ихъ разговоръ между собою на Нѣмецкомъ языкѣ, въ которомъ часто повторялись наши имена. Мы ушли, оставя мать и отца въ кабинетѣ, и въ это время насъ позвали завтракать. Чрезъ нѣсколько минутъ мать наша пришла къ намъ и очень насъ ласкала и цѣловала со слезами на глазахъ. Отецъ нашъ не выходилъ изъ кабинета, обѣдъ носили къ нему. Вечеромъ маменька, простившись съ нами, сѣла въ коляску и куда-то уѣхала, взявъ съ собою младшую нашу сестру и младшаго нашего брата. Долго мы дожидали ея возвращенія, но природа насъ утомила, и мы заснули на диванѣ.

Маменька домой не возвращалась. Поутру, одѣвшись, по обыкновенію пошли мы къ папенькѣ, который принялъ насъ очень ласково. Мы, поцѣловавъ ему руку, спросили: «гдѣ мамаша?» Онъ грустно смотрѣлъ на насъ, слезы навернулись на его глазахъ, и не могши удержаться, заплакалъ. Мы стояли возлѣ него, съ блѣдными лицами, въ какой-то лихорадкѣ, представляя собою дѣтей, на которыхъ положена серіозная печать принадлежащая только взрослому человѣку. Я первый изъ насъ сказалъ: «Что̀ съ вами, папенька? Няня сказала, что маменька скоро пріѣдетъ!» Отвѣта не было; онъ крѣпко прижалъ меня къ своей груди, махнулъ рукой и, приложа платокъ къ своимъ глазамъ, склонивъ на руку свою голову, находился въ судорожномъ движеніи. Тотчасъ побѣжали мы къ нянѣ и черезъ нѣсколько времени подошли къ дверямъ кабинета, но дверь уже была заперта; у дверей слышно было, что папенька съ кѣмъ-то разговаривалъ. Чрезъ часъ пріѣхалъ къ намъ одинъ изъ преданнѣйшихъ людей нашему отцу, Ан-

гличанинъ Б., который всегда насъ ласкалъ, дарилъ игрушки; жена его была предобрѣйшая женщина, и мы очень любили у нихъ бывать. Б. спросилъ насъ, желаемъ ли мы къ нему ѣхать? Безотлагательно мы согласились, забывъ непонимаемое нами горе, сѣли съ нимъ въ карету и тотчасъ поѣхали. Жена и дѣти его приняли насъ какъ родныхъ своихъ, угощали разными лакомствами, надарили разныхъ игрушекъ, и мы провели время въ семействѣ Б. весьма весело. Вечеромъ пріѣхалъ туда же и нашъ отецъ. Мы бросились къ нему, и онъ, видя насъ рѣзвящимися, немного разсѣялся, посадилъ насъ трехъ къ себѣ на колѣни, далъ намъ конфектъ, обнялъ и сказалъ: «Если бъ были тутъ и остальныя мои дѣти, то я былъ бы совершенно счастливъ!» Мы занялись конфектами и побѣжали къ дѣтямъ г-на Б. продолжать играть въ солдатики. Въ 9-ть часовъ вечера отецъ взялъ насъ съ собою.

На другой день (не помню только, какимъ образомъ) мы всѣ отправились гулять съ провожатымъ человѣкомъ, который завелъ насъ въ одинъ домъ намъ неизвѣстный. Мы входимъ на лѣстницу и вдругъ увидѣли бѣжавшую на встрѣчу къ намъ маменьку. Бросившись къ ней, наперерывъ мы цѣловали ей ручки; но слезы ни у нея, ни у насъ не навертывались. Маменька повела насъ въ комнаты, въ которыхъ мы признали нѣкоторую мебель, перевезенную изъ родительскаго дома, и маменькину постель. Начали дѣлать маменькѣ много, хотя дѣтскихъ, вопросовъ, но она была въ замѣшательствѣ и затрудненіи отвѣчать намъ истину, а говорила все алегорически, такъ что мы ничего не понимали. Помню только, что говорила она: «Милыя мои дѣти, приходите почаще ко мнѣ, всякой раза я буду давать вамъ гостинца. Молитесь Богу усердно! Пора вамъ начать серіозно учиться. Просите папеньку, чтобъ онъ отдалъ васъ въ корпусъ, гдѣ вы выучитесь хорошо и будете лихими офицерами, будете носить саблю и султанъ!».

Эти слова такъ рѣзко вкоренились въ моей памяти, что мыслію я постоянно переносился къ этому времени.

Почти всякой день мы ходили то къ матери, то къ отцу, не замѣчая, что невинно были сплетниками, передавая имъ наши разговоры. День ото дня мы привыкали къ такой глупой жизни, ничему не учились и шалили напропалую, такъ какъ папеньки часто не было дома: онъ, какъ докторъ, посѣщалъ больныхъ и ѣздилъ часто въ Стрѣльну и въ Петербургъ.

*

Отецъ повезъ меня и брата въ Стрѣльну, во дворецъ Его Высочества Константина Павловича. По лѣстницѣ вошли мы въ прекрасную комнату, отецъ поставилъ насъ у окна выходящаго ко взморью и,

оставя насъ куда-то ушелъ. Въ непонятномъ страхѣ, часа полтора мы ждали обѣщаннаго возвращенія батюшки. Между тѣмъ, зала наполнялась генералами и разными офицерами, большею частію лейбъ-гвардіи уланскаго и драгунскаго полковъ. Многіе изъ нихъ часто бывали въ гостяхъ у нашего отца и потому знали насъ за шалуновъ. Они подошли къ намъ, шутили съ нами, что̀ насъ очень окуражило. Наконецъ пришелъ и нашъ папаша, онъ былъ въ кабинетѣ Его Высочества. Почти всѣ насъ окружающіе, съ приходомъ къ намъ отца, обратились къ нему, и, сколько я могу припомнить, дружески обнимали его, цѣловали и смѣялись. Вдругъ все утихло. Отворились обѣ половины двери, чрезъ которыя вошелъ благодѣтель нашего отца и всего нашего семейства, Его Высочество Константинъ Павловичъ. Онъ прямо подошелъ къ намъ и сказалъ: «Здравствуйте, карапузики!» Мы подѣтски поклонились, а Его Высочество, повторивъ «здравствуйте карапузики!» приказалъ намъ громко прокричать: «Здравія желаемъ!» Мы по бойкости нашего характера такъ громко прокричали «здравія желаемъ», что всѣ бывшіе въ залѣ разсмѣялись. «Пора вамъ за науку», сказалъ Его Высочество. Мы молчали. Отецъ нашъ приказалъ намъ отвѣчать: «Ради стараться», и мы тотчасъ исполнили приказаніе отца. Его Высочество, сказавъ намъ молодцы! въ тоже время, взявъ важдаго изъ насъ за щеку, такъ потянулъ щеку, что у насъ во рту произошелъ щелчокъ отъ внезапнаго отдѣленія щеки отъ десенъ. Послѣ чего, обратясь къ нашему отцу, приказалъ ему ѣхать домой, а насъ оставить у него. Батюшка нашъ низко поклонился Его Высочеству, и слезы благодарности навернулись на глазахъ его.

Великій Князь поручилъ генералу Б....у принять насъ подъ его покровительство.

Генералъ Б. повелъ насъ въ верхнія комнаты дворца, въ которыхъ мы простились съ отцомъ съ горькими слезами. Онъ благословилъ насъ и уѣхалъ. Генералъ Б. ласкалъ и утѣшалъ насъ какъ родной отецъ. Обращеніе его съ нами было обворожительно, онъ былъ задушевнымъ другомъ нашего отца. Черезъ часъ намъ подали завтракъ, который мы ѣли съ большимъ аппетитомъ отъ непривычки такъ долго не ѣсть. Послѣ завтрака, съ какимъ-то Французомъ мы пошли гулять въ садъ, ѣздили тамъ на лодкѣ, и очень усталые, въ $3\frac{1}{2}$ часа возвратились во дворецъ, гдѣ крѣпкимъ сномъ уснули на диванѣ, и проснулись только тогда, какъ генералъ Б. насъ разбудилъ, чтобы сѣсть съ нимъ обѣдать. Во время обѣда мы ничего почти не ѣли кромѣ пирожнаго, конфектъ и фруктовъ. Подъ конецъ обѣда, братъ мой прежде, а я послѣ, горько заплакали; какая-то сильная тоска насъ одолѣла. Ген..Б. истощился въ выборѣ для насъ утѣшеній, и мы тогда только немного

разсѣялись, когда услышали, что въ саду музыканты играютъ зорю. Тотчасъ пошли мы въ садъ съ тѣмъ же веселымъ Французомъ, который былъ къ намъ приставленъ въ родѣ гувернера.

На другой день ген. Б. повелъ насъ въ кабинетъ Его Высочества, гдѣ находился уже и отецъ нашъ. Его Высочество, съ обычною его веселостію, взялъ насъ за щеки и приказалъ нашему отцу отвезти насъ въ 1-й кадетскій корпусъ, давъ ему какую-то бумагу.

На четвертый день, у подъѣзда стояла карета, запряженная въ въ рядъ четверкой лошадей. Когда отецъ отворилъ дверцы кареты, мы увидѣли въ ней старшую нашу сестру Лизу и тотчасъ влѣзли въ карету, куда сѣлъ и отецъ нашъ.

Въ Петербургѣ мы остановились у родного дяди, гдѣ и провели этотъ день, а поутру, на другой день, отецъ благословилъ меня съ братомъ и сестрой и, посадивъ насъ въ карету, повезъ въ Екатерининской Институтъ, куда была принята наша сестра. Распростившись съ нею, отецъ отвезъ насъ на Васильевскій островъ, въ 1-й кадетскій корпусъ, и сдалъ подъ покровительство знакомаго ему подполковника Р., а самъ, благословя насъ вторично, въ горькихъ слезахъ уѣхалъ. Надо было видѣть, какъ отецъ съ нами прощался, и ту сцену, какъ я съ братомъ упали къ ногамъ отца, обняли ихъ, и руки наши оцѣпенѣли такъ, что едва могли ихъ отнять. Мы какъ бы предчувствовали минуту на вѣчное съ нимъ разставанье!

*

Отецъ нашъ былъ докторъ, человѣкъ весьма умный и весьма сильный; ростомъ въ 2 арш. 10 вершковъ, уроженецъ Мекленбургшверинскій. Характеръ имѣлъ строгій и по красотѣ своей и силѣ очень нравился женскому полу. Это свойство не нравилось моей матери; чрезъ ревность часто у нихъ были диспуты, доходившіе до того, что мать моя рѣшилась его оставить.

Буало вотъ какой даетъ совѣтъ ревнивымъ мужьямъ:

Ты вступишь въ бракъ съ невинностью прекрасной;
Но хоть подъ именемъ супруги вѣрной, страстной
Въ разлукѣ бывши съ ней и возвращаясь въ домъ,
Вели ее всегда предупреждать о томъ!
Не вѣрь слезамъ твоей Лукреціи печальной,
Которыми тебя въ путь отпуская дальный,
Она съ рыданіемъ твою омоетъ грудь,
И берегись домой нечаянно взглянуть!

Въ 7 часовъ кадеты отправлялись въ классы по длиннымъ, открытымъ и холоднымъ коридорамъ, отчего многіе заболѣвали. Насъ поса-

дили въ самый низшій классъ и начали учить какъ говорится: «съ аза». Учитель азбуки и чистописанія былъ человѣкъ простой, который также имѣлъ право не только ставить учениковъ въ уголъ, на колѣни, но и драть за уши. Если же кто худо писалъ, то онъ приказывалъ всѣ пальцы сжать вмѣстѣ и, держа ихъ такимъ образомъ вверхъ, билъ линейкой по оконечностямъ пальцевъ. Такъ мы съ братомъ промаялись 1808-й годъ. Братъ Павелъ не выдержалъ и въ Февралѣ мѣсяцѣ заболѣлъ и отдалъ Богу юношескую прекрасную свою душу.

Мать разсказала мнѣ, что отецъ нашъ отправленъ въ Симферополь, для устройства медицинской части, куда и уѣхалъ тотчасъ по опредѣленіи насъ въ корпусъ. Чрезъ пять мѣсяцовъ мать опять пріѣхала ко мнѣ и съ нѣжною ласкою объявила мнѣ, что отецъ мой, возвращаясь изъ командировки, на обратномъ пути въ Екатеринославѣ заболѣлъ и скоропостижно умеръ.

Кадеты руководимы были старыми закоренѣлыми кадетами, которые присвоивали себѣ какую-то власть, корчивъ изъ себя стариковъ. Они не учились и часто уродовали себя, находя модою и красотою имѣть кривыя ноги: такъ, въ банѣ они клали круглый тазъ между колѣнями и парили ихъ вѣникомъ, дабы ноги принимали дугообразный видъ. Кто, бывало, изъ кадетъ заговоритъ по-французски или по-нѣмецки, и если услышитъ такой разговоръ кадетъ-старикъ, тотчасъ получитъ въ шею туза.

Въ корпусѣ были въ употребленіи слѣдующія наказанія: ставили въ уголъ, ставили на колѣни, ставили въ столовой къ столбу, оставляя безъ обѣда или безъ ужина, клали спать на голыя доски, часто драли за уши и давали порядочныя затрещины, отправляли подъ арестъ на хлѣбъ и воду, отправляли въ корпусную такъ называемую тюрьму. Сѣкли розгами и въ ротахъ, и въ разводномъ залѣ при собраніи всѣхъ кадетъ. При послѣднемъ наказаніи всегда присутствовалъ главный начальникъ корпуса. Нянька Ивановна сѣкла больно. Тычки, пинки, оплеухи, дранье за волосы и за уши, битье линейками по пальцамъ, все это было дѣломъ обыкновеннымъ». Ген.-лейт. Клингеръ (при которомъ я воспитывался) директоръ 1-го кадетскаго корпуса, человѣкъ, пользовавшійся авторитетомъ въ дѣлѣ воспитанія юношества, говаривалъ: «Русскихъ надо меньше учить, а больше бить».

До половины 1809-го года кадеты, назначаемые по воскреснымъ днямъ на разводъ, пудрились, что̀ дѣлалось такимъ образомъ: одинъ другому намазывалъ волосы сальной свѣчкой, а потомъ насыпалась въ чулокъ бѣлая мука и, держа чулокъ надъ головою, потряхивая имъ, волоса напудривали. Напудреннаго такимъ образомъ кадета сажали на табуретъ и, до отправленія въ разводъ онъ сидѣлъ на немъ часа два,

какъ проглотившій аршинъ, не шевеля головою, чтобъ пудра не сыпалась съ головы на одежду.

Нѣкоторые изъ кадетъ проявляли таланты къ рисованію, къ скульптурѣ и даже къ поэзіи. Какъ напримѣръ, кадетъ Рылѣевъ обнаружилъ призывъ свой къ стихотворенію первоначальными своими стихами къ портрету почтеннаго и очень любимаго кадетами эконома Боброва:

О ты! который управляешь
Надъ легіономъ поваровъ,
Межъ ними какъ звѣзда сіяешь,
Почтенный экономъ Бобровъ!
Твой тронъ сіяетъ межъ котловъ,
Собой всю кухню освѣщаешь,
Творца съ печенкой пироговъ
Безсмертну славу возвѣщаешь!
Преемникъ мудраго барона Аша *)
Ты предковъ превзошелъ своихъ:
Лапша, шпинатъ и манна каша
Суть памятники дѣлъ твоихъ!

Андрей Петровичъ Бобровъ былъ человѣкъ весьма честный, любилъ кадетъ и часто ихъ баловалъ. Случалось кадету тихонько убѣжать въ кухню и, встрѣтя тамъ Андрея Петровича, попросить: «Андрей Петровичъ, пожалуйте пирожка!» Никогда не отказывалъ.

Бобровъ имѣлъ у себя помощника по прозванью: «Кулаковъ». Кулаковъ былъ человѣкъ исполнительный и слѣпо повиновавшій Андрею Петровичу. Онъ распоряжался въ двухъ кухняхъ и держалъ команду поваровъ строго. Въ одинъ прекрасный Майскій день, Кулаковъ, суетясь по кухнямъ, внезапно упалъ и скоропостижно умеръ. Всѣ кадеты во время обѣда побѣжали въ кухню и застали Андрея Петровича въ слезахъ. Кадетъ Рылѣевъ написалъ на другой день слѣдующіе стихи:

Шуми, греми, нестройна лира
Еще неопытна пѣвца,
Да возвѣстишь въ предѣлы міра
Кончину пироговъ творца!
Да возвѣщу я гласъ ужасный
Трехъ таеелей, всѣхъ поваровъ:
Уже нашъ Кулаковъ несчастный
Не суетится средь котловъ!
Ужъ гласъ его не раздается
Въ обѣихъ кухняхъ нашихъ днесь;
Отъ онаго ужъ не мятется
Соборъ его команды весь!

Почти всѣ кадеты творенія Рылѣева списывали и отдавали родителямъ своимъ.

*

*) Въ 1812 году былъ уже Смоленскимъ губернаторомъ.

Въ 1817 г., 25-го Августа, произвели меня въ офицеры и назначили въ 19-ю артиллерійскую бригаду, въ 37-ю легкую роту *). Обмундировали насъ на казенный счетъ весьма экономически; эполеты были кованные мѣдные, этишкеты на киверѣ и шарфъ нитяные, сукно, рубашки и чулки полу-офицерскіе, полу-солдатскіе, и каждому единовременно выдали по 200 р. ассигнаціями, кромѣ прогонныхъ денегъ.

Я поступилъ подъ 26-ти лѣтняго полковника Б., героя 1812 года, кавалера ордена Св. Георгія 4-й ст. за храбрость, человѣка образованнаго, благоразумнаго и въ полномъ смыслѣ красавца. Онъ принялъ меня какъ сына, обласкалъ и поручилъ одному изъ старшихъ офицеровъ устроить мое жительство въ Георгіевскѣ, гдѣ квартировала 37-я батарейная рота, къ которой полковникъ Б. прикомандировалъ меня, чтобъ имѣть личный надзоръ за только что выпущеннымъ изъ корпуса 17-ти лѣтнимъ офицеромъ; 37-я же легкая рота, въ которую я былъ назначенъ высочайшимъ приказомъ, расположена была въ г. Моздокѣ, въ 115-ти верстахъ отъ г. Георгіевска. Образъ жизни нашей въ Георгіевскѣ былъ слѣдующій.

Послѣ служебныхъ занятій мы всѣ, наличные офицеры, обязаны были ежедневно являться къ полковнику и оставаться въ его квартирѣ цѣлый день: у него мы завтракали, обѣдали, пили чай и ужинали. Онъ все время находился съ нами. Играли въ шашки, въ шахъ и матъ и въ прочія подобныя игры, читали разныя книги, а кто умѣлъ играть на гитарѣ—училъ другихъ; а иногда полковникъ заставлялъ насъ танцовать; кто же не умѣлъ, тѣхъ учили другіе. Словомъ, подъ надзоромъ полковника мы находились въ наилучшемъ учебномъ отеческомъ пансіонѣ. Онъ насъ экземеновалъ, заставлялъ рисовать, чертить и задавать другъ другу математическія задачи. Когда онъ оставался кѣмъ доволенъ, составлялъ для тѣхъ кавалькаду, въ которой участвовалъ самъ. Онъ выписывалъ изъ Москвы всѣмъ намъ обмундировку, такъ что всѣ офицеры были и хорошо и щегольски одѣты. Стоимость же обмундировки онъ вычиталъ изъ жалованья каждаго, и потому обмундировка обходилась намъ очень дешево. Всѣ слѣдуемыя намъ деньги отдавалъ на руки, при чемъ давалъ каждому расходную книжку за своею скрѣпою и требовалъ по временамъ показывать ему расходъ нашихъ денегъ, при чемъ, кого бранилъ, кого хвалилъ, судя по благоразумію расхода. Результатомъ такого отеческаго наблюденія было, что у каждаго изъ насъ отъ жалованья до жалованья хотя немного, но деньги оставались. Получали

*) Въ настоящее время названіе въ артиллеріи ротъ измѣнилось на названіе ихъ батареями.

мы въ годъ 270 р. жалованья ассигнаціями, слѣдовательно 90 рублей въ треть. Онъ научилъ насъ бережливости. Правда, что столъ намъ ничего не стоилъ, такъ какъ полковникъ поилъ и кормилъ насъ на свой счетъ. Водку передъ обѣдомъ пить прапорщикамъ не дозволялъ; она дозволялась съ производствомъ въ подпоручики. Въ старинныя времена вообще водилось, что офицеры всегда столовали у командировъ.

Въ Георгіевскѣ, бывшемъ губернскомъ городѣ, проживали губернаторъ и прочія губернскія власти, люди семейные; многіе имѣли дочерей хорошенькихъ. Въ эти семейства ходить намъ безъ позволенія полковника не дозволялось, и мы тогда только къ нимъ ходили, когда самъ полковникъ идти къ кому-нибудь изъ нихъ собирался и тогда приглашалъ и насъ съ собою. Если же кто изъ насъ офицеровъ желалъ вечеромъ идти къ кому нибудь въ гости, то обязанъ былъ испросить разрѣшенія у полковника, который всегда подробно распроситъ, къ кому, надолго ли? Иногда разрѣшитъ, смотря, какою репутаціею въ его мнѣніи пользуется то семейство, къ которому просишься идти въ гости; а иногда скажетъ: оставайся лучше вмѣстѣ съ нами, тамъ только ты научишься играть въ карты, пить или курить. Такъ-то мы и воспитывались въ службѣ у благоразумнѣйшаго и умнѣйшаго начальника. Я и теперь благодарю Господа Бога, что Онъ безъ всякихъ протекторовъ назначилъ начало моей службы на Кавказѣ.

Никакіе танцы въ городѣ не назначались безъ согласія полковника Б. Артиллерійскіе офицеры наши были единственными танцорами. Г. Георгіевскъ, городъ очень грязный, и потому, если въ которомъ семействѣ назначался танцовальный вечеръ, то мы отправлялись туда, сидя верхомъ на деньщикахъ, а полковникъ верхомъ, ибо не было никакой возможности экипажу выѣхать изъ грязи; дамъ же перепосили на носилкахъ Евреи за ничтожную цѣну. Не смотря на всѣ неудобства жизни и на многія лишенія, мы жили весело, патріархально и безъ нужды.

Молодой человѣкъ, красавецъ собою полковникъ Б. имѣлъ, разумѣется, поклонницъ. Однажды одна изъ хорошенькихъ дамъ соглашалась идти танцовать съ тѣмъ кавалеромъ, который ловче танцовалъ, отказывая другимъ; но какъ танцоры всѣ артиллеристы, то выходка ея полковнику не понравилась. На танцовальномъ вечерѣ въ собраніи, полковникъ Б. тайно приказалъ намъ не ангажировать привилигированную даму ни на одинъ танецъ. Она смотрѣла, какъ танцуютъ другія, удивлялась, блѣднѣла и волновалась, почему ея не ангажируютъ. Я, по разсѣянности или по молодости, а можетъ быть по увлеченію къ ней, выбралъ ее въ котильонѣ и сдѣлалъ съ ней одинъ туръ вальса. Это нарушеніе тайнаго распоряженія полковника не осталось безъ на-

казанія: на другой день утромъ я получилъ приказъ, по бригадѣ отданный, въ которомъ мнѣ предписано было отправиться въ г. Моздокъ и явиться къ командиру 37-й легкой роты, т. е. къ той, въ которую я былъ назначенъ при выпускѣ изъ корпуса приказомъ по артиллеріи.

Передъ отъѣздомъ я сдѣлалъ еще ошибку, и хотя грубую, но наивную, изъ боязни солгать. Вотъ въ чемъ заключалась моя ошибка.

Въ Мартѣ мѣсяцѣ 1818 г. пріѣхалъ въ Георгіевскъ главнокомандующій отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ А. П. Ермоловъ и остановился у полковника Б., котораго онъ очень любилъ и который былъ ему хорошо извѣстенъ еще по службѣ въ гвардейской артиллеріи, когда Алексѣй Петровичъ командовалъ ею. Послѣ обѣда Алексѣй Петровичъ сказалъ полковнику Б.: «Ну, братъ Александръ (такъ всегда называлъ онъ нашего полковника), покажи-ка мнѣ своихъ лошадей!» Я былъ дежурнымъ по конюшнѣ, и ко мнѣ тотчасъ прибѣжалъ одинъ изъ старыхъ офицеровъ и передалъ приказаніе полковника: «сей же часъ напоить лошадей». Приказаніе тотчасъ было исполнено, хотя поить лошадей еще время не пришло. Не понимая, какъ неопытный, зачѣмъ было приказано напоить лошадей, я и не добивался причины. Чрезъ четверть часа вмѣстѣ съ полковникомъ пріѣхалъ на конюшню Алексѣй Петровичъ. Я, подошедъ къ нему, отрапортовалъ. Онъ спросилъ мою фамилію, давно ли я произведенъ въ офицеры и который мнѣ годъ? Быстро и громко я отвѣчалъ ему. А. П., сказавъ мнѣ «молодецъ», приказалъ выводить лошадей изъ конюшни. Когда лошадей вывели, А. П., обратясь къ полковнику, сказалъ ему: «Александръ! Лошадей напоили». Полковникъ отвѣтилъ, что не поили. Тогда А. П. внезапно обратился ко мнѣ и спросилъ меня: «поили ли лошадей?» Я и отвѣтилъ, что поили. А. П. расхохотался и сказалъ полковнику: «Нѣтъ, братъ Александръ, меня на надуешь, я старый артиллеристъ! Ты хотѣлъ похвастать и показать лошадей въ лучшемъ тѣлѣ, хотя онѣ и такъ хороши». Уѣхавъ послѣ смотра въ городъ и пробывъ тамъ три дня, А. П. поѣхалъ осматривать войска, расположенныя на Кавказской линіи.

Собравши свои потрошенки, я на перекладныхъ отправился къ своей ротѣ и, явясь къ командиру роты, былъ также имъ обласканъ. Онъ помѣстилъ меня на квартирѣ съ однимъ изъ старыхъ офицеровъ, съ которымъ скоро я подружился. Городъ Моздокъ, при рѣкѣ Терекѣ, заселенъ Армянами; въ мокрое время онъ грязенъ. Для молодыхъ людей онъ можетъ почитаться мѣстомъ ссылки, ибо ни одной нѣтъ хорошенькой женщины, и мы для развлеченія почасту ѣздили въ близъ лежащія станицы, гдѣ жили казаки съ прелестными казачками. У жителей Червленной станицы былъ такой обычай, что если дѣвушка-казачка, до свадьбы, не была любима никѣмъ, то это доказывало, что

она въ жены не годится, и такая или долго, или вовсе не выходила замужъ.

Во время жизни моей въ Моздокѣ былъ слѣдующій казусъ. Жена коменданта, молодая, красивая женщина, вдругъ умираетъ. Командиръ роты съ наличными офицерами были приглашены на похороны. Она была Лютеранскаго исповѣданія. Явился пасторъ, началъ обрядъ отпѣванія, какъ вдругъ покойница пошевелилась, пролежавъ въ гробу три дня. Всѣ присутствующіе на похоронахъ изумились, подошли къ гробу, и покойница открыла глаза. Тотчасъ вынули ее изъ гроба и положили въ постель. Она постепенно выражала чувства жизни, наконецъ поднялась и, сѣвъ на кровати, дрожащимъ голосомъ спросила: «что со мной? дайте мнѣ пить!» Гробъ тотчасъ вынесли, и всѣ присутствующіе на отпѣваніи разошлись. Чрезъ недѣлю она совершенно выздоровѣла. По обыкновенію, мы иногда по вечерамъ ходили къ коменданту, гдѣ она поила насъ чаемъ. Это былъ только одинъ домъ, въ которомъ мы проводили свободное время, прочее же время мы были или на службѣ, или у командира, у котораго всѣ офицеры столовали.

Въ началѣ Апрѣля 1818 г. пріѣхалъ въ Моздокъ нашъ бригадный командиръ 19-й артиллерійской бригады полковникъ Б. инспектировать нашу 37-ю легкую роту. Онъ встрѣтилъ меня очень ласково и по окончаніи смотра, оставшись весьма доволенъ исправностію роты, обѣдалъ у командира роты со всѣми наличными офицерами. Во время обѣда, онъ обратился къ командиру роты и спросилъ: доволенъ ли онъ моею службою? Когда командиръ мой отозвался обо мнѣ съ самой отличной стороны, тогда полковникъ Б., обратившись ко мнѣ, сказалъ: «по тебѣ, Николай, въ Георгіевскѣ всѣ дамы скучаютъ, и я далъ имъ слово привезти тебя обратно въ Георгіевскъ. Собирайся въ путь, и ты поѣдешь со мною». Сильно обрадовавшись, я отъ умиленія заплакалъ.

Въ Маѣ мѣсяцѣ того же 1818 г. получено было предписаніе командира отдѣльнаго Кавказскаго корпуса А. П. Ермолова выступить 37-й батарейной ротѣ въ походъ на рѣку Сунжу, впадающую въ р. Терекъ. Полк. Б. опять прикомандировалъ меня къ 37-й батарейной ротѣ, и чрезъ недѣлю отъ полученія предписанія мы выступили въ походъ къ мѣсту назначенія, куда уже собирались и прочія войска. Полк. Б все время насъ поилъ, кормилъ, но табаку чтобы покурить не давалъ, говоря: «на походѣ дорожка вмѣстѣ, а табачокъ врозь». Когда бывало онъ выкуритъ трубку, мы ее тотчасъ возмемъ и докуриваемъ.

Прибывъ къ р. Тереку, мы остановились лагеремъ. День былъ очень жаркій. Я и нѣкоторые офицеры пошли купаться. Рѣка Терекъ въ этомъ мѣстѣ мелка почти до колѣнъ. Войдя въ воду, я пошелъ далѣе къ срединѣ рѣки, какъ вдругъ попалъ въ пучину и сталъ тонуть.

Штабсъ-капитанъ С. бросился ко мнѣ, еле, еле отыскалъ меня въ водѣ и, схвативъ за волоса, вытащилъ меня безъ сознанія. Часа два, на берегу, меня откачивали. Съ тѣхъ поръ я усердно сталъ молиться и благодарить Господа, упоминая въ молитвѣ имя штабсъ-капитана С. и прося у Бога даровать ему всѣхъ благъ.

Стоя въ лагерѣ, по нашу сторону Терека, весь отрядъ изъ 7000 человѣкъ пѣхоты, казаковъ и артиллеріи ожидалъ прибытія А. П. Ермолова. Изъ всѣхъ частей были назначены ему ординарцы, а отъ 37-й батарейной роты на ординарцы былъ назначенъ я. Спустя дней пять, пріѣхалъ А. П. Объѣхавъ войска, поздоровавшись съ нимъ, онъ принималъ ординарцовъ, и когда я подошелъ являться, А-й П-чъ сказалъ мнѣ: «старый знакомый!».

На другой день весь отрядъ переправился за рѣку Терекъ на непріятельскую сторону и двинулся впередъ верстъ на двадцать въ Чечню, на берегъ р. Сунжи, къ избранному мѣсту для построенія крѣпости названной «Грозною». Оберъ-квартирмейстеръ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, подполковникъ Евстафій Ивановичъ Верховскій, человѣкъ почтенный, опытный, образованный и всѣми уважаемый, находился при Алексѣѣ Петровичѣ, и ему поручено было выбрать мѣсто для построенія крѣпости. А. П. сказалъ полк. Б., чтобы онъ назначилъ одного изъ артиллерійскихъ офицеровъ въ безсмѣнные къ нему ординарцы. Выборъ палъ на меня, и съ тѣхъ поръ я уже находился при штабѣ командира отдѣльнаго Кавказскаго корпуса. А. П. назначилъ меня помощникомъ къ подполковнику Верховскому.

Началось, въ виду непріятелей-Чеченцовъ, построеніе крѣпости, близъ Ханкальскаго ущелья. Ущелье это было непроходимое, а противъ крѣпости, въ двухверстномъ разстояніи, возвышались небольшія горы, покрытыя лѣсомъ, на которыхъ были аулы такъ называемые «Качалыковскіе». Непріятель, со стороны Ханкальскаго ущелья, часто насъ безпокоилъ во время построенія крѣпости, и потому А. П. приказалъ вырубать лѣсъ, дабы виднѣе было открывать скопища непріятелей. Я былъ постоянно и денно и нощно на работахъ крѣпости. Солдаты работали весело, молодцами, и каждый день получали винныя порціи. Лагерь и ставка Алексѣя Петровича были въ сто саженяхъ отъ крѣпости, и солдаты, возвращаясь съ работы, всегда проходили съ пѣснями мимо ставки А. П. Какъ-то, два дня они не получали водки по мѣшкотности маркитанта, который привозилъ водку въ отрядъ. Солдаты, не зная причины почему имъ не даютъ водки, на третій день, идя съ работы мимо ставки главнокомандующаго, запѣли извѣстную пѣснь:

Говорятъ, умны они;
Но что слышу отъ любова:

Жомини да Жомини,
А объ водкѣ ни полслова! и т. д.

А. П. расхохотался и сказалъ: «экіе мошенники! дать имъ по двѣ порціи разомъ», что̀ и исполнилось, такъ какъ маркитантъ съ водкою прибылъ въ тотъ же вечеръ съ транспортомъ. Транспортъ всегда сопровождался войскомъ. Такой транспортъ назывался «оказіей», и при этой оказіи доставлялись намъ и провизія, и письма, и журналы, и высочайшіе приказы.

Вставая со свѣтомъ и отправляясь на работу вмѣстѣ съ солдатами, тяжело было мнѣ, девятнадцатилѣтнему юношѣ; но ласковое обращеніе такого начальника какъ А. П. поддерживало во мнѣ энергію, и я сталъ привыкать къ такой трудной и вмѣстѣ опасной жизни.

Во время построенія Грозной крѣпости, на казацкомъ сотникѣ Ф. лежала обязанность рекогносцировки; онъ каждый день, съ отрядомъ казаковъ, дѣлалъ разъѣздъ и поутру приходилъ всякой день донести о томъ что̀ видѣлъ и что́ узналъ. Однажды, рано утромъ, находившаяся всегда въ ставкѣ А. П. собака, по кличкѣ: «Ципушка», стономъ разбудила А. П., и онъ замѣтилъ, что Ципушка щенится, и потому взялъ палку и сталъ выгонять ее изъ ставки. Въ это время разъѣздъ возвращался съ рекогносцировки, и А. П. замѣтилъ, что сотника Ф. при разъѣздѣ не было. Между тѣмъ сотникъ Ф. рано утромъ, въ шестомъ часу, явился къ А. П. съ рапортомъ. А. П., видѣвъ лично, что сотника Ф. въ разъѣздѣ не было, сказалъ ему: «знаешь, братъ Ф., какой у тебя скверный денщикъ? Ты только что поѣдешь въ разъѣздъ, а онъ тотчасъ же ляжетъ на твою постель, да и спитъ! Я когда нибудь прикажу, въ то время, какъ онъ ляжетъ на твою постель, вздуть его хорошенько нагайками, чтобы онъ не смѣлъ ложиться на постель барина, когда онъ въ разъѣздѣ». По окончаніи же этого алегорическаго замѣчанія, онъ отправилъ его подъ арестъ на недѣлю, сказавъ ему: «если я узнаю ещѐ разъ, что ты такъ исполняешь службу, то велю тебя живого закопать въ землю».

Въ Октябрѣ постройка крѣпости была окончена, и привезены были крѣпостныя пушки для поставленія ихъ къ амбразурамъ. А. П. приказалъ отряду удалыхъ казаковъ, въ числѣ 50-ти человѣкъ, одну изъ этихъ пушекъ отвезти въ сумеркахъ скрыто между казаками отъ крѣпости на 200 сажень, и отряду тому, окруживъ орудіе, стоять до тѣхъ поръ, покуда изъ крѣпости будетъ пущена ракета. Между тѣмъ, онъ приказалъ полк. Б. поставить на гласисѣ крѣпости шесть пушекъ заряженныхъ картечью и навести ихъ, имѣя цѣлью то мѣсто, на которомъ было приказано отряду казаковъ остановиться. Никто изъ насъ не зналъ причины такого распоряженія, которое блистательно окончи-

лось. Непріятель, на разсвѣтѣ, завидя малый отрядъ казаковъ удаленныхъ отъ крѣпости, съ гикомъ бросился на этотъ отрядъ, который, обрубя постромки отъ лафета, тотчасъ съ орудійными лошадьми бросился скакать къ стоящему за крѣпостью баталіону пѣхоты Кабардинскаго полка, оставя орудіе на мѣстѣ. Чеченцы, въ числѣ до 300 человѣкъ, не видя преслѣдующихъ ихъ, спѣшились и начали пушку тащить. Въ это время, шесть батарейныхъ орудій пол. Б. произвели залпомъ картечный выстрѣлъ, отъ котораго непріятель потерялъ до 200 человѣкъ убитыми и ранеными, оставя тяжелую пушку и еле-еле успѣлъ убраться въ горы, преслѣдуемый баталіономъ пѣхоты и отрядомъ казаковъ. Пѣхота на себѣ привезла пушку въ крѣпость, и тѣмъ употребленная хитрость оказала блистательный успѣхъ, а вмѣстѣ и наказаніе Чеченцамъ, безпокоившимъ насъ своими наскоками и выстрѣлами при построеніи крѣпости и уже на крѣпость, дѣйствительно для нихъ грозную, болѣе не покушались.

25-го Октября 1818 года, А. П. Ермоловъ, оставя въ крѣпости Грозной приличный гарнизонъ, повелъ отрядъ въ числѣ пяти тысячъ человѣкъ, подъ личнымъ своимъ предводительствомъ, въ Дагестанъ, для усмиренія взбунтовавшихся тамъ Лезгинъ противъ ихъ владѣтеля шамхала, всегда мирнаго и вѣрнаго слуги Государю Императору и Россіи, имѣвшаго чинъ нашего ген.-лейтенанта и проживавшаго въ городѣ Таркахъ, стоящемъ на горѣ, близъ берега Каспійскаго моря. По прибытіи въ Тарки, начался проливной дождь, который не переставалъ лить цѣлую недѣлю, такъ что рѣшительно препятствовалъ дальнѣйшему походу, и отрядъ испыталъ на дѣлѣ пословицу: «Сиди у моря, да жди погоды». По грязной, гористой и незнакомой дорогѣ тянулся къ отряду транспортъ съ снарядами и провіантомъ. 9-го Ноября, верстахъ въ 25-ти отъ Тарковъ, онъ рѣшительно остановился, заметенный снѣгомъ, который выпалъ въ тотъ день буквально на полтора аршина. Въ ночь на 10-е число, дано было знать объ этомъ главнокомандующему чрезъ одного туземца. Очищеніемъ дорогъ, для удобнаго проѣзда артиллеріи по горамъ, занимался я. По извѣщеніи объ остановкѣ транспорта, рано утромъ, А. П. призвавъ меня къ себѣ и, давъ мнѣ въ команду шесть сотъ человѣкъ жителей города, повелѣлъ: начиная отъ Тарковъ прочищать всю дорогу навстрѣчу транспорта. Я, взявъ съ собою того самаго въ проводники, который привезъ непріятное извѣстіе объ остановкѣ транспорта, принялся съ командою горцевъ, снабженныхъ набранными въ городѣ лопатами, около полудня за исполненіе приказанія и къ пяти часамъ пополудни слѣдующаго дня явился къ А. П-у съ рапортомъ о благополучномъ прибытіи транспорта. Ермоловъ, не давъ мнѣ окончить словеснаго донесенія, обнялъ меня и, поцѣловавъ, сказалъ:

«Ты, братъ, отнынѣ директоръ путей сообщенія». И этимъ названіемъ я постоянно пользовался отъ доблестнаго вождя.

12 Ноября, когда слегка подморозило, отрядъ выступилъ изъ Тарковъ верстъ за 50-ть въ глубь Дагестана. На разсвѣтѣ, 14 числа, мы подошли къ городу «Большому Джангутаю», гдѣ собралось огромное скопище взбунтовавшихся Лезгинъ. Отчаянная храбрость ихъ доходила до изступленія: каждый шагъ земли былъ обагренъ кровію сотенъ людей. А. П. поручилъ мнѣ одну изъ батарей и лично указалъ мѣсто для открытія картечнаго огня. Усиленная пальба на отвозахъ впередъ продолжалась почти два часа. Наконецъ непріятель, громимый артиллеріею и поражаемый штыками, долженъ былъ оставить городъ и съ бѣгствомъ искать спасенія въ горахъ. Алексѣй Петровичъ, по окончаніи сраженія, лежа на коврѣ, потребовалъ листъ бумаги и, положа его на камень, собственноручно написалъ слѣдующій приказъ по отдѣльному Кавказскому корпусу:

Труды ваши, храбрые товарищи, усердіе къ службѣ, проложили намъ путь въ средину владѣній Акушинскихъ, народа воинственнаго и сильнѣйшаго въ Дагестанѣ. Страшными явились вы передъ лицомъ непріятеля, и многія тысячи не противостали вамъ, бѣгствомъ снискали спасеніе и благодарны за великодушную пощаду.

Вижу, храбрые товарищи, что не вамъ могутъ предлежать горы неприступныя, пути непроходимые. Скажу волю Императора, и препятствія изчезаютъ передъ вами. Заслуги ваши смѣло свидѣтельствую предъ Государемъ Императоромъ, и кто достойный изъ васъ не одаренъ его милостію! Генералъ Ермоловъ.

Этимъ кончилась экспедиція 1818 г., и отрядъ возвратился на зимнія квартиры, частію въ крѣпость Грозную, а частію въ станицы Гребенскихъ, казаковъ; легкая артиллерія въ г. Моздокъ, а батарейная въ г. Георгіевскъ, куда и я прибылъ вмѣстѣ съ ротой.

Въ продолженіе всей моей службы я не имѣлъ столь лестнаго для меня времени, пользуясь уваженіемъ товарищей и вниманіемъ начальства. Я былъ совершенно счастливъ. Возвратившись въ Георгіевскъ, я былъ принятъ во всѣхъ семействахъ какъ сынъ родной. Меня такъ баловали, что я ни разу не вспомнилъ о томъ несчастіи, которое преслѣдовало меня въ самыхъ юношескихъ лѣтахъ.

Насталъ 1819 годъ. Я жилъ въ совершенномъ довольствѣ, веселился, танцовалъ до упаду, цѣловалъ ручки милыхъ дамъ. Радость моя еще болѣе увеличилась поселеніемъ во мнѣ чувства незнакомаго еще, чувства при полученіи награды отъ Царя. Бригадный командиръ Б. во время обѣда при всѣхъ товарищахъ вручилъ мнѣ слѣдующій рескриптъ на имя мое данный: «Въ воздаяніе ревностной службы вашей и отличной храбрости, оказанной въ сраженіи противъ Лезгинъ 1818 г. Ноября 14-го при городѣ Джангутаѣ, гдѣ вы искуснымъ дѣйствіемъ порученной вамъ ба-

тареи пріуготовили успѣхъ войскамъ нашимъ, и непріятель повсюду пораженный лишенъ былъ средствъ наносить намъ вредъ, всемилостивѣйше пожаловали мы васъ указомъ, въ 25 день Апрѣля 1819 г. капитулу даннымъ, кавалеромъ ордена св. Анны 4-й степени».

Умиленіе и свѣтлое состояніе моей души въ это время выразилось благодарственными слезами и поздравленіемъ искренно любимыхъ меня товарищей. Я дрожалъ отъ радости!

Послѣ обѣда, съ разрѣшенія полк. Б., я тотчасъ отправился къ знакомымъ и не утерпѣлъ, чтобъ не похвастать имъ моею наградою и рескриптомъ. А. П. Ермоловъ былъ очень скупъ на награды, и въ то время полученная награда была въ большой цѣнѣ; данная же мнѣ награда, юношѣ 20 лѣтъ, поселила во мнѣ какую-то благородную гордость и степенность.

Въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1819 года, главнокомандующій, желая окончательно возстановить покорность въ Дагестанѣ, собралъ подъ личнымъ своимъ предводительствомъ прошлогодній отрядъ, усиленный Куринскимъ и 8-мъ Егерскимъ полками, и по трудному пути, преодолѣвая всѣ преграды, привелъ его къ деревнѣ Андреевской, въ которой Русская нога съ завоевательной силой до тѣхъ поръ не бывала.

18-го Іюня, близъ этой деревни, заложена крѣпость Внезапная, съ блокгаузами въ два яруса; стѣны ея возведены были изъ сырого кирпича руками солдатъ, они же приготовляли и самый кирпичъ изъ глины съ соломенною трухою или, какъ туземцы называютъ, съ саманомъ. Я опять былъ назначенъ безсмѣннымъ ординарцемъ къ А. П., и мнѣ же было поручено построеніе этой новой крѣпости, какъ и крѣпости Грозной, подъ главнымъ распоряженіемъ оберъ-квартирмейстера подполковника Верховскаго. Крѣпость Внезапная такъ же строилась съ бою при безпрерывныхъ набѣгахъ Акушинцевъ.

А. П. мало на кого надѣялся; гдѣ только можно, онъ дѣятельно и зорко слѣдилъ за точнымъ исполненіемъ службы не только офицеровъ, но и рядовыхъ. Въ походахъ и сраженіяхъ былъ хладнокровенъ и въ распоряженіяхъ своихъ весьма остороженъ. Эти свойства его и опытность такое внушали къ нему довѣріе всѣхъ подчиненныхъ, что каждаго успокоивало не встрѣтить непріятеля, воспользовавшагося оплошностію отряда идущаго на бой. Онъ весьма часто напоминалъ всѣмъ окружающимъ его поговорку: «Осторожность есть мать премудрости», дополняя это сказаніе тѣмъ, что эту прекрасную поговорку онъ запомнилъ еще изъ прописи, съ которой учился писать.

Судьба полковн. Шульца. Въ 1812 г. полковникъ Шульцъ былъ адъютантомъ у гр. Ланжерона; на двадцать восьмомъ году онъ былъ уже полковникомъ и командиромъ 8-го Егерскаго полка, находившагося

въ отрядѣ, съ которымъ А. П., въ 1819 г. предпринялъ вторичную экспедицію въ глубь Дагестанта. Шульцъ, молодой, образованный и красивый воинъ, всѣми любимый и уважаемый, слѣдовалъ съ полкомъ въ нашемъ отрядѣ. Не доходя до деревни Андреевской за 60-ть верстъ, А. П. остановилъ отрядъ на дневку. Въ ночное время окружали нашъ отрядъ двѣ цѣпи рядовыхъ полка Шульца, одна ходячая, другая секретная, въ которой лежали по два вмѣстѣ стрѣлка въ разстояніи пунктъ отъ пункта на 50 шаговъ. А. П., какъ начальникъ, хотя привѣтливый, но строгій и заботливый, ночью поѣхалъ осмотрѣть, исправно ли размѣщена цѣпь, но нашелъ, что нѣкоторые солдаты въ секретной цѣпи спали. Поутру, въ день дневки, онъ позвалъ къ себѣ полковника Шульца и сдѣлалъ ему замѣчаніе. Разумѣется, это замѣчаніе сильно подѣйствовало на самолюбіе Шульца. Онъ на другую ночь лично поѣхалъ осматривать секретную цѣпь, взявъ съ собою баталіоннаго командира маіора Ганемана. Ѣдучи верхами передъ цѣпью, они говорили между собою по-нѣмецки; лежащій въ секретѣ рядовой, Малороссіянинъ, въ темнотѣ предполагая, что ѣдутъ непріятели, сдѣлалъ изъ ружья выстрѣлъ, которымъ ранилъ своего полковаго командира въ пахъ. По сдѣланному выстрѣлу, отрядъ встрепенулся, закричали къ ружью, и въ мгновеніе ока отрядъ двинулся къ цѣпи по направленію къ выстрѣлу. Маіоръ Ганеманъ тутъ же донесъ о случившемся, и раненаго Шульца понесли въ кибитку Алексѣя Петровича. По сдѣланіи ему перевязки, Шульцъ приказалъ позвать къ себѣ того солдата, который сдѣлалъ выстрѣлъ, и далъ ему два рубля.

Съ разсвѣтомъ послѣ дневки предположено было продолжать походъ, но за болѣзнію Шульца выступленіе было отложено. Къ вечеру Шульцъ былъ уже въ бреду и на утро скончался. Изъ обозныхъ досокъ кое-какъ сколотили гробъ, обили его чернымъ солдатскимъ сукномъ и черезъ день, въ виду непріятелей, похоронили его на курганѣ съ музыкой, воинскою почестью и со стрѣльбою изъ ружей и пушекъ. Послѣ погребенія, тотчасъ ударили въ барабаны генералъ-маршъ, и отрядъ двинулся въ походъ къ предназначенной цѣли. Такъ погибъ прекрасный юноша-полковникъ, которому предстояло много радостнаго впереди. Но

Жизнь наша пиръ съ привѣтной лаской.
Фортуна отворяетъ залъ,
Амуръ располагаетъ пляской,
Приходитъ смерть—и конченъ балъ!

Судьба Шульца этимъ еще не кончилась. Читатель узнаетъ ее изъ дальнѣйшаго описанія.

Во время построенія крѣпости Внезапной, именно 18 Августа 1819 г., непріятель, въ массѣ до 10 т. человѣкъ, сдѣлалъ формальное на крѣпость нападеніе, но былъ отбитъ мужествомъ храбрыхъ ея защитниковъ и отступилъ съ большимъ урономъ. Самую сильную непокорность оказывали жители Качалыковскихъ ауловъ. Главнокомандовавшій, выступивъ противъ нихъ изъ крѣпости Внезапной, настигъ Горцевъ при селеніи Горячевскомъ. Истребивъ Качалыковскія жилища, А. П. вознамѣрился вторгнуться во владѣнія коварнаго врага нашего Сурхая-хана и направилъ отрядъ свой въ глубь Дагестана къ селенію Лаваши, пролагая себѣ путь, до того непроходимый, самымъ усиленнымъ трудомъ и прорубкою дремучихъ лѣсовъ. Силою воли и благоразумія А. П-ча отрядъ достигнулъ Лавашамъ, гдѣ Горцы, сосредоточенные въ большихъ силахъ и возмущаемые однимъ изъ предводителей Амулатъ-бекомъ *), рѣшились защищаться до послѣдней капли крови, подъ прикрытіемъ возведеныхъ ими огромныхъ заваловъ.

18 Декабря отрядъ, подъ личнымъ предводительствомъ А. П., долженъ былъ стоять безъ всякаго дѣйствія на одномъ мѣстѣ до самаго полудня, ибо въ это время, въ горахъ, былъ столь сильный и густой туманъ, что въ двухъ, а много въ трехъ, шагахъ нельзя было различать предметовъ; доказательствомъ тому служитъ то, что авангардъ нашъ набрелъ неожиданно на одинъ завалъ и завладѣлъ имъ безъ выстрѣла, потому что испуганный непріятель, принявъ авангардъ за атакующихъ, убоялся превосходства силъ и ретировался. Къ 2-мъ часамъ прояснилось, и непріятель, увидя Русскихъ близко подошедшихъ, открылъ такой жестокій огонь, что А. П., не откладывая ни минуты, повелъ штурмовать завалы. Пукъ знаковъ отличія Георгіевскаго ордена, сжатыхъ въ рукѣ А. П., былъ самою блистательною рѣчью; войско наше дрогнуло впередъ, штыки грозно склонились стальнымъ гребнемъ, и сонмъ Горцевъ обратился вспять, какъ вихремъ гонимое стадо. Въ селеніи Лаваши нашли множество убитыхъ; живые всѣ выбрались въ горы.

На третій день послѣ сраженія, жители Лаваши и другихъ ауловъ явились къ А. П. съ покорною головою, имѣя повѣшенными на шеѣ свои шашки (на подобіе прямыхъ сабель съ маленькимъ ефесомъ и въ кожаныхъ ножнахъ). Алексѣй Петровичъ приказалъ имъ непремѣнно поймать Амулатъ-бека и представить его къ нему; въ противномъ случаѣ не только не обѣщалъ имъ прощенія, но грозилъ сжечь всѣ ихъ аулы.

Такъ кончилась знаменитая экспедиція, продолжавшаяся до 12 Января 1820 г. Въ награду за построеніе крѣпости Внезапной, я полу-

*) Читай романъ Марлинскаго: „Амулатъ-бекъ".

чилъ чинъ подпоручика, и вмѣстѣ съ чиномъ получилъ разрѣшеніе пить передъ обѣдомъ водку, которая, какъ выше сказано, прапорщикамъ не дозволялась.

Въ концѣ 1819 г. предъ распущеніемъ отряда на зимнія квартиры, А. П. отдалъ слѣдующій приказъ:

Еще наказуя противныхъ, надлежало, воины, вознести знамена наши на вершины Кавказа и войти съ побѣдою въ ханство Казакумыцкое. Сильный мужествомъ вашимъ, далъ я вамъ сіе приказаніе, и вы непріятеля, въ числѣ превосходнаго, въ мѣстахъ и окопахъ твердыхъ, упорно защищавшагося, ужаснымъ пораженіемъ наказали! Бѣжитъ коварный Сурхай-ханъ, и владѣнія его вступили въ подданство великаго нашего Государя. Нѣтъ противящихся намъ народовъ въ Дагестанѣ! О дѣлахъ вашихъ, храбрые воины, донесу Императору; знаетъ онъ и труды воиновъ, и опасности раздѣлялъ съ ними. Генералъ Ермоловъ.

Распущенный отрядъ на зимнія квартиры обратно слѣдовалъ по тому же пути, по которому достигъ до селенія Лаваши. Проходя мимо кургана, въ которомъ погребено было тѣло полковника Шульца, отрядъ остановился, чтобы отслужить панихиду по покойномъ. Когда мы взошли на высоту кургана, насъ поразило, что могила Шульца разрыта, и гробъ съ прахомъ его украденъ. У Горцевъ было обыкновеніе плѣнныхъ выдавать только тогда, когда ихъ выкупятъ; а потому, они предполагали, что и за тѣло Шульца будетъ имъ предложенъ выкупъ. Отслуживъ панихиду по покойномъ, мы тотчасъ же отправились въ путь, не дѣлая никакихъ розысканій, такъ какъ Горцы, послѣ покоренія Дагестана, обратились въ мирные и на обратномъ пути отряда оказывали намъ усердныя свои услуги.

Теперь позвольте мнѣ, благосклонные читатели, описать вамъ случай, характеризующій и Ермолова, и Амулатъ-бека, и возбуждающій сильное и невольное сочувствіе къ обоимъ дѣйствователямъ.

Когда Амулатъ-бекъ былъ пойманъ и приведенъ къ ставкѣ А. П-ча, тогда онъ приказалъ переводчику спросить Амулатъ-бека, какъ онъ дерзнулъ, послѣ данной Тарковскому шамхалу присяги быть вѣрнымъ Россіи, вновь возмутиться? Амулатъ спокойно и твердо отвѣтилъ на вопросъ переводчику. Измѣна его была положительно доказана свидѣтельствомъ родственниковъ его, тутъ присутствовавшихъ, и главнокомандующій приказалъ плѣнника повѣсить. Когда сентенція была объявлена Амулатъ-беку чрезъ переводчика, то осужденный, въ эту для всякаго ужасную минуту, повидимому совершенно равнодушный къ приговору, наклонившись, сталъ гладить собаку, принадлежащую А. П-у и восхищаться ею; и потомъ, за конвоемъ, отойдя смиренно отъ ставки А. П-а, пошелъ на смерть, какъ бы на пиръ, безъ малѣйшаго признака безпокойства или волненія, возводя только глаза свои къ небу. Это обстоятельство такъ поразило А. П-вича, что онъ тутъ же сказалъ: «Да сохранитъ меня Богъ лишить жизни человѣка съ такимъ

возвышеннымъ духомъ». Амулатъ-бека арестовали, и впослѣдствіи полковникъ Верховскій выпросилъ у А. П. дозволеніе взять его на свое попеченіе и жилъ съ нимъ два года какъ братъ, какъ другъ. Но минута неумолимаго мщенія приближалась быстро и грозно. Сопровождая постоянно полковника Верховскаго (командовавшаго впослѣдствіи отдѣльнымъ отрядомъ въ Дагестанѣ), Амулатъ-бекъ однажды отсталъ отъ него и, сдѣлавъ по немъ выстрѣлъ сзади, убилъ своего благодѣтеля наповалъ и ускакалъ въ лѣсъ въ горы, по знакомому ему пути.

По возвращеніи А. П. въ Тифлисъ, онъ, въ концѣ Апрѣля 1820 г., получилъ донесеніе, что командиръ 44-го Егерскаго полка, расположеннаго въ Гуріи, полковникъ Пузыревскій измѣнническимъ образомъ убитъ въ горахъ нѣкіимъ Горцемъ Кайхере-Гуріялъ *). По этому случаю А. П. написалъ приказъ въ 44-й Егерскій полкъ, слѣдующаго содержанія.

Вы лишились, храбрые товарищи, начальника, усердіемъ къ службѣ великому Государю отличнаго, попеченіемъ о васъ примѣрнаго. Жалѣю вмѣстѣ съ вами, что погибъ онъ отъ руки подлаго измѣнника. Вмѣстѣ съ вами не забуду, какъ надлежитъ, отмщевать за гнусное убійство начальника. Я покажу вамъ мѣсто, гдѣ жилъ подлѣйшій разбойникъ Кайхере-Гуріялъ, не оставьте камня на камнѣ въ семъ убѣжищѣ злодѣевъ, ни одного живого не оставьте изъ гнусныхъ его сообщниковъ! Требую, храбрые товарищи дружественнаго поведенія съ жителями мирными, кроткими, вѣрными подданными Императора. Приказываю наказывать безъ сожалѣнія злобныхъ измѣнниковъ. Ермоловъ.

28-го Апрѣля 1820 года.

Въ тоже время 44 Егерскій полкъ, въ совокупности одного баталіона Херсонскаго гренадерскаго полка и одного баталіона 7-го Карабинернаго, подъ начальствомъ генералъ-маіора Вельяминова, былъ посланъ въ аулъ, гдѣ жилъ убійца. Мщеніе за убійство совершено: Кайхере-Гуріялъ и его сообщники истреблены, а аулъ за непокорность жителей сожженъ.

Полковникъ Пузыревскій былъ женихомъ прелестной дѣвицы Изабеллы, которая, по смерти Пузыревскаго, была невѣстою полковника Верховскаго, который также, въ свою очередь, передъ свадьбою, измѣннническимъ же образомъ, какъ выше сказано, былъ убитъ Амулатъ-бекомъ. Вотъ судьба Изабеллы!!

*

Окончилось боевое мое поприще, Проживая въ г. Георгіевскѣ, куда я возвратился, высочайшимъ приказомъ отъ 21 Августа 1820 г.,

*) Убійство это было сигналомъ къ возмущенію Имеретинской, Мингрельской и Гурійской провинцій.

я переведенъ въ учебную артиллерійскую бригаду. Грустно мнѣ было разставаться съ Кавказомъ, съ начальствомъ и товарищами, съ Кавказомъ, на которомъ я былъ такъ блистательно счастливъ по службѣ, счастливъ уваженіемъ сослуживцевъ, былъ баловнемъ знакомыхъ, особенно дамъ. Много я съ ними танцовалъ, много писалъ имъ стиховъ и несчетно цѣловалъ ихъ ручки... Въ это же время и бригадный нашъ командиръ полк. Б. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ начальникомъ артиллеріи отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, имѣющаго свой штабъ въ Тифлисѣ. 30-го Октября 1820 г. Б. благословилъ меня и сказалъ:

Добрыя собаки съ двора на дворъ не рыщутъ
И отъ добра добра не ищутъ.

Можетъ быть, переводомъ моимъ въ С.-Петербургъ судьба моя и затормозилась. Но судьба людей въ рукѣ Божіей!! Меня провожали до первой станціи почти всѣ товарищи, многіе изъ жителей города, а нѣкоторые даже до г. Ставрополя.

Въ то время, не приведи Богъ какія были дороги. Я пріѣхалъ въ Петербургъ совсѣмъ изнеможенный. Вотъ какъ описалъ ихъ одинъ пѣвецъ:

Ѣду, дѣло къ спѣху
Охъ, пора, пора;
Но съ такою грязью
Не видать добра!

Ну уже дорожка!
Нечего сказать:
Что ни шагъ, помѣха,
И изволь стоять.

То сперва потемки,
Ночь, зима, морозъ,
Не видать дороги,
Снѣгъ ее завесъ!

Тройка по сугробамъ
Вкривь и вкось неслась;
Вотъ теплѣе стало,
Тройка сѣла въ грязь!

Экая досада!
Не въ дорогѣ жить.
Починить бы надо,—
Да кому чинить?...

Плохи инженеры,
Плохи и пути.
Ну, а такъ далеко,
Право, не уйти.

8-го Декабря 1820 г., явился я къ новому своему начальнику, который прямо назначилъ меня обучать солдатъ грамотѣ, не освободивъ отъ безпрерывныхъ ученій, которыя въ то время были въ большомъ ходу, такъ какъ въ ученіе солдатъ маршировкѣ введенъ былъ учебный шагъ въ три пріема. Это такая была для солдатъ гимнастика, что они безпрерывно страдали ломотою ногъ. Свободнаго время у меня не было ни на минуту: я постоянно былъ или въ классахъ, или на ученьѣ, или дежурнымъ, или въ караулѣ, или на ординарцахъ. Качество учебнаго шага заключалось въ томъ, чтобы маршировать выбрасывая ногу плавно и ступая на носокъ ноги безъ стуку; и потому мы часто прибѣгали къ хитрости, подбивая подошву сапога черной замшей.

Главный начальникъ надъ учебной бригадой и Артиллерійскимъ Училищемъ ген.-маіоръ А. Д. Засядко, зайдя въ классъ, въ которомъ я училъ солдатъ, очень меня благодарилъ за успѣхъ солдатъ въ грамотности и въ тоже время приказалъ уволить меня отъ фронтовыхъ ученій, но съ тѣмъ, чтобъ я занялся и ученіемъ кантонистовъ артиллерійской технической школы, въ то время, по иниціативѣ генерала Засядко, только что сформированной. Съ тѣхъ поръ хотя служба моя сдѣлалась легче, но каждый день поутру и вечеромъ я былъ занятъ въ классахъ, то въ учебной бригадѣ, то въ технической школѣ.

Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1822 г. ген. Засядко посѣтилъ техническую школу и, оставшись весьма доволенъ знаніемъ воспитанниковъ, приказалъ выдать мнѣ денежную награду; на другой же день потребовалъ меня къ себѣ на квартиру, гдѣ, въ тоже время, находились два профессора математики. Ген. Засядко, поздоровавшись съ ними, сказалъ профессорамъ: «прошу васъ испытать этого молодого офицера въ математическихъ его познаніяхъ». Не зная причины, по которой приказано было меня экзаменовать, я, признаться сказать, оробѣлъ. Подали бумаги и карандаши, и экзаменъ начался. Чрезъ полчаса взошелъ въ залу ген. Засядко и спросилъ: «ну каково?» Экзаменаторы отвѣтили: «весьма удовлетворительно». Тогда генералъ сказалъ мнѣ: «Я поручаю вамъ занять математическую каѳедру въ Артиллерійскомъ Училищѣ съ жалованьемъ по 500 р. въ годъ, и потому вы получите приказъ». Я весьма обрадовался, что средства къ моей жизни увеличились на 500 р., а вмѣстѣ я струсилъ, не подозрѣвая въ себѣ такого знанія математическихъ наукъ, чтобы я могъ, съ твердою опытностію, преподавать математику въ такомъ высшемъ заведеніи, какъ Артиллерійское Училище.

Я обратился къ профессору математики Шелиховскому, который преподавалъ въ то время въ Горномъ Корпусѣ, и просилъ его принять меня въ свои ученики. Шелиховскій назначилъ мнѣ цѣну за урокъ по

15 р. (въ то время ассигнаціями). Я высказалъ ему мое положеніе и неимѣніе средствъ. Шелиховскій отвѣтилъ мнѣ: «я средства вамъ доставлю» и тутъ же предложилъ мнѣ въ одномъ семействѣ давать уроки ариѳметики по 5 р. въ часъ. Предложеніе его я принялъ съ благодарностію и на другой же день далъ двумъ мальчикамъ урокъ, а самъ началъ ѣздить въ Горный Корпусъ къ Шелиховскому, чтобъ брать у него уже уроки самому. По способности моей и нѣкоторой опытности я учился у Шелиховскаго быстро, такъ что въ полгода я позналъ всю премудрость новѣйшей системы и уже являлся въ классы положительно увѣреннымъ въ твердомъ знаніи того что̀ преподавалъ. Одинъ урокъ, даваемый мнѣ Шелиховскимъ, достаточенъ былъ на цѣлую недѣлю преподаванія моего въ Училищѣ. Платилъ я Шелиховскому исправно, потому что самъ получалъ за уроки деньги также исправно.

Апрѣля 9-го 1821 г. послѣдовалъ приказъ о прикомандированіи меня къ Артиллерійскому Училищу для преподаванія математическихъ наукъ и исполненія должности дежурнаго офицера. Забылъ я ухаживаніе за молодыми дѣвицами и дамами; словомъ, съ поэтической и боевой жизни на Кавказѣ я перешелъ къ жизни холодной и грустной прозѣ.

Въ двадцатыхъ годахъ въ Училище поступилъ преподавателемъ Французскаго языка лекторъ Французской словесности въ Петербургскомъ университетѣ Иванъ Алексѣевичъ Тило̀, считавшійся въ то время лучшимъ преподавателемъ Французской словесности и языка въ Петербургѣ. Онъ преподавалъ въ Инженерномъ Училищѣ, и по неутомимости своей давалъ и частные уроки, получая за урокъ по 25 р. ассигнаціями. Тило̀ былъ женатъ, но съ женою не жилъ, а почему? Это ихъ дѣло. Первоначально онъ изъ скупости ходилъ на уроки пѣшкомъ, но какъ уроковъ у него болѣе и болѣе прибавлялось, то онъ для сохраненія времени купилъ лошадь и дрожки. За лошадь онъ заплатилъ 250 р. ас., но она оказалась пугливою. Кучеръ, служившій у него, неоднократно говорилъ барину, что эту лошадь надо продать, а купить другую. Тило̀ согласился и приказалъ кучеру отыскать купца. Кучеръ отвѣтилъ, что за нее даютъ 200 руб. Какъ можно, сердито отвѣтилъ Тило̀, меньше 250 рублей ее не отдамъ, я самъ заплатилъ эту сумму! На другой день, въ восьмомъ часу утра, онъ поѣхалъ изъ Горнаго Корпуса (гдѣ имѣлъ казенную квартиру) на лекцію въ Инженерное Училище. Исакіевскимъ мостомъ, началъ накрапывать маленькій дождь; Тило, сидя на дрожкахъ, раскрылъ быстро зонтикъ, отчего лошадь испугалась, понесла, опрокинула дрожки. Бѣдный Тило̀ упалъ и переломилъ себѣ ногу выше колѣна. Въ это же время ѣхалъ въ Инженерное Училище на лекцію и учитель Нѣмецкаго языка Ив. Ив. Вернеръ. Вернеръ, увидя Тило лежащимъ на мостовой, остановился, и съ помощію глазѣющихъ поса-

дилъ его въ коляску и отвезъ на квартиру его въ Горный Корпусъ. Тотчасъ пришли доктора, перевязали больному ногу, и Тило немного уснулъ. На другой день обнаружился сильный жаръ и бредъ, къ вечеру онъ пришелъ въ себя, потребовалъ бумаги и сталъ писать духовное завѣщаніе, но не могъ. Пригласилъ къ себѣ эконома и полицеймейстера Горнаго Корпуса и началъ имъ диктовать завѣщаніе, въ коромъ онъ назначилъ учителю Вернеру 30 т. рублей, потомъ друзьямъ, кому 20 т., кому 15 т., кому 10 т., надѣлилъ и всѣхъ знакомыхъ тысячами, словомъ кто къ нему ни пришелъ-бы, каждому назначалъ сумму денегъ; даже швейцару корпуса и кухаркѣ своей назначилъ по 2 т. рублей; такъ что сумма, назначаемая имъ по духовному завѣщанію, достигла до 560 т. рублей. Всѣ удивились такой суммѣ, никакъ не предполагая, чтобы Тило обладалъ такимъ большимъ капиталомъ. Духовное завѣщаніе засвидѣтельствовали и отдали для храненія казначею корпуса. На третій день ему сдѣлалось хуже, и съ тѣхъ поръ болѣзнь болѣе и болѣе стала увеличиваться; въ ногѣ оказалась гангрена, и на шестой день онъ скончался. Квартиру его послѣ похоронъ запечатали и чрезъ шесть недѣль официальнымъ порядкомъ начали приводить оставшееся его имущество въ извѣстность. Чтоже оказалось? Покойный въ болѣзни и самъ не помнилъ счета своимъ деньгамъ: у него было 700 т. рублей, изъ которыхъ 560 т. выданы лицамъ въ завѣщаніи прописаннымъ, а 140 т. были отданы его женѣ, которая явилась только въ квартиру своего мужа на похороны. Тило былъ очень скупъ, ходилъ всегда въ одномъ, довольно изношенномъ фракѣ, ѣлъ тухлые рябчики, и наконецъ погибъ оттого, что не хотѣлъ потерпѣть 50 р. убытка при продажѣ лошади за 200 р. Этимъ примѣромъ частію и рѣшается вопросъ: Кто умнѣе, тотъ ли, кто богато жилъ и только умеръ бѣдно, или тотъ, кто бѣдно жилъ и умеръ богато?

Въ Іюнѣ 1823 г. скончался инспекторъ всей артиллеріи баронъ Меллеръ-Закомельскій. За недостаткомъ офицеровъ меня нарядили на похороны съ артиллеріею учебной артиллерійской бригады. Похороны были назначены въ Лютеранской церкви Св. Анны, что на Фурштатской улицѣ. Войско пришло въ 4 часа полудня и расположилось фронтомъ противъ церкви. Когда войско установили, дано было знать, что генералъ-фельдцейгмейстеръ Великій Князь Михаилъ Павловичъ прибудетъ къ войску ровно въ 6-ть часовъ, и тогда начнется обрядъ похоронъ. День былъ жаркій, солнце ярко озаряло Петербургъ. Скомандовали войску: «Ружье къ ногѣ, стоять вольно!» Изъ любопытства я пошелъ въ церковь, гдѣ стоялъ гребъ съ покойникомъ, окруженный подушками съ орденами. Вся внутренность церкви была обита чернымъ сукномъ, множество свѣчей были зажжены, но свѣтъ отъ нихъ противъ

солнечнаго свѣта на улицѣ былъ совершенно ничтоженъ. Вошедши въ церковь съ улицы, я отъ темноты почти ничего не видѣлъ, пока глазъ началъ привыкать къ свѣту отъ свѣчъ. Постепенно предметы стали отдѣляться, и наконецъ я могъ различать не только очеркъ людей, но и ихъ лица, цвѣтъ одежды и даже ясно сталъ отличать миловидность одной дамы отъ миловидности другой. Такимъ образомъ, я взглянулъ на хоры полныя дамъ, и мнѣ бросилась въ глаза одна молодая дѣвица прелестной наружности. Съ этой минуты взоръ мой обращенъ былъ только на нее. Дрожь пробѣжала по жиламъ моимъ, и я задумался, при довольно сильномъ біеніи моего сердца. Что дѣлать? подумалъ я. Если уйду къ фронту—пріятное очарованіе мое исчезнетъ. Гдѣ я найду ее? У кого могу узнать, кто она? Что она? Ея фамилію? Мѣсто ея жительства? Судьба толкнула меня сильно, какъ бы ударомъ въ шею, и я почти бѣгомъ выбѣжалъ на улицу, прямо къ командиру и, притворившись больнымъ, отпросился у него отъ фронта. Командиръ, уволивъ меня, передъ взводомъ поставилъ фейерверкера. Я тотчасъ же ушелъ въ церковь; опять слѣпота меня одолѣла, пока глазъ привыкъ къ свѣту церковному. Минутъ пять я не находилъ очаровавшей меня дѣвицы. Наконецъ, взоръ мой отыскалъ ее, и съ той секунды я уже не спускалъ съ нея глазъ. Ровно въ шесть часовъ Великій Князь вошелъ въ церковь. Я спрятался за публикой, чтобъ Его Высочество, лично зная меня, не замѣтилъ, что я во всей формѣ.

Начался обрядъ отпѣванія, а я все не спускалъ глазъ съ поразившей меня личности. Отпѣваніе кончилось. Его Высочество впереди, взявшись за скобку гроба, выносилъ покойника съ генералами окружавшими гробъ. При постепенномъ приближеніи гроба къ двери, близъ которой стоялъ катафалкъ, публика, стоявшая на хорахъ, начала тихо двигаться къ лѣстницѣ ведущей съ хоръ. Я, замѣтивъ цвѣтъ шляпки, которая была надѣта на прелестномъ существѣ, сталъ внизу у самой лѣстницы и смотрѣлъ на сходившую публику. Въ верху на первой еще ступени я усмотрѣлъ ее, и по мѣрѣ приближенія къ самому сходу—сердце мое пріятно билось. Увидѣвъ ее уже близъ себя, очарованіе мое все болѣе и болѣе увеличивалось. Я вышелъ за ней и въ толпѣ публики шедшей по тротуару къ Литейному проспекту слѣдовалъ за ней сзади въ одной сажени разстоянія. Повернули налѣво по Литейной, публика все болѣе и болѣе рѣдѣла, такъ что преслѣдованіе за ней мнѣ дѣлалось яснѣе и яснѣе. На углу Пантелеймоновской улицы Его Высочество, ѣхавшій верхомъ за гробомъ, остановился и пропустилъ мимо себя войско, сопровождавшее покойника. Когда войско прошло мимо Его Высочества, тогда Великій Князь, сойдя съ коня, сѣлъ въ коляску и поѣхалъ по Пантелеймоновской улицѣ къ Цѣпному мосту. Остано-

вившаяся публика противъ Великаго Князя, пропускавшаго мимо себя войско, двинулась кто впередъ, кто назадъ и кто куда. Предметъ же мой въ сопровожденіи одной полной дамы продолжалъ путь по Литейной, а я, чтобъ не было замѣтно мое за ними слѣдованіе, отсталъ уже на три сажени, продолжая путь мой до дома, въ который онѣ взойдутъ Къ счастью моему, я увидѣлъ, что обѣ дамы вошли въ подъѣздъ дома Азанчевскаго. Я, ускоривъ ходъ, вошелъ въ подъѣздъ того же дома и увидѣлъ уже ихъ поднимающихся на второй поворотъ лѣстницы, на площадкѣ которой была дверь, куда онѣ вошли. Я остановился на той площадкѣ и не рѣшился тотчасъ войти въ ту дверь, а выждавъ пока эти дамы сняли съ себя бурнусы и вошли изъ передней въ комнаты, что̀ продолжалось около двухъ минутъ, отворилъ дверь и спросилъ у человѣка: «здѣсь ли живетъ полковникъ Чемезовъ?» фамилію какъ-то бросившуюся въ то время въ мою голову. Человѣкъ отвѣтилъ: «никакъ нѣтъ» «Кто же здѣсь живетъ?» спросилъ я. Онъ сказалъ, что здѣсь живетъ маіоръ Принцъ, служащій въ департаментѣ путей сообщенія. Я тотчасъ вышелъ и въ размышленіяхъ отправился домой въ Артиллерійское Училище, гдѣ имѣлъ казенную квартиру и жилъ вмѣстѣ съ товарищемъ Ѳ. Д. Петерсономъ. Разсказавъ ему о пораженіи моего сердца, мы стали придумывать, какъ съ нею познакомиться, какъ приступить къ сватовству и проч. и проч. Выслушавъ всѣ предложенія и совѣты товарища, я сказалъ ему: «Нѣтъ, любезный! Это все долго, надо спѣшить, время драгоцѣнно, тратить его не должно. Потерять врем значитъ потерять все, какъ сказалъ Наполеонъ 1-й, и потому завтра же утромъ я отправлюсь къ маіору Принцу и съ нимъ познакомлюсь, а теперь ляжемъ спать. Утро вечера мудренѣе!» Товарищъ мой былъ человѣкъ прозаическій; во все время нашего спора онъ былъ противъ женитьбы и потому своимъ совѣтомъ откладывалъ сватовство на дальній срокъ. Я совершенно былъ съ нимъ несогласенъ. Тогда мой ледяной товарищъ, для бо̀льшаго меня разочарованія, вытащилъ извѣстную сатиру Буало о женщинахъ. Я лежа, въ постели закурилъ трубку, а онъ послѣ многихъ моихъ описаній счастливаго супружества сѣлъ возлѣ меня и началъ читать...

На другой день, въ 9 часовъ утра, я одѣлся въ мундиръ, надушился, надѣлъ свой бриліантовый перстень и отправился на Литейную въ домъ Азанчевскаго, въ квартиру маіора Принца. Вошедъ въ переднюю, я спросилъ человѣка, который чистилъ тамъ сапоги: «дома г-нъ Принцъ?» Онъ отвѣтилъ: дома. Поди, доложи, что пришелъ офицеръ. Онъ, оставя сапогъ съ колодкой на ларѣ, пошелъ къ барину, который сказалъ, что принять меня не можетъ, потому что не одѣтъ. Тогда я сказалъ его камердинеру: «скажи г-ну маіору, что я прошу его при-

нять меня въ сюртукѣ». Вѣроятно г. Принцъ самъ заинтересовался узнать, въ чемъ дѣло и приказалъ просить меня въ кабинетъ. Я тотчасъ же вошелъ къ нему, и только что отрекомендовался, въ кабинетъ вошла его жена, молодая красивая, быстрая и, кажется, очень веселая. Я сконфузился и не зналъ какъ начать разсказъ о причинѣ, которая побудила меня придти къ Принцу. Я и краснѣлъ, и блѣднѣлъ, и дрожалъ, и заминался, начиналъ говорить о погодѣ, тотчасъ переходилъ къ другому предмету, такъ что они могли счесть меня за помѣшаннаго; но въ это время принесли имъ кофе, и милая хозяйка приказала чашку кофе принести мнѣ; какъ только она отдала это приказаніе, г. Принцъ предложилъ мнѣ свою чашку съ кофеемъ, я отказывался, но онъ сказалъ: «мнѣ тотчасъ принесутъ». Медленно я началъ пить кофе, и къ моему счастію хозяйка спросила у меня: «какой это у васъ мундиръ?» Я отвѣтилъ, артиллерійскій, и съ этимъ отвѣтомъ робость моя какъ бы пропала. И мнѣ вдругъ пришла мысль: не подруга ли хозяйки та дѣвица, которая вчера вечеромъ была у нея съ какой-то дамой? Съ этой мыслью я, какъ бы охрабрившись, началъ съ нимъ разговоръ такъ: «Нѣтъ сомнѣнія, что вамъ любопытна причина столь ранняго моего визита. Но если вы узнаете, то не осудите меня. Я ищу счастья!» Разсказавъ имъ про вчерашніе похороны, коснулся я того, какъ поразила меня та дѣвица, въ которую такъ внезапно я влюбился, и какъ неуклонно мое желаніе узнать кто она? Какъ ея фамилія? И гдѣ она живетъ? Судьба, чтобъ исполнить мое желаніе, указала на васъ, потому что я преслѣдовалъ эту дѣвицу». М-me Принцъ не дала мнѣ продолжать и съ весьма привѣтливой улыбкой, быстро и неожиданно, сказала мнѣ: «А! знаю, знаю, это m-lle Бриммеръ съ матерью, онѣ живутъ въ Екатерининскомъ Институтѣ, такъ какъ мать ея тамъ инспектрисой». А г-нъ Принцъ прибавилъ: «она вдова, мужъ ея былъ артиллерійскій ген.-маіоръ и лѣтъ девять какъ умеръ.»

Я искренно поблагодарилъ ихъ за удовлетвореніе моего любопытства и продолжалъ мой разсказъ такъ: «Я служу въ Артиллерійскомъ Училищѣ, въ одномъ изъ высшихъ военно-учебныхъ заведеній, преподаю тамъ математикѣ и исполняю должность дежурнаго офицера, куда неблагонадежнаго офицера не возмутъ. Это мой аттестатъ. Это моя рекомендація. Обо мнѣ справиться легко, меня тамъ хорошо всѣ знаютъ. Я пришелъ къ вамъ, съ благонамѣренною цѣлію, убѣдительно просить васъ познакомить меня съ г-жею Бриммеръ, такъ какъ я намѣреваюсь сдѣлать предложеніе ея дочери и просить ея руки. Вѣрьте истинѣ моихъ словъ. Я человѣкъ благородный».

Только что я окончилъ послѣднее слово «благородный», супруга Принца, какъ бы съ радостію, быстро и скоро сказала мнѣ: «Приходите

къ намъ въ Четвергъ обѣдать. Онѣ тоже будутъ». Я не вытерпѣлъ, мгновенно поцѣловалъ ей ручку и сказалъ: «въ два часа я познакомился съ вами какъ съ родными, и увѣряю васъ, что съ тѣхъ поръ, какъ я увидѣлъ m-lle Бримеръ, я забылъ математику, вмѣсто которой, изъ головы моей не выходятъ стихи поэта Жуковскаго.» Я очень люблю стихи, сказала m-me Принцъ, пожалуйста прочтите ихъ мнѣ. Одушевленный я началъ:

Въ пустынѣ, въ шумѣ городскомъ
Одной тебѣ внимать мечтаю!
Твой образъ, забываясь сномъ,
Съ послѣдней мыслію сливаю!
Пріятный звукъ твоихъ рѣчей
Со мной во снѣ не разстается,
Проснусь, и ты въ душѣ моей
Скорѣй чѣмъ свѣтъ очамъ коснется

«Вотъ какъ вы влюблены! Пожалуйста напишите эти стихи мнѣ!» Съ поспѣшностью она взяла съ письменнаго стола мужа карандашъ и бумагу и подала мнѣ. Я ихъ написалъ, подалъ. Луиза Андреевна очень меня поблагодарила, и я совершенно ободрился. Простившись, милая хозяйка проводила меня до дверей, говоря: «не забудьте же, въ Четвергъ, въ Четвергъ!» А визитъ мой былъ во Вторникъ. Я вышелъ на улицу въ такомъ радостномъ положеніи, что шелъ, какъ бы во мнѣ не было никакого вѣса. Торопился къ 12-ти часамъ въ Училище, такъ какъ въ это время назначено было юнкерамъ ученье. На ученьѣ я былъ такой веселый, такой добрый, что ни одного замѣчанія юнкерамъ не сдѣлалъ.

Время со Вторника до Четверга, казалось мнѣ годомъ. На лекціяхъ былъ разсѣянъ. Товарищъ мой безпрестанно спрашивалъ меня: «что съ тобою дѣлается?» и удивлялся, какъ я могъ перемѣниться въ два дня. Онъ догадывался и подсмѣивался надо мною, но я старался затемнять его подозрѣніе и почти безпрерывно уходилъ изъ квартиры. Наконецъ насталъ Четвергъ. Къ тремъ часамъ полудня я одѣлся самымъ тщательнымъ образомъ и пошелъ къ парикмахеру, гдѣ завился, надушился, оправился и франтомъ явился къ г-ну Принцу. Мадамъ Бриммеръ съ дочерью были уже тамъ. Представьте, читатель, я въ одной комнатѣ съ милѣйшей красавицей! Представьте ту минуту, когда m-me Принцъ представила меня своимъ дамамъ! Я покраснѣлъ отъ волненія и робко вступилъ въ разговоръ. Веселая хозяйка, обратившись къ намъ, предложила идти кушать. Меня посадили противъ m-lle Бриммеръ. Ширина стола была не болѣе одного аршина, и потому мнѣ очень удобно было оказывать всѣ угожденія своему vis-à-vis. Я наливалъ ей въ стаканъ воды, говорилъ ей комплименты, распрашивалъ о жизни ея въ Инсти-

тутѣ, и къ концу обѣда разговоръ сдѣлался оживленный, общій, тѣмъ болѣе что г-нъ Принцъ подпускалъ насчетъ меня очень тонкія шутки, но весьма деликатныя. М-me Принцъ спрашивала меня, сколько мнѣ лѣтъ, и даже сдѣлала замѣчаніе: «пора уже вамъ жениться!» Я покраснѣлъ и еле-еле отвѣтилъ, что это все зависитъ отъ судьбы. Взглянувъ на дочь Бриммеровой, она потупила глаза внизъ. Обѣдъ скоро кончился, и мы встали. Всѣ разошлись по разнымъ комнатамъ, а я какъ-то остался въ обѣденной комнатѣ вмѣстѣ съ m-me Бриммеръ. Въ самой этотъ моментъ мнѣ пришла въ голову одинадцатая заповѣдь: «не зѣвай!» И я тотчасъ подошелъ къ ней, и тотчасъ вступилъ въ разговоръ съ нею. Мы сѣли на диванъ, разговоръ нашъ оживлялся болѣе и болѣе, какъ вдругъ я ей сказалъ: «мнѣ очень нравится дочь ваша, и я совершенно былъ бы счастливъ, еслибы вы были моею матерью и дозволили бы мнѣ просить ея руки!?» Представьте, читатели! Она отвѣтила мнѣ: «Моя Минхенъ уже невѣста и обручена». Я вскочилъ съ дивана, хлопнулъ руками и началъ разспрашивать, кто этотъ счастливецъ, которому будетъ принадлежать дочь ваша? Она отвѣтила, что онъ за границей.—Давно ли она обручена?—Мѣсяцевъ уже пять.—Когда же будетъ свадьба?—Не знаю, вѣроятно когда онъ пріѣдетъ изъ за границы.—Пишетъ ли онъ письма?—Мѣсяца три тому, какъ мы получили отъ него одно письмо.—Какъ это можетъ быть? Значитъ онъ ея не любитъ? Позвольте васъ просить, продолжаю я, позвать вашу дочь, чтобъ намъ втроемъ рѣшить этотъ вопросъ?—Какъ это можно? отвѣтила она. Женихъ ея, негоціантъ Гоппе, человѣкъ очень богатый,

— При этомъ словѣ я ей сказалъ: Я видалъ, какъ горьки слезы черезъ золото текутъ! Напрасно вы берете на себя рѣшать судьбу вашей дочери. Неужели вы думаете, что дочь ваша не волнуется тѣмъ, что женихъ не пишетъ ей три мѣсяца? Онъ можетъ не писать еще три мѣсяца, годъ и такъ далѣе! Цѣлую ея ручку, прошу вторично призвать къ себѣ дочь, прибавляя къ моей просьбѣ: Если дочь ваша, узнавъ въ чемъ дѣло, скажетъ нѣтъ, то я успокоюсь, а вы передъ Богомъ и передъ дочерью будете правы». Послѣ этихъ словъ моихъ m-me Бриммеръ громко сказала: «Минхенъ, Минхенъ!» И за этимъ вызовомъ Минхенъ вошла, и мать съ дочерью начали говорить по-нѣмецки. При входѣ Минхенъ, я всталъ и предложилъ ей свое мѣсто возлѣ матери; но она моего продолженія не приняла, и мы оба стояли. Говорила одна мать; Минхенъ молчала, покраснѣла, долго, долго не отвѣчала держа въ рукахъ носовой платокъ, кончикъ котораго другой рукой щипала. Наконецъ, о Боже, Минхенъ сказала восхитительное для меня: «да». Тотчасъ я бросился къ ней и поцѣловалъ ея ручку. Въ это время она уподобилась розану только что распустившемуся. Г-нъ Принцъ съ же-

ною вошли къ намъ и застали насъ въ радостныхъ слезахъ и меня цѣлующаго ручку матери. Дѣло тотчасъ же разъяснилось, и Принцъ закричалъ человѣку: «Подай Шампанскаго!» Я снялъ съ пальца Миночки (сокращенное имя Вильгельмины) обручальное кольцо и отдалъ его матери, прося, чтобы завтра же это кольцо она отправила къ бывшему жениху.

Я воскресъ, я успокоился, я очаровался, радость моя какъ бы выскакивала изъ души моей, и въ это время я чувствовалъ какъ бы разлитіе на меня всей благодати Господней! Несчетно цѣловалъ ея ручки и испытывалъ благополучіе, которое въ жизни такъ сильно въ первый разъ меня обласкало.

По окончаніи этой сцены, я предложилъ всѣмъ намъ ѣхать гулять на дачу Дурново. Быстро побѣжалъ я на улицу, нанялъ двѣ коляски, купивъ въ кондитерской Молинари конфектъ, чрезъ полчаса возвратился къ Принцу. Вторично подали Шампанское вино. Я отъ сильнаго чувства благодарности къ хозяевамъ, крѣпко поцѣловалъ ручку m-me Принцъ, а его чуть не задушилъ въ моихъ объятіяхъ. Послѣ сего мы отправились на дачу. Разумѣется, я сѣлъ въ коляску возлѣ Миночки, съ m-me Принцъ; а мать ея съ г-мъ Принцомъ и съ дѣтьми помѣстились въ другой колескѣ.

Во время гулянья при безпрерывныхъ моихъ благодарностяхъ приносимыхъ мною супругѣ г. Принца, она сказала мнѣ при Миночкѣ: «Не столько благодарите меня, сколько вы обязаны судьбѣ и стеченію обстоятельствъ, по которымъ Минхенъ, моя подруга, обязана была дать слово г-ну Гоппе. Maman упросила ее выдти замужъ за Гоппе, потому что Гоппе богатъ, но Минхенъ его не любила и всегда говорила мнѣ: «Какой онъ противный!» Дѣйствительно судьба моя подоспѣла кстати. Въ 10 уже часовъ вечера, мы поѣхали обратно, и я довезъ мать и дочь до Екатерининскаго Института, высадилъ ихъ у крыльца, поцѣловавъ имъ ручки, и сказавъ до завтра отправился въ той же колескѣ въ Училище.

Каждый день я подъѣзжалъ въ колескѣ къ Екатерининскому Институту, не смѣя входить въ комнаты, гдѣ жила мать моей невѣсты, какъ бы въ женскій строгій монастырь. Я увлекалъ мать съ дочерью ѣхать со мной кататься на одну изъ какихъ либо дачъ. Наконецъ, чрезъ начальницу института, съ доклада Ея Императорскому Величеству Маріи Ѳеодоровнѣ, мнѣ довозлено было отъ 6-ти до 8-ми часовъ вечера ходить къ инспектрисѣ Бриммеръ, съ которой дочь ея Минхенъ жила вмѣстѣ, какъ уже окончившая институтскій курсъ. Разрѣшенію этому я былъ очень доволенъ, такъ какъ нанимать всякій день коляску было для меня довольно дорого. Въ концѣ Іюня 1823 г. я акуратно

каждый день въ 6-ть часовъ являлся въ Институтъ. Воспитывающіяся тамъ дѣвицы разумѣется скоро узнали, что я женихъ Минхенъ, и потому мнѣ было конфузно проходить чрезъ длинный широкій корридоръ, въ которомъ гуляли дѣвицы, а онѣ, только что завидѣвъ меня, тотчасъ кричали: «Минхенъ! Минхенъ! Женихъ пришелъ!» При этомъ онѣ бѣгали, суетились, и пока я шелъ, изъ любопытства обгоняли меня, останавливались и смотрѣли мнѣ въ лицо какъ бы на какое чудо или на какое нибудь происшествіе случившееся. Среди сотни дѣвицъ появился военный, молодой мужчина 24-хъ лѣтъ: дѣйствительно происшествіе для нихъ! Я пріѣхалъ въ Институтъ съ моею матерью, чтобы познакомить ее съ невѣстой. Старушка мать моя, увидѣвъ Минхенъ, отъ радости заплакала, и на возвратномъ пути, сидя со мною въ колескѣ, удивлялась, какъ она выходитъ замужъ за меня, за бѣднаго офицера, при такой ея красотѣ и при такомъ блестящемъ воспитаніи! Я, всегда веселый, любитель поэзіи, отвѣчалъ:

Не въ одномъ богатствѣ счастье.
Развѣ въ хижинахъ ненастье,
А въ чертогахъ красный день?
Нѣтъ—вездѣ и свѣтъ и тѣнь!

Минхенъ также не имѣла никакого состоянія, и мы сошлись съ ней какъ бы два Христа-ради! Деньги тому только нужны, кто ихъ не стоитъ, сказалъ Наполеонъ I-й.

Я, какъ лютеранинъ, просилъ пастора Фольборга церкви Св. Петра, что̀ на Невскомъ проспектѣ, сдѣлать троекратный въ церкви окликъ о вступленіи моемъ въ бракъ съ дочерью умершаго артиллеріи ген.-маіора Бриммера Вильгельминою. Представьте, читатель, послѣ перваго оклика, къ пастору Фольборгу явился прежній женихъ Миночкинъ, негоціантъ Гоппе, и объявилъ протестъ въ томъ, что съ этой дѣвицей онъ обрученъ, и что свадьба моя состояться не можетъ. Что̀ тутъ дѣлать? Вести процессъ—значитъ отложить свадьбу на неопредѣленное время! Я успокоился, вспомнивъ стихи:

Не разсуждай, не хлопочи.
Безумство ищетъ, глупость судитъ!
Дневныя раны сномъ лечи,
А завтра быть тому что̀ будетъ.
Живя умѣй все пережить,
Несчастье, радость и тревогу—
Чего желать? О чемъ тужить?
День перемчитъ, и слава Богу! *)

Дѣйствительно, на другой день какъ я узналъ о протестѣ со стороны Гоппе, я по обыкновенію пріѣхалъ въ Екатерининскій Институтъ

*) Это стихи Тютчева. Неужели они написаны въ Августѣ 1823 года? П. Б.

къ невѣстѣ, и тамъ засталъ подполковника Альбедиля, который командовалъ артиллерійскою ротою, расположенною въ лагеряхъ за Охтинскимъ военнымъ поселеніемъ. Альбедиль былъ родной братъ матери моей невѣсты. Человѣкъ онъ веселый, бойкій и съ большимъ характеромъ. Онъ вскочилъ и сказалъ: «Ахъ проклятый! Я его проучу»! Поѣхалъ онъ къ Гоппе, познакомился съ нимъ такъ, какъ бы подружился. Альбедиль обѣщалъ ему показать пороховой Охтенскій заводъ и въ заключеніе сказалъ: «пріѣзжайте завтра ко мнѣ обѣдать, и я пришлю за вами экипажъ». На другой день, 13-го Августа, Гоппе пріѣхалъ въ лагерь, нисколько не подозрѣвая политики Альбедиля, которая была извѣстна только мнѣ. Чтобъ имѣть успѣхъ затѣяннаго дѣла, я, по данному Альбедилемъ мнѣ наставленію, 12-го Августа поѣхалъ на Петербургскую сторону во 2-й кадетскій корпусъ къ пастору Цахарту, прося его окликнуть меня въ кадетской лютеранской церкви, и вмѣстѣ просилъ его 16-го Августа въ этой же церкви обвѣнчать меня. Пасторъ Цахартъ согласился, а я тотчасъ же о томъ написалъ Альбедилю для его соображеній.

Настало счастливое для меня число 16-ое Августа! Перенесено было ко мнѣ на квартиру убогое приданое моей невѣсты, состоявшее изъ маленькаго комода березоваго дерева, на которомъ было поставлено зеркальцо въ полъ-аршина, исполняющее должность трюмо. Вотъ и все, въ чемъ состояло богатство несравненной моей Миночки. Диванъ, шесть стульевъ и кровать я передъ свадьбой купилъ.

Желаете знать, что̀ сдѣлалось съ г. Гоппе? Жизнь его кончилась трагически. Три дня, пока я былъ обвѣнчанъ, онъ находился подъ дружескимъ арестомъ у Альбедиля, который подъ разными предлогами находился у него въ лагерѣ и отпущенъ имъ 17-го Августа, на другой день послѣ моей свадьбы, и только черезъ три дня онъ узналъ, что Минхенъ уже обвѣнчана. Это такъ его поразило, что онъ пришелъ домой въ гостиницу, въ которой по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ остановился, легъ на диванъ и.... зарѣзался!

Ровно черезъ 9-ть мѣсяцевъ родился у насъ сынъ Владимиръ. Средства къ жизни нашей быстро стали увеличиваться отъ пансіонеровъ, которыхъ я бралъ для приготовленія къ экзамену въ Артиллерійское Училище. Мнѣ дали казенную квартиру, и я трудился много, въ занятіяхъ какъ по службѣ, такъ и по преподаванію математическихъ наукъ.

Въ 1824 г. на лѣто я переѣхалъ съ женою и ребенкомъ въ Петергофъ, въ мѣсто моей родины, гдѣ познакомилъ жену мою съ тою старушкой, которая мнѣ, пятилѣтнему, пришивала пуговку и которой тогда я далъ слово на ней жениться. Много я собиралъ историческихъ

свѣдѣній о Петергофѣ, но всѣ эти свѣдѣнія въ продолженіе почти пятидесяти лѣтъ растерялись. Но, какъ дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ, то я прошу читателей полюбопытствовать и прочесть хотя краткія свѣдѣнія, которыя я собралъ изъ разныхъ книгъ и описаній о Петергофѣ, а особенно изъ прекраснаго описанія его г. А. Гейрота.

Петергофъ основанъ Петромъ I-мъ, и за основаніе его постройки можно назначить время постройки «Монплезира» въ 1711 г. Нѣкоторые писатели за основаніе Петергофа принимаютъ 1709 г., а нѣкоторые 1715 г. Въ журналѣ Петра 1-го сказано: «домъ заложить каменный и подвести каналъ отъ него къ морю». Такъ положено основаніе главному нагорному дворцу въ Петергофѣ. Большой дворецъ въ 1746 г. при Елисаветѣ Петровнѣ совершенно былъ перестроенъ по проекту гр. Растрелли. Въ 1781 г. построенъ Англійскій дворецъ, при которомъ существуетъ и донынѣ одна бесѣдка «Березовый домикъ». Бесѣдка эта замѣчательна особою установкою зеркалъ, отражающихъ безконечную перспективу. Въ ней можно видѣть коллекцію карикатуръ Бретерсона и Бюнбури. Сады насаживались деревьями и кустами, привозимыми изъ дальнихъ мѣстъ: липовыя деревья куплены въ Амстердамѣ, 40000 ильмовыхъ деревъ и кленовъ привезены изъ Московской губерніи, до 6000 буковыхъ деревъ доставлены изъ Ростова, грабина подвозилась изъ Великихъ Лукъ, яблони—изъ Швеціи, ветла, барбарисъ и розовые кусты изъ Данцига и Ревеля. Каскады и фонтаны въ Петергофѣ, какъ значится въ Дневникѣ Бергхольца, въ первый разъ одною половиною, были открыты 13-го Іюня 1721 г. Въ журналѣ же Петра 1-го сказано: «Въ 8-й день 1721 г. Его Величество и Государыня Императрица изволили быть въ Петергофѣ; того же дня репортовали, что каналъ отъ р. Каваши, мимо Ропшинской мызы, уже выкопанъ на 20 верстъ, которой работѣ натура такъ послужила, что оная копальная работа отдѣлана вся въ 8 недѣль; а работныхъ людей было отъ 900 до 2000 человѣкъ». Получивъ это извѣщеніе, Петръ В. вмѣстѣ съ Царицею, герцогомъ Гольштинскимъ и многими сановниками тотчасъ же отправился къ Ропшинской мызѣ, и Государь собственноручно, заступомъ, открылъ теченіе воды изъ р. Каваши въ оконченный водопроводъ. Вода дошла до Петергофа къ слѣдующему утру къ 6-ти часамъ, и тогда же пущены всѣ фонтаны и каскадъ. Замѣчателенъ по обилію и силѣ бьющей вверхъ воды фонтанъ Самсонъ. Онъ выбрасываетъ воду на вышину 70 футъ и по положительнымъ удостовѣреніямъ поставленъ въ 1735 г. Главное убранство Монплезира заключается во множествѣ прекрасныхъ картинъ Голландской школы. Петръ В., пріѣзжая въ Петергофъ, обыкновенно ночевалъ въ Монплезирѣ. Прогулки въ Петергофскихъ садахъ и осмотръ дворцовъ

не иначе допускались, какъ съ разрѣшенія самого Государя. Въ 1724 г. для гостей приглашаемыхъ въ Монплезиръ Петромъ В. собственноручно написаны правила, подъ названіемъ пунктовъ, которыя и до сихъ поръ сохраняются подъ стекломъ въ Петергофскомъ дворцовомъ правленіи.

При Петрѣ Петергофъ имѣлъ значеніе уединеннаго лѣтняго мѣстопребыванія Государя и не могъ быть мѣстомъ многолюдныхъ празднествъ и народныхъ гуляній, которыя впослѣдствіи столько удивляли современниковъ своею пышностію и многолюдствомъ стекавшейся публики. Въ царствованіе Анны Іоанновны сдѣланы бассейнъ на горѣ противъ Мàрлинскаго каскада, два фонтана, гдѣ Самсонъ; 22 фонтана вдоль Гаванскаго канала; вновь устроена, вмѣсто сгорѣвшей, шлифовальная мельница; противъ Монплезира построенъ Драконовъ каскадъ и при немъ внизу два Римскихъ фонтана. При Елисаветѣ Петровнѣ въ зданіи манежа устроенъ театръ. Съ передѣлкою большого дворца, въ правомъ флигелѣ построена каменная церковь во имя Св-хъ Апостоловъ Петра и Павла. На лѣвомъ флигелѣ дворца поставленъ мѣдный вызолоченный трехглавый орелъ по модели Жирардона, отлитый мастеромъ Киршманомъ. Вода къ Самсону проведена вмѣсто деревянныхъ трубъ по чугуннымъ трубамъ. Въ разныхъ мѣстахъ строились павильоны. Въ 1760 г. Елисавета Петровна приказала при Монплезирѣ сдѣлать кухню на Голландскій манеръ. Въ этой кухнѣ Государыня иногда для забавы собственноручно готовила для себя кушанье *). Забытый и запущенный въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II-й Петергофъ оживился со вступленіемъ на престолъ Павла Петровича. Онъ украсилъ его новыми памятниками искусствъ. Въ 1799 г., противъ главнаго дворца, на малыхъ террасахъ, устроены фонтаны съ каскадами, по сторонамъ большого грота сдѣланы четыре сходныя лѣстницы со ступенями и кордономъ изъ дикаго камня. Въ верхнемъ саду устроенъ каскадъ съ 8-ю фонтанами; каскадъ этотъ съ поставкою двухъ бронзовыхъ львовъ названъ Львинымъ. Передъ верхнимъ дворцомъ поставленъ балюстрадъ вмѣсто деревяннаго мраморный. Пирамидный фонтанъ отдѣланъ мраморомъ. Построена каменная стѣна, отдѣляющая нижній садъ отъ бывшаго звѣринца (нынѣ Александрія). Построены двѣ каменныя свѣтлицы, взамѣнъ деревянныхъ или заѣзжаго дома Петра Великаго. Куплены дачи гр. Салтыкова и княг. Путятиной. Послѣднюю дачу Павелъ Петровичъ подарилъ Маріи Ѳедоровнѣ, которая въ 1804 г. повелѣла всѣ доходы съ этой дачи обратить въ пользу бѣдныхъ.

Съ 1801 по 1825 гг. Петергофъ очень мало измѣнился. Въ 1801 г., въ Ноябрѣ мѣсяцѣ, были страшная буря и наводненіе, отъ которыхъ

*) Вѣдь мать ея самолично готовила кушанье еще у пастора Глюка. П. Б.

послѣдовало опустошеніе въ нижнемъ саду: балюстрада и мраморная площадка предъ Монплезиромъ, а также гавань, сильно были повреждены. Затѣмъ предъ дворцомъ въ нижнемъ саду, построены двѣ колоннады съ колоннами изъ сѣраго мрамора и съ куполами надъ боковыми павильонами. Художникомъ Мартосомъ отлиты статуи: Фавнъ (Сансовино), Психея (Кановы), Фавнъ съ козленкомъ и Аполлино.

При Николаѣ Павловичѣ для Петергофа насталъ цвѣтущій періодъ. На пустынной мѣстности бывшаго звѣринца возведены въ Александріи постройки, по окончаніи которыхъ въ 1832 г. императоръ въ лѣтнее время постоянно проживалъ въ Петергофѣ. Въ числѣ многихъ капитальныхъ построекъ возведенъ и соборъ Св-хъ Апостоловъ Петра и Павла. Въ теченіе лагерныхъ занятій воспитанники военно-учебныхъ заведеній располагались въ Петергофѣ въ палаткахъ, между верхнимъ и Англійскимъ садами.

Попечительность Николая Павловича о воспитаніи юношей была выше всѣхъ родительскихъ попеченій. Въ 1835 г. отрядъ воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній вступалъ въ Петергофъ церемоніальнымъ маршемъ, мимо дворца въ Александріи, на балконѣ котораго находилась императорская фамилія. Въ это время пошелъ проливной крупный продолжительный дождь, который промочилъ воспитанниковъ, какъ говорится, до костей. Вступивъ въ лагерь, въ сырыя палатки, дѣти поужинали и легли спать. Въ этотъ день я былъ дежурнымъ. Въ 11-мъ часу вечера въ лагерь изволилъ пріѣхать Николай Павловичъ. Онъ ходилъ по палаткамъ и, нагибаясь, собственными руками ощупывалъ ноги дѣтей, дабы судить о степени сырости ихъ постигшей.

Нынѣ благополучно царствующій Императоръ, въ юныхъ своихъ годахъ, при вступленіи въ Петергофскій лагерь, находился въ рядахъ 1-го кадетскаго корпуса. Всѣ труды лагерной службы его высочество раздѣлялъ съ воспитанниками, проводилъ съ ними ночи подъ открытымъ небомъ, почивая на соломѣ. Одинъ изъ бывшихъ воспитанниковъ старыхъ временъ очень удачно сравнивалъ вѣкъ нынѣшній, начиная съ царствованія императора Николая Павловича, съ прошедшими временами, касательно воспитанія кадетъ:

Былъ вѣкъ, довольно дальной,
Когда нашъ корпусъ, какъ острогъ,
Въ травѣ забвенія заглохъ
И гибнулъ жертвою печальной,
Какъ гибнутъ юные ростки
Безъ попечительной руки.
Ихъ гложетъ червь, зной иссушаетъ,
Суровый холодъ убиваетъ....
Припомнимъ-ка всѣхъ молодцовъ,

Такъ названныхъ вторыхъ отцовъ,
Какъ къ намъ они бывали строги!
Начальникъ былъ всегда съ грозой,
Онъ выходъ изъ своей берлоги
Торжествовалъ всегда лозой,
И ежедневно разнымъ родомъ
Дрался и сѣкъ передъ разводомъ
Дѣтей одиннадцати лѣтъ!...
За то и дѣти были чудо!
Не видно прежнихъ и слѣдовъ.
Не тотъ ужъ вѣкъ, не тѣ и нравы!
Разсадникъ доблестныхъ мужей
Ужъ больше не тюрьма дѣтей,
Но сѣнь, гдѣ въ воздухѣ забавы
Цвѣтутъ науки, зрѣютъ нравы;
Гдѣ, подъ вліяніемъ щедрот,
На юношей царемъ излитыхъ,
Надежда Россіянъ растетъ,
Откуда мать Россіи ждетъ
Сыновъ, героевъ знаменитыхъ.
Теперь, кто видѣлъ васъ въ тотъ мигъ,
Восторгъ всеобщій, видъ чудесный!
Когда полкъ юношей прелестный
И царскій сынъ въ срединѣ ихъ—
Идетъ при барабанномъ боѣ,
Вооруженный, въ ратномъ строѣ,
Въ шатрахъ дни лѣтніе провесть,
Извѣдать нужды жизни бранной,
И совершивъ походъ желанной,
Воинскій опытъ пріобрѣсть!
Кто видѣлъ васъ въ мгновенье это,
Съ благоговѣньемъ говорю:
Въ комъ сердце не было согрѣто
Любовью пламенной къ царю?
Такъ! Много перемѣнъ большихъ.
Теперь кадеты ужъ не жалки,
Пріятно и смотрѣть на нихъ:
Сперва они боялись палки,
Теперь боятся словъ однихъ.
Любого выхвати изъ ряда—
Онъ вѣрно вылетитъ огнемъ,
Станъ, выправка, покрой наряда,
Являютъ благородство въ немъ;
И киверъ, и ружье, и ранецъ
Ему легки. Онъ свѣжъ лицомъ,
Въ глазахъ душа, въ щекахъ румянецъ,
Онъ милъ, и смотритъ молодцомъ!
Конечно, съ множествомъ народа,

На общій вкусъ не угодимъ;
Мы сами часто говоримъ:
„Какъ быть! Въ семьѣ не безъ урода!“
Всегда затѣйница-природа
Подшутитъ больше надъ однимъ.
Какъ быть! На свѣтѣ все превратно,
Въ задатокъ можно брать годы,
А ужъ отдать нельзя обратно,
Чтобъ быть моложе иногда.

*

Средства мои годъ отъ году увеличивались, такъ что я отъ трудовъ своихъ получалъ до 15 т. ассигнаціями. На ежедневное преподаваніе математики, болѣе восьми часовъ въ день, то въ Училищѣ, то дома, приготовляемымъ мною къ экзамену пансіонерамъ меня очень изнурило. По совѣту докторовъ, я долженъ былъ отдохнуть и подалъ рапортъ, въ которомъ просилъ перевесть меня въ 6-ю артиллерійскую бригаду, расположенную въ Тамбовской губерніи, дабы тамъ пользоваться Липецкими водами. Переводъ состоялся, и я въ Мартѣ мѣсяцѣ 1825 г. отправился въ Козловъ.

По пріѣздѣ нашемъ мы остановились въ гостинницѣ. Я тотчасъ одѣлся во всю форму и отправился къ бригадному командиру являться. О артиллерія! О прекрасная артиллерія! Бригадный командиръ принялъ меня обходительно. Пріѣздъ изъ Петербурга молодого женатаго человѣка, въ уѣздномъ городѣ составляетъ происшествіе. Любопытство жителей видѣть новыя личности, а особенно любопытство дамъ видѣть Петербургскіе наряды и моды, едва ли больше, чѣмъ бы видѣть Патти и слышать ея голосъ въ первый день концерта. Къ вечеру весь Козловъ уже узналъ о нашемъ пріѣздѣ и о той миловидности, которою обладала моя жена.

Городничій такъ былъ къ намъ внимателенъ, что нашелъ намъ довольно удобную квартиру въ одноэтажномъ деревянномъ домѣ. Супруга городничаго прислала женѣ моей горничную, такъ какъ у насъ была одна только нянька, которую мы привезли изъ Петербурга, да еще деньщикъ, опредѣленный ко мнѣ еще на Кавказѣ. Ежедневно или мы въ гостяхъ, или у насъ гости. Такъ прошло три мѣсяца. Въ день Косьмы и Демьяна, въ 11-ть часовъ вечера, мы легли спать. Чрезъ полчаса я слышу легкій стукъ въ ставню, прислушиваюсь, стукъ повторяется и еще повторяется. Прошло еще минутъ десять, стукъ въ ставню не перестаетъ; я всталъ и только что подошелъ къ двери, чтобъ выдти на улицу, слышу страшный крикъ: «караулъ, караулъ!» Выйдя на дворъ, вижу, что мой деньщикъ съ ночевавшимъ у меня солдатомъ колотятъ по спинѣ какого-то мазурика. Я спрашиваю: «за

что вы его бьете?» «А вотъ, отвѣчаетъ деньщикъ, чтобъ онъ не стучалъ въ ночное время въ ставню». «Кто ты такой?» спросилъ я его. «Помощникъ казначея», отвѣтилъ побитый. «Зачѣмъ вы стучали въ ставню?» Молчитъ. Тогда мой деньщикъ сказалъ мнѣ: «да онъ, ваше благородіе, вызывалъ горничную Машу, а когда она вышла къ нему, мы подмѣтили, схватили его, а Маша убѣжала!» Я приказалъ этого господина отвести въ полицію. Чрезъ десять минутъ деньщикъ и солдатъ возвратились и доложили мнѣ, что арестанта у нихъ отбили. «Какимъ образомъ?» спросилъ я. Деньщикъ отвѣтилъ, что когда они шли мимо квартиры, то арестантъ сталъ кричать; гости, бывшіе у казначея па имянинахъ (казначея звали Косьма) выбѣжали на улицу и отняли у насъ арестанта! Я одѣвшись, вмѣсто полиціи пошелъ уже къ казначею. Въ толпѣ пьяныхъ гостей разсказалъ я имъ о поступкѣ ихъ товарища. Казначей и гости начали упрашивать меня, чтобъ дѣло это бросить и, загородивъ мнѣ дорогу къ двери, поднесли мнѣ рюмку наливки и взяли съ меня честное слово не разглашать это обстоятельство, принуждая почти непремѣнно выпить наливку. Находясь одинъ въ средѣ пьяныхъ, я счелъ наилучшимъ выпить наливку и уйти во избѣжаніе могущей быть исторіи.

*

Около 26 Ноября 1825 г. въ Козловѣ стали носиться секретные тайные слухи, что государь императоръ Александръ Павловичъ скончался. 1-го Декабря я получилъ изъ Москвы отъ пріятеля моего письмо, съ приложеніемъ слѣдующей копіи съ письма къ г. Московскому коменданту, писаннаго отставнымъ ген.-маіоромъ Папковымъ, жительствующимъ въ Таганрогѣ.

«Судьбѣ угодно было, что Государь на убѣжденіе согласился отправиться въ Крымъ. 27 Октября близъ Алушты Государь, проѣзжая верхомъ, безпрестанно долженъ былъ или подыматься на гору или спускаться съ таковой. У подошвы горъ было чрезвычайно жарко, почему Государь безпрестанно снималъ фуражку и отиралъ лицо; напротивъ вверху безмѣрный холодъ, и притомъ свирѣпствовала буря, отчего чувствовалъ противное. Въ тотъ же день, чрезъ Байдарскую долину проѣзжая въ Севастополь, остановился на дорогѣ и отправился въ Георгіевскій монастырь верхомъ съ двумя Татарами и переводчикомъ. Въ пяти верстахъ отъ дороги уже смерклось, и было холодно. Государя спрашивали, не угодно ли ему надѣть шинель или бурку? Отвѣтствовалъ не надо и отправился; а возвратясь оттуда часа черезъ два и вставъ съ лошади, сказалъ: «очень холодно», и что онъ озябъ. Надѣлъ шинель, сѣлъ въ коляску и отправился въ Севастополь, куда

прибылъ уже въ 9 часовъ вечера. На другой день, также въ одномъ мундирѣ, былъ при парадѣ, при спускѣ судна на Александровской батареѣ, потомъ на морѣ, и все сіе было поздно. Замѣтили перемѣну въ лицѣ его, онъ на боль не жаловался, а на балъ не поѣхалъ. Въ Бакчисараѣ, на Гаевѣ и Перекопѣ замѣтили, что онъ казался, такъ сказать, очень не по себѣ. Въ Орѣховѣ самъ уже сказалъ, что немного нездоровъ; а въ Маріуполѣ, за 125 верстъ не доѣзжая до Таганрога, на ночлегѣ позвалъ Вилліе и сказалъ, что чувствуетъ ознобъ, и что намѣренъ выпить пуншу, дабы вспотѣть. Выпилъ, окутался, но не вспотѣлъ. 5-го Ноября потребовалъ подъ ноги мѣхъ, надѣлъ мѣховую шинель; на станціи за обѣдомъ сказалъ, что чувствуетъ Крымскую лихорадку. До Таганрога онъ все засыпалъ и послѣднюю станцію едва двигался, такъ тяжело ему было ѣхать, безпрестанно спрашивалъ, сколько верстъ осталось? Пріѣхавъ въ семь часовъ вечера, никого не принималъ. На другой день началъ было одѣваться, чтобы ходить пѣшкомъ, но не могъ. Потомъ хуже и хуже. 8-го числа писалъ коротенькое письмо къ Императрицѣ-матери въ С.-Петербургъ. Далѣе все хуже, и какъ ни уговаривали, лекарства не принималъ. 15-го Ноября рано утромъ принялъ предложеніе Императрицы: исповѣдывался и пріобщался. Священникъ, пріобщивъ его, сталъ предъ нимъ на колѣни и сказалъ, «что онъ уврачевалъ душу, а проситъ отъ церкви и народа, чтобы Государь согласился уврачевать тѣло».—«Если это надобно, я согласенъ». Потомъ сказалъ: «Теперь я вижу, что опасно боленъ». Пустили 50 піявокъ, сдѣлалось полегче, потомъ опять хуже, горчица не пособила. 16-го былъ безъ чувствъ; 17-го приложили къ затылку мушку, было легче, проговорилъ, но съ 18-го почти не открывалъ глазъ. 19-го Ноября въ 10 часовъ и 50 минутъ кончилъ жизнь. Императрица была безотлучно при немъ, пять дней не спала и не кушала. Когда сталъ кончаться, начали читать отходную. Императрица держала его за руки и когда испустилъ послѣдній вздохъ, то она закрыла ему глаза и подвязала подбородокъ; потомъ, сжавъ руки, поцѣловала, поклонилась и сказала: «прощай, мой другъ!» обратилась къ образу, помолилась, пошла въ свою половину. Едва къ себѣ вошла, зарыдала, потомъ вскорѣ сказала: «Господи, прости моей слабости!» Ободрившись, приказала при покойномъ служить панихиду, взяла свѣчу и не плакала, но скорбь ужасная была на лицѣ ея. На другой день перевезли ее въ другой домъ, но вчера, 22 числа, была тамъ на панихидѣ, и съ сего дня стала говѣть. Императрица—не человѣкъ, а воплощенный Ангелъ! Скорбь переноситъ съ величіемъ души. Но очень слаба. Ужаснѣйшее здѣсь положеніе. Рыданія повсюду! Видимъ тѣло, а все еще не опомнимся; все намъ кажется,

не во снѣ ли видимъ. По вскрытіи тѣла, все нашли въ наилучшемъ видѣ, но когда черепъ вскрыли, то вылилось воды до 50-ти золотниковъ. Ждемъ сюда изъ Варшавы Цесаревича».

*

Въ это время начальникъ артиллеріи 2-го пѣхотнаго корпуса, штабъ котораго находился въ г. Тамбовѣ, потребовалъ меня къ себѣ, съ тою цѣлію, чтобы назначить начальникомъ дивизіонной артиллерійской школы. По прибытіи въ Тамбовъ тотчасъ же меня и назначили на эту должность. Вскорѣ начальникъ нашей дивизіи высочайшимъ повелѣніемъ назначенъ былъ директоромъ Артиллерійскаго Департамента, а меня онъ отправилъ опять въ г. Козловъ къ своей бригадѣ. Въ Козловѣ я прожилъ весело и счастливо до Марта 1826 тода. Въ Мартѣ же мѣсяцѣ я получилъ новое назначеніе: чиновникомъ по особымъ порученіямъ къ директору Артиллерійскаго Департамента.

Директоръ, обративъ на меня особенное вниманіе и довѣріе ко мнѣ, безпрестанно давалъ мнѣ командировки. Съ начала послалъ меня въ г. Валдай для заготовленія парковыхъ повозокъ, потомъ командировалъ меня къ крѣпости Эривани для постройки тамъ подъемной машины Ломбара, служившей для поднятія осадныхъ орудій на лафеты. Все это я исполнилъ въ точности. Когда же я возвратился, то чрезъ двѣ недѣли директоръ мнѣ объявилъ, что имѣетъ намѣреніе командировать меня въ Симферополь для исполненія одного важнаго порученія. Я отказался по болѣзненному моему положенію, такъ какъ лечиться на водахъ въ Липецкѣ не имѣлъ времени. Жена моя упрашивала, чтобъ эту должность я оставилъ. Средства мои къ жизни истощились. Въ Артиллерійскомъ Училищѣ я былъ по своимъ средствамъ въ блестящемъ положеніи, и потому, получивъ благословеніе моей жены, я отправился къ главному начальнику училища г.-маіору П. Я. Перрену, объяснилъ ему мое положеніе и просилъ, чтобъ онъ принялъ меня обратно въ Училище. Генералъ Перренъ приказалъ мнѣ написать докладную записку, которую я и подалъ на другой день. Доложено имъ имъ моей записки общему благодѣтелю артиллеріи, его высочеству великому князю Михаилу Павловичу, который зналъ меня лично; онъ соизволилъ изъявить свое согласіе на переводъ меня въ Училище дежурнымъ офицеромъ. По исполненіи разныхъ формальностей состоялся о переводѣ моемъ высочайшій приказъ. О радость! Я опять въ Артиллерійскомъ Училищѣ. Опять принялся за преподаваніе уроковъ. Жена моя блаженствовала, и я доставлялъ ей всѣ удобства къ жизни. Мы возобновили всѣ знакомства и женины, и мои. Главное знакомство жены моей было съ семействомъ консула Танка.

Читатель припомнитъ, что жена Моздокскаго коменданта была въ летаргическомъ снѣ, и чуть чуть ее не похоронили, если бы она во время отпѣванья не проявила жизни. Она совершенно выздоровѣла; послѣ же смерти мужа, оставшись бездѣтною вдовою, уѣхала въ Петербургъ, имѣя отъ роду 25 или 26 лѣтъ.

Представьте, читатель, я узнаю въ супругѣ консула ту самую вдову, которая была женою Моздокскаго коменданта. Она узнала и меня, стараго своего знакомаго и, разумѣется, наше знакомство еще болѣе укрѣпилось и обратилось въ знакомство дружеское. Каждую недѣлю мы у Танковыхъ обѣдали, и меня очень удивляло, что супруга Танка окружена была уже дочерью Элаліею и тремя сыновьями. Все это успѣлось сдѣлаться отъ 1820 года, въ который она вторично вышла замужъ, до 1825-го. Впослѣдствіи, г-жа Танкъ имѣла уже семь человѣкъ наличныхъ дѣтей. Дочь Элалія, родившаяся въ 1824 г., расцвѣла какъ пышный розанъ. Въ началѣ Іюня мѣсяца 1848 г. г-жа Танкъ отъ холеры скончалась, оставя дочь свою Элалію оплакивать горькую судьбу свою. Мать похоронили на Выборгской сторонѣ, на холерномъ кладбищѣ. Элалія почти ежедневно ѣздила на могилу матери. Спустя пять мѣсяцевъ послѣ смерти ея матери, выпалъ снѣгъ, и Элалія наняла извощика, чтобы воспользоваться санною дорогой и поѣхала на могилу матери. О ужасъ! Представте, что извощикъ, видя, что на кладбищѣ нѣтъ никого, прелестную Элалію зарѣзалъ! Консулъ Танкъ со своими дѣтьми скоро выѣхалъ за границу.

Въ 1829 году первоначальный Кавказскій деньщикъ мой Костинъ, служившій у меня съ конца 1817-го г., заболѣлъ и былъ помѣщенъ мною въ сухопутный госпиталь, что̀ на Выборгской сторонѣ. Пролежавъ въ госпиталѣ полтора мѣсяца, въ Іюнѣ умеръ. Я часто его навѣщалъ и просилъ, чтобы въ случаѣ его смерти, тотчасъ мнѣ дали знать. Получивъ извѣстіе, что онъ умеръ, я тотчасъ отправился въ госпиталь и объявилъ, что за хорошую мнѣ службу деньщика моего я похороню на свой счетъ. Поставилъ къ покойнику читальщика, положилъ его въ купленный мною гробъ и на третій день его смерти, утромъ ,отправилъ тѣло его въ Училищу принадлежащей лодкѣ на Охтинское кладбище, а самъ, въ другой наемной лодкѣ, съ 6-ю человѣками солдатъ учебной артиллерійской бригады, поѣхалъ сзади, дабы отдать покойному послѣдній долгъ, быть при отпѣваньи его въ церкви и при похоронахъ тѣла его. Въ половинѣ уже служенія обѣдни, покойника внесли въ церковь и поставили рядомъ съ четырьмя другими покойниками. Я сталъ въ церкви у окна съ солдатами, привезшими покойника. Въ концѣ обѣдни, предъ началомъ отпѣванія покойниковъ, подходитъ ко мнѣ пономарь и спрашиваетъ какую-то записку. Я отвѣтилъ, что у меня никакой

записки нѣтъ. Онъ ушелъ въ алтарь, откуда вышелъ грязный священникъ и, обратясь ко мнѣ, сказалъ: «я вашего покойника отпѣвать не буду». «Почему? спросилъ я. «А потому, что отъ госпитальнаго священника нѣтъ записки». На что я ему сказалъ: «вы видите, что пришелъ на похороны покойника офицеръ и принесли его вотъ эти солдаты, слѣдовательно тутъ никакого подлога нѣтъ. Покойникъ былъ у меня 12-ть лѣтъ деньщикомъ, служилъ мнѣ хорошо, и потому я пришелъ только отдать ему послѣдній долгъ мой. Священникъ поколебался, но сказалъ мнѣ, что всетаки онъ отпѣвать его не станетъ. Я отвѣтилъ, что обрядъ отпѣванія вы теперь исполните, а записку отъ госпитальнаго священника я сего же дня вамъ доставлю, въ чемъ дамъ и обязательную росписку. Если же вы отпѣванія теперь не совершите, то тѣмъ только лишите меня отдать покойнику послѣдній долгъ. Я человѣкъ занятой, солдаты тоже, въ 3 часа должны быть на ученьѣ, чтожъ этимъ вы выиграете? Покойника мы у васъ оставимъ, солдаты уйдутъ, а я уѣду. Вы же будете въ проигрышѣ, ибо съ моимъ уѣздомъ уѣдутъ и деньги. «Я самъ готовъ вамъ дать!» съ сердцемъ сказалъ священникъ. Давайте! отвѣтилъ я. Священникъ пошелъ въ алтарь и вынесъ мнѣ пяти-алтынникъ. Я взялъ его и, сказавъ ему прощайте, самъ уѣхалъ, отдавъ этотъ капиталъ первому нищему, поклонившемуся мнѣ при выходѣ изъ церкви.

Между тѣмъ я послалъ фейерверкера въ госпиталь сказать тамошнему священнику, что безъ его записки покойника не отпѣваютъ. Фейерверкеръ тотчасъ же отправился со мной въ училищной лодкѣ внизъ по Невѣ и къ четыремъ часамъ полудня того же дня возвратился въ церковь съ запиской, гдѣ команда его ожидала. Священника не было, онъ послѣ обѣда уже спалъ на квартирѣ. Фейерверкеръ пошелъ къ нему, но попадья его выгнала. Лихой фейерверкеръ недолго думалъ, пошелъ въ церковь, взялъ съ солдатами гробъ и отнесъ покойника къ священнику, поставивъ гробъ на крыльцо. День былъ жаркій, запахъ отъ покойника невыносимый! Священникъ вышелъ, началъ браниться и приказалъ покойника нести въ церковь, и что завтра онъ совершитъ отпѣваніе. «Никакъ нѣтъ, батюшка! отвѣтилъ фейерверкеръ, завтра мы не можемъ придти погребать: у насъ смотръ. Совершите отпѣваніе теперь, и мы тогда только унесемъ покойника, когда вы вмѣстѣ съ нами пойдете въ церковь!» Нечего было дѣлать, священникъ въ сопровожденіи покойника пошелъ въ церковь и къ 5-ти часамъ кончилъ наскоро отпѣваніе. Солдаты зарыли покойника, поставили деревянный на могилѣ крестъ и ушли.

Описанный этотъ случай вѣроятно единственный: всѣ платятъ священнику за похороны, а за моего покойника священникъ самъ за-

платилъ 15 копѣекъ; кромѣ того, ему не заплочено было ни за свѣчи, ни за вѣнчикъ, ни за паспортъ на тотъ свѣтъ. Когда фейерверке ъ разсказалъ мнѣ подробно объ окончательномъ погребеніи бывшаго моего деньщика, на другой день я поѣхалъ на Охту въ церковь и, войдя въ алтарь, далъ священнику пять рублей, чѣмъ съ нимъ и примирился. Я сдѣлалъ это, признаться, для того, что боялся со стороны священника жалобы..

Въ Январѣ 1830 г., возвратясь съ одного бала, жена моя на другой день почувствовала себя нездоровою. Я послалъ за докторомъ; онъ прописалъ лекарство, но болѣзнь усиливалась. Утромъ 20 Мая 1830 г. я поѣхалъ въ Училище на дежурство, и только пріѣхалъ туда, ко мнѣ прибѣжалъ посланный отъ ея матери съ запиской: «Миночкѣ очень худо. Пріѣзжайте поскорѣй». Тотчасъ съ дежурства меня смѣнили, нарядили другого офицера. Мать въ слезахъ встрѣтила меня въ залѣ и попросила снять сапоги, чтобы войти къ больной тихонько. Я подошелъ къ ея кровати въ чулкахъ, въ мундирѣ, при шпагѣ и шарфѣ. Взглянулъ на Миночку—она дышала рѣдко, потомъ все рѣже и рѣже и наконецъ, сдѣлавъ усиленный послѣдній вздохъ, перестала дышать.

Не ропщи, если сердце болитъ,
Терпѣливо всѣхъ жизни бремя:
Горемъ сердце Господь бороздитъ,
Чтобъ посѣять въ немъ доброе сѣмя!
Ты посѣвы слезой окропи,
Слезы теплыя, дождь благотворный;
Никогда не ропщи, но молись и терпи
Провидѣнью святому покорный!
Не завидуй тому, кто печали не зналъ,
Кто въ довольствѣ и счастьѣ родился:
Человѣкъ тотъ богатства земныя стяжалъ,
Но сокровищъ небесныхъ лишился!

Эти стихи составляютъ для меня всегдашнее лѣкарство отъ моральныхъ болѣзней.

Похоронена моя Миночка на Нѣмецкомъ Смоленскомъ кладбищѣ.

Прожилъ я съ ней только семь лѣтъ, дѣтей у насъ было шестеро. Послѣ ея смерти остались двое.

Все имущество моей жены я роздалъ бѣднымъ, оставя на память у себя только одно шелковое, цвѣтомъ «масака», платье, которое она сама шила, и чашку, изъ которой она пила. Впослѣдствіе платье ея я распоролъ и подшилъ имъ покрышку на алтарь, въ устроенной мною домовой церкви, въ собственномъ моемъ имѣніи «Алфавитовкѣ» С.-Петербургскаго уѣзда, на границѣ Финляндіи.

Кромѣ частыхъ моихъ посѣщеній ея могилы, я непремѣнно ѣздилъ еще въ слѣдующіе дни:

1-го Января ежегодно, какъ бы съ визитомъ.

Въ день Свѣтло-Христова Воскресенія, какъ бы похристосоваться.

5-го Марта—въ день ея рожденія.

20-го Мая—въ день ея смерти.

16 Августа—въ день нашей свадьбы.

11-го Октября—въ день ея именинъ.

Въ эти дни, поутру и вечеромъ, я пью чай изъ ея чашки, хранящейся на моемъ письменномъ столѣ, на траурномъ пьедесталѣ, подъ стекляннымъ колпакомъ.

Странное чувство одиночества передать трудно. Оно измѣняетъ характеръ и образъ жизни. Иногда нападаетъ такая тоска, что не знаешь какъ разогнать ее, что̀ дѣлать или куда уйти! Музыка, одна только музыка служила мнѣ лекарствомъ отъ скуки, и когда я ее слушалъ, у меня навертывались слезы умиленія. Я вспоминалъ покойную жену мою, когда она пѣла пріятнымъ своимъ голосомъ съ небесною улыбкою. Я такъ пристрастился къ музыкѣ, что часто приглашалъ къ себѣ на квартеты лучшихъ въ Петербургѣ артистовъ. Бывало и то, что, я обѣдая одинъ или съ кѣмъ-либо изъ добрыхъ моихъ знакомыхъ, вдвоемъ, и не болѣе какъ втроемъ,—хоръ кавалергардскихъ музыкантовъ игралъ во время скромнаго нашего обѣда.

Впослѣдствіи я замѣтилъ, что многія маменьки и тетеньки были ко мнѣ очень внимательны. Далѣе, все болѣе и болѣе завлекали меня жениться, предлагали и богатыхъ невѣстъ; но я и не думалъ жениться на богатствѣ: такая женитьба въ моемъ мнѣніи значила сдѣлаться мужемъ-рабомъ.

Вотъ примѣръ жизни одного скромнаго, но бѣднаго мужа, женившагося на богатой дѣвицѣ. Барыня приказала запрячь карету, чтобы ѣхать куда-то на вечеръ. Мужу и хотѣлось бы ѣхать съ нею вмѣстѣ, но жена его не приглашаетъ. Когда карета была подана, мужъ тихонько спустился съ лѣстницы и зоветъ кучера, сидящаго на козлахъ: «Иванъ, а Иванъ!»—Что̀ вамъ нужно?—«Не знаешь ли, беретъ меня барыня съ собой?»—А я почему знаю, спросите ее! Баринъ возвратился въ комнаты, а барыня уѣхала! Послѣ чего баринъ, сидя дома одинъ, для развлеченія началъ раскладывать пасіансъ... А. П. Ермоловъ, не бывъ никогда женатымъ, спрашивалъ женатыхъ: «ты замужемъ или женатъ?»

Давно, давно, когда я управлялъ Литейною частію, наканунѣ дня Майскаго парада, былъ слѣдующій казусъ.

Въ три часа ночи я послышалъ громкій звонокъ, проведенный изъ конторы съѣзжаго дома прямо въ мою спальню, прилегающую къ кабинету. Отъ сильнаго звона колокольчика я внезапно проснулся и думая, что вѣроятно пожаръ, быстро одѣлся, поспѣшно вошелъ въ контору и еще на ходу торопливо спросилъ: «что̀ такое случилось?» Въ это время нѣкоторые изъ бродячихъ моихъ писакъ уже собрались въ контору для окончанія срочныхъ и спѣшныхъ бумагъ, долженствующихъ быть отправленными рано утромъ; нѣкоторые же писаря и домой еще не уходили. Между этими писарями сидѣлъ надзиратель, сочинявшій мудрую записку о случившемся происшествіи; а возлѣ, немного поодаль, на диванѣ сидѣли два юныхъ прекрасныхъ офицера, которыхъ я видалъ по знакомству съ ихъ родителями. По входѣ моемъ въ контору, только что завидѣвъ вставшихъ офицеровъ съ полурастегнутыми сюртуками, тотчасъ же пригласилъ ихъ ко мнѣ въ кабинетъ. Офицеры эти устремились ко мнѣ съ объясненіемъ, а я, знавши въ чемъ дѣло, посадилъ ихъ на кресла и попросилъ немного подождать, самъ же пошелъ въ контору, гдѣ въ особой комнатѣ надзиратель доложилъ мнѣ слѣдующее.

Два эти господа офицера пришли въ Итальянскую улицу въ домъ Меншикова, а это было часа въ два ночи, и войдя во дворъ, пошли въ четвертый этажъ къ проживающей тамъ Сашкѣ, такъ-называемой «Гвардейской», къ которой офицеры заходили зачастую. Фамиліи своей они не сказываютъ, а говорятъ: мы сами поѣдемъ къ приставу. Ну что же далѣе? спросилъ я надзирателя, въ чемъ же ихъ вина? Надзиратель продолжалъ: «теперь они уже почти пришли въ себя, а то и говорить не хотятъ, бранятся да и только!»

А дѣло было вотъ въ чемъ. Сашка живетъ въ 4-мъ этажѣ, а какъ во всякой этажъ двери расположены симметрически, то они, вмѣсто 4-го этажа, какъ имъ показалось, стали звонить въ колокольчикъ въ 3-мъ этажѣ, въ квартиру генерала М.; человѣкъ вышелъ и спросилъ ихъ: «кого вамъ надобно?» задерживая ихъ собою въ самой двери. Офицеры эти, ничего человѣку не отвѣчая, дали ему пощечину, спросивъ, кто у Сашки? А сами силою ворвались въ прихожую. Человѣкъ генерала М. сталъ громко звать другихъ людей, которые немедля явились, и въ прихожей поднялся шумъ, отъ котораго проснулся генералъ и самъ пришелъ на этотъ скандалъ. «Что̀ генералъ говорилъ этимъ офицерамъ, мнѣ неизвѣстно, сказалъ надзиратель извѣстно только, что онъ приказалъ имъ выдти и въ тоже время съ помощію людей захлопнулъ дверь и ее замкнулъ. Потомъ, отворивъ окно во дворъ, гдѣ стояли два дворника, приказалъ одному дворнику идти за полиціею, а другому—не выпускать этихъ офицеровъ до прибытія полиціи. Когда

я пришелъ къ дому Меньшикова, продолжалъ надзиратель и позвонилъ въ колокольчикъ, ко мнѣ выбѣжалъ лакей генерала М. съ ключомъ отъ воротъ. По требованію г.г. офицеровъ, они сами поѣхали къ вамъ, а на моихъ дрожкахъ вслѣдъ за ними поѣхалъ и мой помощникъ; я же остался въ квартирѣ генерала для подробнаго разузнанія о случившемся. Генералъ, пригласивъ меня къ себѣ въ кабинетъ, разсказалъ мнѣ все лично, дополнивъ свой разсказъ тѣмъ, что офицеры эти избили до полусмерти дворника, который ихъ не выпускалъ изъ воротъ. «Завтра, сказалъ онъ, я самъ пріѣду къ приставу».

Выслушавъ докладъ надзирателя, я возвратился въ кабинетъ. Офицеры, сознавая уже вину свою вполнѣ, обратились со слѣдующими ко мнѣ словами: «Ненормальное наше положеніе привело насъ къ случайному, но скверному происшествію. Вы сами военный, и кто въ молодости не попадался въ прегрѣшеніяхъ! Вы сами отецъ семейства; подумайте, что̀ насъ ожидаетъ?! Какой ударъ приготовляется родителямъ нашимъ, если вы не извините насъ и не дадите намъ честнаго слова въ томъ, что не скажете нашихъ фамилій. Въ настоящее время вся судьба наша въ вашихъ рукахъ! И если вы не исполните нашей просьбы, тогда мы должны застрѣлиться. Это бы ничего; но какъ мы виноваты предъ начальствомъ, предъ товарищами, которые носятъ одинъ съ нами мундиръ!» Слезы совѣсти катились изъ глазъ ихъ. Вотъ минута, въ которую я сильно боролся самъ съ собой.

Въ минуту ихъ раскаянія я послышалъ на улицѣ сильный стонъ и вышелъ узнать что̀ такое. Дежурный побѣжалъ внизъ, и представьте, читатель, дежурный доложилъ мнѣ, что изъ дома Меншикова принесли въ пріемный покой дворника, избитаго этими офицерами. Онъ безбожно кричалъ. Обстоятельство это еще болѣе привело меня въ волненіе; оно много увеличивало виновность офицеровъ, и я, признаюсь, сталъ въ тупикъ и не зналъ какъ поступить въ этомъ случаѣ.

Возвратясь въ кабинетъ, я сказалъ своимъ гостямъ: «Какъ же я могу скрыть такое происшествіе, когда дворника тотчасъ надо отправить въ госпиталь, откуда утромъ же, по заведенному порядку, будетъ донесено Государю Императору еще прежде донесенія оберъ-полицеймейстера?» Гости мои потерялись. Одинъ изъ нихъ, въ слезахъ, сталъ меня просить послать за его отцомъ, говоря, что отецъ самъ поѣдетъ къ оберъ-полицеймейстеру ходатайствовать за насъ. Я было и хотѣлъ исполнить его просьбу, но призадумался, вспомня стихъ:

Одинъ мудрецъ сказалъ въ древнѣйшіе вѣка:
Во всемъ, что̀ дѣлаешь—спѣши всегда слегка!

Наступилъ шестой часъ утра; по улицѣ начали уже показываться жалонеры, ѣхавшіе на Царицынъ лугъ къ назначенному параду; время

оставалось мало. Въ мысляхъ моихъ бродили разныя мѣры, то я скорбѣлъ, то успокоивалъ себя, словомъ, страдалъ не менѣе юношей, находившихся у меня въ гостяхъ, пившихъ сквозь слезы чай, который я приказалъ для нихъ приготовить. Безсознательно пошелъ я въ пріемный покой. Дворникъ стоналъ. Я обратился къ нему съ слѣдующими словами: «Что ты такъ стонешь? Притворяешься?» Отвѣтомъ было: «охъ! ахъ! вотъ тутъ очень болитъ, не могу поднять рукъ», указывая на бокъ, еле-еле поднимая руку. «Ну, тебя отправятъ въ госпиталь, сказалъ я; пожалуй, ты тамъ умрешь. Я тебѣ совѣтую: ступай-ка домой и не охай такъ. Бокъ твой вытрутъ хорошенько летучей мазью; вечеромъ сходи въ баню, а пришедъ изъ бани, выпей хорошій крючокъ водки, то къ утру все пройдетъ! Между тѣмъ теперь тебѣ есть случай съ этихъ офицеровъ содрать порядочно». Дворникъ оханнымъ голосомъ сказалъ мнѣ: «да не велѣно ничего брать». «Какъ не велѣно? спросилъ я. Да вѣдь ты будешь пошлый дуракъ. Ну офицеровъ посадятъ на гауптвахту, пожалуй, на недѣлю, высядятъ да и только. Вѣдь не въ Сибирь же ихъ сослать? Мало ли что бываетъ? Въ кабанахъ-то вы деретесь каждый день, такъ всѣхъ и ссылать! Дуракъ ты, дуракъ! Слушай лучше моего совѣта, будешь съ деньгами». Дворникъ призадумался. Я, смекнувъ, что онъ затрудняется сдѣлать оцѣнку нанесенныхъ ему побоевъ, сказалъ ему съ удареніемъ на слова: «слупи съ нихъ рублей сто». Больной дворникъ, объявившій, что не можетъ поднять руки, поднялъ ее до затылка, почесывая волосы, и исполняя обычай простого мужика, сказалъ: «ваше высокоблагородіе, ужъ положите сто десять!» Съ этимъ отвѣтомъ дворника я возвратился къ своимъ гостямъ, которымъ объявилъ отвѣтъ дворника, который за побои требуетъ 110 рублей. На это предложеніе офицеры, какъ бы съ просіяющей улыбкой отчаянно больного въ моментъ кризиса къ выздоровленію, съ жаромъ сказали: «мы ему дадимъ 150 рублей!» Обрадовавшись, что къ уменьшенію виновности нашлась нить ихъ спасенія, я имъ сказалъ: «Вѣдь генералъ М. всюду прокричитъ объ этой исторіи. Что тогда мнѣ дѣлать? Вѣдь я долженъ же утромъ доложить оберъ-полицеймейстеру. Какъ же я могу дать вамъ честное слово не говорить вашей фамиліи?» Опять начались умилительныя ихъ просьбы дать имъ честное слово. Сердце мое раздиралось ихъ положеніемъ, и я спросилъ самъ себя: есть ли тутъ что нибудь подлаго, когда я дамъ имъ честное слово не сказывать ихъ фамилій? Все что́ можетъ быть, то велятъ оставить службу. Ну такъ что же? Подумаю я: не за скверныя же дѣла! Послѣ такаго съ собою разсужденія, я перекрестился и сказалъ проказникамъ: «что́ будетъ, то будетъ, поѣзжайте съ Богомъ домой!» А вы фамилій нашихъ не скажете? спросили они. «Не скажу», я имъ

отвѣтилъ, и слово это *не скажу* укрѣпилъ данвымъ имъ честнымъ моимъ словомъ. Счастливые несчастливцы обняли меня какъ друга, какъ отца. Спустясь съ лѣстницы, они зашли въ пріемный покой къ дворнику и дали ему два золотыхъ, приготовленныхъ для Сашки, а 150 р. одинъ изъ нихъ привезъ и лично отдалъ дворнику, который, въ свою очередь, подарилъ три рубля фельдшеру теревшему ему бока летучею мазью. Въ 7-мъ часу вечера дворникъ уже поплелся домой не охая.

Въ 8 часовъ утра я пріѣхалъ къ бывшему въ то время оберъ-полицеймейстеру ген.-ад. Кокошкину. Сергѣй Александровичъ, всегда довольный моею службою (что видно изъ его приказовъ) тотчасъ принялъ меня въ кабинетѣ и поздоровавшись спросилъ о причинѣ ранняго моего пріѣзда. Происшествіе случилось, ваше превосходительство, я отвѣтилъ ему, за которое вѣроятно вы останетесь мною недовольны. Что такое? спросилъ онъ съ тревожнымъ видомъ. Я началъ ему докладывать слово въ слово, какъ это происшествіе описано мною выше, не сказывая фамилій офицеровъ, и доложа ему въ докладѣ, что я далъ имъ честное слово не говорить никому ихъ фамилій. О благороднѣйшій начальникъ! Когда я кончилъ ему докладъ, онъ спросилъ меня: «Чѣмъ же я могу быть вами недоволенъ? Послѣ даннаго вами честнаго имъ слова я и знать не хочу ихъ фамилій» Такой благородно высокій его взглядъ не только уничтожилъ во мнѣ душевное волненіе, одолѣвавшее меня какъ во время моего къ нему пути, такъ и во время трепетнаго моего доклада, но отвѣтъ его поселилъ во мнѣ какое-то торжество, заставившее меня смотрѣть на начальника какъ на человѣка съ самой теплой душою.

— Я такъ и доложу Государю, сказалъ онъ. Это не первый случай! Садись! Представь себѣ, со мной не разъ былъ подобный случай. Напримѣръ: въ балетѣ, на которомъ танцовала качучу знаменитая Таліони, четыре такихъ же юноши забрались въ ложу 3-го яруса, и только она начала танцовать, они и давай ей акомпанировать въ такіе же кастаньеты какъ у нея. Его высочество герцогъ Лейхтенбергскій находился въ театрѣ и сидѣлъ въ первомъ ряду креселъ возлѣ меня; обративъ вниманіе на этотъ акомпаниментъ, онъ спросилъ меня: «что это такое?» Я уже въ это время всталъ, чтобъ идти лично узнать объ этихъ шалунахъ. Войдя въ корридоръ 3-го яруса, я приказалъ капельдинеру вызвать ко мнѣ сидящихъ въ той ложѣ. Они вышли, я посмотрѣлъ на нихъ и, увидѣвъ, что они, хотя и офицеры, а просто дѣти, такіе же шалуны, какъ и всѣ другіе въ ихъ лѣтахъ, я приказалъ полицеймейстеру переписать ихъ фамиліи и пригласить теперь же ко мнѣ въ канцелярію. Когда я возвратился въ театръ на свое мѣсто,

герцогъ спросилъ меня: «кто это такіе?» Я отвѣтилъ его высочеству, что они отправлены въ мою канцелярію для личнаго моего спроса. Когда танецъ кончился, его высочество изъ театра вышелъ въ моемъ сопровожденіи и уѣхалъ. Въ тоже время и я поѣхалъ въ канцелярію, гдѣ и встрѣтилъ полицеймейстера и прибывшихъ шалуновъ. Послѣ строгаго, мною сдѣланнаго имъ внушенія, я отпустилъ ихъ домой. На другой день, въ 10 часовъ утра, я поѣхалъ къ его высочеству, не говоря ему фамилій этихъ шалуновъ, описалъ только ихъ молодость и раскаяніе, и спросилъ герцога: «Будете ли ваше высочество о поступкѣ этихъ офицеровъ докладывать Государю Императору? И не соизволите ли ихъ простить?» Герцогъ милостиво сказалъ: «Богъ съ ними!» Возвышенность души его высочества спасла шалуновъ отъ, быть можетъ, строгаго наказанія». Разсказавъ мнѣ этотъ эпизодъ, Сергѣй Александровичъ уѣхалъ, а вслѣдъ за нимъ и я.

Въ тотъ же день, въ 10 часовъ утра, пріѣхалъ ко мнѣ генералъ М...ъ и вошелъ чрезъ контору въ мой кабинетъ не поздоровавшись, прямо и грозно обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «вы частный приставъ?»—Я, что̀ изволите приказать?—Помилуйте, что̀ у васъ дѣлается? Я, смекнувъ, что это генералъ М...ъ, тотчасъ пригласилъ его въ гостиную комнату, дабы всѣ собравшіеся въ контору не могли слышать нашего разговора. Въ гостиной онъ продолжалъ говорить объ извѣстной читателю исторіи съ такимъ жаромъ, что, вскочивъ съ кресла, сказалъ: «скоро нашихъ дочерей будутъ таскать съ кроватей!» Я перебилъ его и подробно разсказалъ нечаянность вины офицеровъ и молодость ихъ лѣтъ. Впрочемъ, прибавилъ я, объ случившейся исторіи я уже донесъ господину оберъ-полицеймейстеру.—Что̀ это за господа и кто они такіе? спросилъ генералъ.—Фамиліи ихъ я не имѣю права объявлять частному лицу, а не угодно ли вашему превосходительству спросить о томъ господина оберъ-полицеймейстера?

Видя, что генералъ М...ъ все болѣе и болѣе волнуется, я дозволилъ себѣ спросить его: «Зачѣмъ вашему превосходительству угодно знать ихъ фамиліи? Начальство уже будетъ знать, какъ съ ними распорядиться. Взгляните на ихъ лѣта, представьте себѣ, что еслибъ это были ваши сыновья, такъ ли бы со мною говорили? Притомъ, къ чему вамъ наживать враговъ въ ихъ родителяхъ, когда, можетъ быть, они занимаютъ высокія въ государствѣ обязанности, а если бы они и были люди средняго класса, служащіе только изъ куска хлѣба, неужели бы вамъ было пріятно убить ихъ родительскія чувства, вовлекая дѣтей ихъ еще въ большее наказаніе, которое уже и такъ въ моральномъ отношеніи переполнено?» Генералъ сдался, сдѣлался мягче, спросилъ мою фамилію и распростился съ пожатіемъ мнѣ руки.

Одно время были введены трещетки, которыя и раздавались дворникамъ. Сильный и здоровый мущина-мѣщанинъ вступилъ съ нѣкоторыми дворниками въ соглашеніе въ слѣдующемъ дѣлѣ. Онъ гдѣ-то купилъ енотовую шубу, которую зимой въ ночное время выносилъ на улицу и разстилалъ ее гдѣ-нибудь у забора, а самъ ложился на нее спать, притворяясь мертвецки пьянымъ; притомъ такъ смышлено на нее ложился, что проходящій мимо невольно замѣчалъ, какъ легко изъ-подъ него выдернуть шубу. Къ исполненію своего замысла и къ пріобрѣтенію такой легкой добычи, многіе изъ проходящихъ покушались выдергивать шубу. Во время же самаго дѣйствія, мѣщанинъ еще болѣе храпѣлъ, но только что шуба была въ рукахъ похитителя, онъ внезапно вскакивалъ и, схвативъ вора за чупрынь, тащилъ въ контору къ надзирателю. Разумѣется, дѣло плохо, для поправленія его начиналась мировая сдѣлка по оцѣнкѣ поступка; сдѣлка, по которой воръ платилъ мѣщанину рубль, два, три и болѣе, смотря по тому, есть ли и много ли при ворѣ денегъ. Когда же при ворѣ денегъ не оказывалось, то мѣщанинъ тѣмъ оканчивалъ мировую, что, надававъ вору вѣсистыхъ въ шею тузовъ, отпускалъ его почти изнеможеннаго.

Такого рода продѣлки были во время существованія у дворниковъ трещетокъ, которыми они давали знать этому плуту, если кто-нибудь идетъ изъ полицейскихъ. Онъ, предварительно разосланія своей вороловки, зачастую угощалъ ближайшихъ дворниковъ чаемъ, водкой; поутру же, по мѣрѣ ночной заработки, снабжалъ ихъ деньгами. Однажды пьяный дворникъ, прогнанный съ мѣста, разсказалъ это обстоятельство городовому, и мѣщанинъ попалъ въ полицію, пойманный на самомъ дѣлѣ. По произведенному дознанію оказалось, что шуба дѣйствительно принадлежала мѣщанину, который по откровенному сознанію былъ оберъ-полицеймейстеромъ освобожденъ. Изъ собственныхъ его разсказовъ открылось, что проходящіе мимо его во время ночи выдергивали изъ-подъ него шубу почти каждые полчаса, и что въ иную ночь онъ собиралъ до 15-ти рублей. Теперь и посудите, сколько было охотниковъ имѣть даромъ шубу въ продолженіе почти года, посвященнаго мѣщаниномъ на описанный, какъ онъ называетъ, невинный промыселъ, и сколько есть людей, въ тихомолку побитыхъ, не смѣвшихъ о нанесенномъ безчестьѣ объявить ни женѣ, ни первѣйшему другу.

*

Въ старину любливали побить кого-нибудь по праву или не по праву. Это было просто нипочемъ! А побить начальнику рядового или подчиненнаго, не избавленнаго отъ тѣлеснаго наказанія, и грѣха не

было ни предъ Богомъ, ни передъ начальствомъ. Чуть что—прямо въ зубы! съ прибавленіемъ Русской обычной ругни, употребляемой и въ ссорѣ, и въ дружбѣ. Побои эти страдальцами принимались какъ бы съ благоговѣніемъ. На Литейной улицѣ на тротуарѣ стоялъ отставной старикъ-солдатъ, у котораго не было зубовъ. Когда проходилъ мимо его одинъ генералъ, солдатъ снялъ шапку и поклонился. Генералъ остановясь спросилъ его: «въ какомъ полку ты служилъ?» Старикъ, языкомъ беззубыхъ, неясно и невнятно, назвалъ тотъ полкъ, въ которомъ онъ служилъ. Генералъ не понялъ отвѣта и повторилъ свой вопросъ, сказавъ солдату, чтобъ онъ говорилъ не торопясь и яснѣе. Солдатъ насилу могъ выговорить: «въ Старо-Ингерманландско-мушкатерскомъ, ваше превосходительство!»—Много ли тебѣ лѣтъ? — За 70, ваше превосходительство!—Отчего у тебя нѣтъ зубовъ? Отвѣтъ служиваго былъ какъ бы съ хвастовствомъ: «начальство *изволило* выбить, ваше превосходительство!» Генералъ улыбнулся, далъ служивому какую-то помощь и отправилъ его въ полицію какъ бы за нищенство.

Въ давно прошедшемъ времени къ одному изъ начальниковъ собралось много просителей, которые установились по стѣнамъ пріемной залы одинъ возлѣ другого. Начальникъ вышелъ, обратился къ ближайшему, прочиталъ прошеніе, потомъ ко второму, къ третьему и т. д. Подошедъ къ одной маленькой старушкѣ, не имѣвшей письменной просьбы, онъ спросилъ ее: «что тебѣ надобно?» Старуха, не зная какъ величать начальника, наконецъ сказала, ваше сіятельство, а потомъ ваше превосходительство! высказала ему, что сынъ не слушается ея, и что вчера ее побилъ, разорвалъ на ней платокъ, и показала оторванный отъ платка кусокъ. Начальникъ спросилъ ее: гдѣ же твой сынъ?—Да внизу, батюшка; не идетъ сюда, васъ боится, отвѣтила старуха.—Ну поди приведи его, и приказалъ сторожу идти вмѣстѣ съ нею. Старуха низко поклонилась и пошла внизъ со сторожемъ, гдѣ сына не нашла: онъ удралъ. Тогда старуха возвратилась въ пріемную залъ и стала уже послѣднею просительницею; возлѣ же нея сталъ довольно большой дѣтина, С.-петербургскій мѣщанинъ, немного запоздавшій. Къ счастію или къ несчастію его, начальникъ еще не всѣхъ просителей выслушалъ и, подойдя вторично къ старушкѣ, ничего ея не спрашивая, но увидя, что возлѣ нея стоитъ мущина и предполагая, что это ея сынъ — бацъ прямо его въ рожу (такъ что тотъ зашатался), сказавъ: «какъ ты смѣешь оскорблять свою мать? А!» Старуха въ это время поклонилась, сказавъ: Это не онъ, ваше превосходительство. Ванюшка-то со страху убѣжалъ. Въ тоже время получившій пощечину мѣщанинъ сказалъ: «за что же ваше превосходительство вы деретесь?» Начальникъ, поставленный въ такое неловкое положеніе, сказалъ мѣ-

щанину: «извини, братъ, впередъ не подвертывайся!» Принявъ отъ него просьбу и пославъ за сыномъ просительницы, онъ ушелъ въ кабинетъ.

Къ подъѣзду одного великолѣпнаго дома подъѣхалъ какой-то джентельменъ и быстро соскочивъ съ дрожекъ, прытко вбѣжалъ на лѣстницу. Кучеръ, не отъѣхавъ отъ подъѣзда, сошелъ съ козелъ и сталъ обтирать отъ пыли кровнаго рысака. Въ это время и къ этому же подъѣзду подъѣзжаетъ какой-то баринъ въ военной формѣ, въ генеральскомъ чинѣ. Его кучеръ басистымъ голосомъ закричалъ, отъѣзжай, но тотъ не послушался и хладнокровно холилъ рысака. Нечего дѣлать, баринъ всталъ съ дрожекъ не у подъѣзда, и подошедъ къ кучеру, началъ собственноручно тузить ослушника. Въ это самое время деликатный джентельменъ возвратился, и видя какъ генералъ тузитъ его кучера, сказалъ: «покорно благодарю ваше превосходительство, я давно сбирался его побить, указывая на кучера, но не хотѣлъ марать рукъ». Сѣлъ на дрожки и поѣхалъ отдавать другой визитъ. На другой день кучеръ былъ потребованъ въ полицію, гдѣ и просидѣлъ подъ арестомъ сутки.

Все это дѣла прошедшія, дѣла давно минувшихъ лѣтъ. Теперь назови кучера дуракомъ—тотчасъ къ мировому!

Въ началѣ моей службы я зналъ такого ротнаго командира, который въ ясный день выдетъ съ трубкой и съ большимъ брюхомъ на крыльцо и восклицаетъ: «хороша погода, да бить некого!» Значитъ, что все обстоитъ благополучно.

*

Въ 1848 г. была сильная въ С.-Петербургѣ холера, иной день умирало 900 человѣкъ. Въ церквахъ не было мѣста ставить гроба, и потому ихъ ставили около церкви. Народъ любопытствовалъ. Въ одномъ гробѣ замѣтили, что крышка на полвершка не доходила до нижней половины гроба. Начали разсматривать въ щель. Одинъ сказалъ: «двое въ гробу!» Другой—«покойника сожгли!» Толпа народа начала собираться, начался шумъ; требовали гробъ открыть. Дали знать генералъ-губернатору, который тотчасъ пріѣхалъ во всей парадной формѣ и приказалъ тотъ гробъ отставить и произвесть строжайшее слѣдствіе того же дня. Что же оказалось по слѣдствію? Въ лазаретѣ долгового отдѣленія умеръ арестантъ. Родственники, желая похоронить его на свой счетъ, купили гробъ, положили въ него покойника, котораго и поставили въ особую, такъ называемую «покойницкую» комнату. Покрыли его кисеею, прилѣпили къ изголовью гроба три восковыя свѣчи, зажгли ихъ, помолились и ушли. Сторожъ ту комнату замкнулъ и тоже ушелъ. Чрезъ часъ онъ возвратился. Гробъ и покойникъ обгорѣли.

Сторожъ, чтобы скрыть это обстоятельство, положилъ обгорѣлаго покойника въ гробъ въ этой же комнатѣ стоявшаго въ казенномъ гробѣ другаго покойника, и рано утромъ на другой день гробъ съ двумя покойниками отправилъ на кладбище для похоронъ. Родственники обгорѣвшаго покойника пришли позже, и по заявленію сторожа, что покойника уже унесли, отправились его отыскивать.

*

Двѣнадцатилѣтняя моя дѣятельность по службѣ полицейской очень меня утомила. Притомъ, по званію пристава исполнительныхъ дѣлъ я не могъ предвидѣть себѣ повышенія и потому подалъ оберъ-полицеймейстеру прошеніе на высочайшее имя объ увольненіи меня въ отставку.

По докладу Государю Императору моей просьбы, Его Величество собственноручно изволилъ написать записку военному министру князю Василію Андреевичу Долгорукову: «Князь, призови такого-то къ себѣ, объяви ему мое намѣреніе, и я совершенно увѣренъ, что у него будетъ порядокъ въ Царскомъ Селѣ». Записка эта находится въ дѣлахъ Военнаго Министерства.

Чрезъ два дня, именно 11-го Іюня 1853 года, послѣдовалъ высочайшій приказъ о назначеніи меня полицеймейстеромъ въ Царское Село.

Управленіе Литейною частію, въ которую ежегодно поступало около 60 т. входящихъ бумагъ и до милліона рублей пересылочныхъ денегъ и документовъ, я сдалъ въ совершенной исправности въ 24 часа, за что въ приказѣ оберъ-полицеймейстера получилъ благодарность. При этомъ надобно замѣтить, что при такихъ огромныхъ суммахъ, поступавшихъ въ съѣзжіе дома, ни казначеевъ, ни бухгалтеровъ никогда не было и не полагалось.

Господинъ военный министръ, вручивъ мнѣ конвертъ на имя главноуправляющаго дворцовыми правленіями генерала отъ артиллеріи Я. В. Захаржевскаго, приказалъ мнѣ къ нему явиться до выхода еще высочайшаго приказа. 10-го Іюня я подалъ конвертъ новому моему начальнику, и онъ, на отношеніи къ нему военнаго министра, въ которомъ заключалась воля Государя Императора допустить меня къ исправленію должности полицеймейстера въ Царскомъ Селѣ, написалъ резолюцію: «Чрезвычайно доволенъ этимъ назначеніемъ».

Въ первый день вступленія моего въ должность блаженно-достойный памяти Государь Императоръ Николай Павловичъ при встрѣчѣ моей Его Величества на дебаркадерѣ Царскосельской желѣзной дороги, изволилъ осчастливить меня сими словами: «смотри, будь таковъ же, какъ я привыкъ тебя знать!» Въ первое Воскресеніе по вступленіи моемъ въ должность, я отправился къ обѣднѣ въ соборъ Св. Великому-

ченицы Екатерины. Священникъ этой церкви В., въ концѣ обѣдни, обратясь ко мнѣ, сказалъ рѣчь, которая привела меня въ умиленіе до слезъ; я, поцѣловавъ святый крестъ, сказалъ: «да будетъ тако!» и съ восторженною душою ушелъ домой.

Не буду говорить о службѣ моей полицеймейстеромъ въ Царскомъ Селѣ, въ продолженіе почти семи лѣтъ; она опредѣлится тѣми наградами, которыя въ это время имѣлъ я счастіе получить; а именно: 1-е) подарено мнѣ было большое мѣсто для постройки дачи, и ссудою заимообразно 12 т. рублей; 2-е) менѣе какъ черезъ годъ, я былъ произведенъ за отличіе по службѣ въ полковники; 3-е) удостоился получить императорскую корону на имѣющійся у меня орденъ св. Станислава 2-й ст.; 4-е) черезъ годъ удостоился получить орденъ св. Владимира 3-й ст.; 5-е) отъ его императорскаго высочества, блаженной памяти Государя Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича имѣлъ счастіе получить драгоцѣнный перстень; 6-е) отъ Его Императорскаго Величества Государя Императора осчастливился получить бриліантовый перстень съ вензелевымъ изображеніемъ имени Его Величества. Все это я получилъ въ продолженіе 6½ лѣтней моей службы полицеймейстеромъ въ Царскомъ Селѣ. Теперь предоставляю читателямъ судить о моей служебной дѣятельности, присовокупляя, что главноуправляющій Царскимъ Селомъ Я. В. Захаржевскій такъ былъ скупъ на награды, что, до вступленія моего полицеймейстеромъ, онъ, въ сорокалѣтнее свое управленіе дворцовыми правленіями, почти никого не представлялъ къ наградамъ. Меня онъ постоянно называлъ своимъ другомъ и такъ привлекъ къ себѣ своимъ расположеніемъ, что я ежедневно у него обѣдалъ. Въ семействѣ же своемъ я обѣдалъ только въ тѣ дни, когда онъ уѣзжалъ въ Петербургъ или былъ приглашаемъ къ высочайшему двору.

Яковъ Васильевичъ былъ человѣкъ строгій и весьма аккуратный. Его всѣ боялись, особенно садовники. При императорѣ Александрѣ I-мъ главнымъ садовникомъ былъ Ѳедоръ Ѳедоровъ Ляминъ, который по высочайшему повелѣнію въ 1814 г. переведенъ былъ изъ садовыхъ мастеровъ Каменноостровскаго сада къ Царскосельскимъ садамъ. Государь Александръ Павловичъ его очень любилъ. Во время прогулки императора по саду, Ляминъ всегда сопутствовалъ Его Величеству. Однажды государь взялъ Лямина подъ руку. Ляминъ, завидѣвши изъ дали, что навстрѣчу императору идетъ Яковъ Васильевичъ, тотчасъ выдернулъ свою руку. Государь остановился и спросилъ Лямина: «это что значитъ?» Идетъ Яковъ Васильевичъ, отвѣчалъ Ляминъ. Этимъ эпизодомъ характеризуется, какъ Ляминъ боялся Якова Васильевича.

На улицахъ и въ садахъ въ то время была необыкновенная чи-

стота. Послѣ дождя Яковъ Васильевичъ вмѣстѣ со мною всегда ѣздилъ по улицамъ и, подъѣхавъ къ первой будкѣ, приказывалъ часовому взять колышки, которые хранились во всякой будкѣ. Проѣзжая шагомъ, онъ при каждой малѣйшей лужайкѣ останавливался и приказывалъ будочнику вколотить кругомъ ея колышки, продѣлывая эти замѣчанія и огораживанія лужаекъ колышками отъ одной ямочки, наполненной водою, до другой, третьей и т. д. Этимъ способомъ онъ отыскивалъ незамѣчаемыя глазомъ углубленія на улицахъ Царскосельскаго шоссе. Рано утромъ эти ямочки выкирковывались, подсыпался въ нихъ мелкій булыжникъ съ пескомъ, поливая который водою, ямочки закатывались. Вотъ отчего шоссе въ Царскомъ Селѣ было какъ хорошій паркетный полъ. Въ садахъ не позволялось не только ѣздить извозчикамъ, но гуляющимъ не позволялось что либо бросать въ аллеяхъ; и потому всѣ, знающіе Якова Васильевича, апельсинныя корки прятали въ карманы. Если же кто броситъ корку, тотчасъ прибѣгалъ мальчишка съ корзиночкой и корочку подберетъ. Словомъ, Царскосельскій садъ изображалъ собою волшебный садъ Армиды. Однажды его высочество великій князь Михаилъ Павловичъ сдѣлалъ замѣчаніе Якову Васильевичу, сказавъ: «у тебя въ садахъ большой безпорядокъ!»—Въ чемъ, ваше высочество? спросилъ Яковъ Васильевичъ.—«Некуда плюнуть, надо поставить песочницы», разсмѣявшись отвѣтилъ великій князь. Дѣйствительно, чистота была доведена до предѣла. Цвѣты не смѣли блекнуть, стволы деревъ и скоблились, и мылись.

Для крестьянъ Государевой вотчины Яковъ Васильевичъ былъ отцомъ и благодѣтелемъ; они обязаны ему тѣмъ благосостояніемъ, до котораго они доведены его заботливостію и попеченіемъ, хотя онъ съ ними никогда ласково не говорилъ. Яковъ Васильевичъ написалъ для крестьянъ правила, какъ имъ должно соблюдать въ деревняхъ чистоту, какъ на улицахъ, во дворахъ, такъ и въ ихъ избахъ, вообще о крестьянскомъ хорошемъ бытѣ. Въ этихъ правилахъ онъ также указалъ, чтобы каждую Субботу ихъ жены мыли полы, двери, окна и подоконники. Въ 1857 г. въ Маѣ мѣсяцѣ онъ приказалъ изъ каждой деревни Государевой вотчины собрать къ себѣ на дворъ по два человѣка болѣе благоразумныхъ крестьянъ. Въ 9 часовъ утра, по обыкновенію, я, какъ полицеймейстеръ, явился къ Якову Васильевичу съ рапортомъ; принявъ оный, онъ пригласилъ меня идти вмѣстѣ къ собравшимся на дворѣ крестьянамъ. День былъ прелестный, солнце поразительнымъ блескомъ чудно озаряло дворъ, находящійся при его квартирѣ, обставленный кругомъ красовавшимися разныхъ сортовъ розанами, гортензіями, камеліями и множествомъ цвѣтовъ полной свѣжести, наполнявшихъ воздухъ благоуханіемъ. Толпа собравшихся крестьянъ стояла поодаль.

Яковъ Васильевичъ, сошедъ съ низкаго о двухъ ступеняхъ крыльца своего, подходилъ къ крестьянамъ, низко ему поклонившимся, и началъ съ того, что они дураки никогда не исполняютъ правилъ, неоднократно имъ указываемыхъ, какъ хорошему хозяину слѣдуетъ вести хозяйство и вообще какъ соблюдать чистоту въ домахъ и во дворахъ. Все что̀ я вамъ ни говорилъ, вы въ одно ухо впускали, а въ другое выпускали! Сегодня я созвалъ васъ для того, чтобы прочесть вамъ правила для вашего быта мною составленныя, и я буду строго взыскивать, если кто изъ васъ не будетъ исполнять этихъ правилъ. Крестьяне, все время стоявшіе безъ шапокъ, покраснѣвшіе отъ сильно палящаго солнца, вторично поклонились и съ кротостію отвѣчали: «все исполнимъ, ваше превосходительство Яковъ Васильевичъ. Благодаримъ за ваше попеченіе и дѣтямъ накажемъ исполнять строго все, что̀ изволите намъ указать». То-то! Смотрите у меня, я внезапно буду повѣрять васъ! сказалъ Яковъ Васильевичъ. Раздайтесь направо и налѣво! Самъ онъ вошелъ въ средину толпы, сопровождаемый мною и секретаремъ дворцоваго правленія, который держалъ въ рукѣ правила, четко и красиво на бѣлой бумагѣ переписанныя. Секретарь! Читайте сказалъ Яковъ Васильевичъ. Только что секретарь раскрылъ ротъ, Яковъ Васильевичъ сказалъ: постойте! Позовите Феликса (его камердинера). Феликсъ, спускаясь съ крыльца, въ обѣихъ рукахъ держалъ большой серебряный подносъ, на которомъ лежало множество приготовленныхъ изъ пеньки затычекъ для ушей; и когда подносъ съ затычками былъ принесенъ въ средину толпы крестьянъ, тогда Яковъ Васильевичъ, обратившись къ крестьянамъ, сказалъ имъ: я уже говорилъ вамъ, что вы всякое приказаніе или внушеніе вамъ дѣлаемое, въ одно ухо впускали, а въ другое выпускали, а потому, чтобы и теперь того не случилось, приказалъ крестьянамъ, стоявшимъ на одной сторонѣ—затянуть правыя уши, а стоящимъ на другой сторонѣ—лѣвыя. Съ подноса носимыя Феликсомъ затычки раздавались крестьянамъ секретаремъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ и повѣрялъ, хорошо ли затянуты уши. Когда процессъ этотъ былъ исполненъ и провѣренъ, тогда послѣдовало приказаніе секретарю читать упомянутыя правила. При чтеніи ихъ Яковъ Васильевичъ послѣ каждаго почти параграфа добавлялъ его болѣе подробнымъ своимъ толкованіемъ. Когда же чтеніе кончилось, онъ приказалъ крестьянамъ идти домой, но чтобы они не смѣли вынимать изъ ушей затычекъ, пока подробно не разскажутъ своимъ односельцамъ все, что̀ имъ было читано и растолковано. Такое оригинальное внушеніе дѣйствительно въ крестьянской головѣ засядетъ крѣпко. Яковъ Васильевичъ самъ надъ этимъ способомъ хохоталъ и сказалъ: надо же

какъ нибудь разнообразить, они уже потому только дóма будутъ разсказывать, что имъ затыкали уши.

13-го февраля 1857 года минуло сорокъ лѣтъ со времени назначенія Я. В. Захаржевскаго управляющимъ Царскосельскимъ дворцовымъ правленіемъ и Царскосельской Государевой вотчиной. Крестьяне возымѣли мысль принести въ этотъ день теплую молитву за здравіе Якова Васильевича и поднесли ему образъ соименнаго ему Святаго. На осуществленіе своего намѣренія они испросили чрезъ графа Владимира Ѳедоровича Адлерберга высочайшее соизволеніе. Въ десять часовъ утра крестьяне съ ихъ семействами, въ числѣ около 2 тыс. человѣкъ, собрались въ придворную церковь Знаменія Божіей Матери. Въ одиннадцать часовъ начался молебенъ и освященіе образа Апостола Іакова, Брата Божія. Старшины, въ нарядныхъ золотыхъ кафтанахъ, приняли образъ и въ предшествіи духовенства понесли его на квартиру Якову Васильевичу; пѣвчіе изъ тѣхъ же крестьянъ Государевой вотчины стройными голосами пѣли: «Днесь благодать Св. Духа насъ собра». Чиновники въ парадныхъ мундирахъ и тысячи народа благоговѣйно сопровождали шествіе. Радостныя и оживленныя ихъ лица, праздничная одежда, особенно бывшихъ кормилицъ у высочайшихъ особъ, представляли изящную картину. Всѣ комнаты квартиры Якова Васильевича и дворъ внезапно наполнились народомъ; на прилегающихъ къ дому улицахъ народъ стоялъ густою толпою, подсаживая дѣтей къ окнамъ квартиры. Лицо добраго нашего начальника выражало понятное въ подобномъ случаѣ чувство удовольствія и въ тоже время скромность и искреннюю благодарность. Когда поставленъ былъ образъ на приготовленное мѣсто, тогда вновь было совершено молебствіе, по окончаніи котораго придворный протоіерей, благочинный Царскосельскаго уѣзда слободы Кузьминской и пасторъ Лютеранской церкви въ Царскосельской Государевой вотчинѣ, одинъ за другимъ, привѣтствовали его высокопревосходительство краткими рѣчами.

Отдѣльно поговоря съ нѣкоторыми изъ крестьянъ, Я. В. поручилъ старшинамъ угостить крестьянъ. Для духовенства и присутствовавшихъ чиновниковъ былъ накрытъ обильный завтракъ, на который были приглашены и вотчинные головы. Однимъ изъ присутствовавшихъ были прочтены ему слѣдующіе стихи:

„Когда отъ раны излеченный
Явились вы на службу вновь,
Въ то время Царь Благословенный
Назначилъ васъ подъ свой покровъ.
И не ошибся онъ избраньемъ,
Къ себѣ приблизивъ службой васъ:

Вы къ Богу съ теплымъ упованьемъ,
По правдѣ, вовсе безъ прикрасъ,
Какъ съ первыхъ вашихъ въ Царскомъ дней,
Такъ сорокъ лѣтъ закону вѣрно,
По совѣсти честныхъ людей,
Вы служите Царю примѣрно.
Начальникъ, правда, вы намъ строгой,
Но строгость ваша—правота,
Не служитъ намъ души тревогой:
Она есть службы красота.
За то желаемъ вамъ, безъ лести,
Здоровья, счастья, всякой чести,
Богъ милость вамъ чтобы явилъ,
Дней свѣтлыхъ вашу жизнь продлилъ;
Чтобъ окружали васъ цвѣты
И Царскаго Села сады!"

Генералъ-отъ-артиллеріи, главноуправляющій городомъ Царскимъ Селомъ и дворцовыми правленіями, Царскосельскимъ, Гатчинскимъ и Петергофскимъ, управляющій Царскосельскою городскою полиціею и шефъ конно-артиллерійской резервной облегченной № 1-го батареи, Яковъ Васильевичъ былъ въ дѣйствительныхъ сраженіяхъ 39 разъ. При Бородинѣ раненъ картечью въ правую ногу; 4-го Октября 1813 г. подъ г. Лейпцигомъ ядромъ оторвало ему правую ногу. Операцію ноги производилъ извѣстный докторъ Николай Ѳедоровичъ Арендъ, который съ тѣхъ поръ былъ задушевнымъ другомъ Якова Васильевича. Каждый разъ, когда Арендъ пріѣзжалъ въ Царское Село, онъ останавливался у своего друга. Одинъ разъ, за обѣдомъ, при мнѣ, Яковъ Васильевичъ началъ Н. Ѳ. Аренду выговаривать за то, что онъ худо ему отрѣзалъ ногу. Арендъ расхохотался и сказалъ: «Помилуй, этому прошло болѣе 40 лѣтъ, и ты, слава Богу, здоровъ и веселъ! Чѣмъ же худо я отнялъ тебѣ ногу?»

Кстати, чтобъ не забыть, я припомнилъ о докторѣ Арендѣ слѣдующую легенду. Къ очень трудному больному пригласили его вечеромъ. Арендъ пріѣхалъ, осмотрѣлъ больного и прописалъ ему какіе-то порошки. На другой день утромъ, въ 11-ть часовъ, онъ опять пріѣхалъ къ больному. Когда лакей сталъ снимать съ него шинель, Арендъ спросилъ лакея:—Ну, какъ барина здоровье? — Изволили сегодня въ 9 часовъ скончаться, отвѣтилъ лакей.—А что, принималъ онъ порошки?—Принялъ три порошка.—А что ночью онъ икалъ?—Икалъ, ваше превосходительство.—Ну это хорошо! сказалъ Арендъ. И не входя къ покойнику, надѣлъ шинель и уѣхалъ.

Подъ главнымъ наблюденіемъ Якова Васильевича въ Царскомъ Селѣ выстроенъ соборъ Св. Великомученицы Екатерины. Внутри этого собора при входѣ съ правой стороны онъ и погребенъ. Надгробный камень обнесенъ желѣзною рѣшеткою. На камнѣ, въ надписи значится кто онъ. Родился 23 Октября 1780 года, скончался 1-го Марта 1865 года. «Отъ граждапъ». На стѣнѣ, возлѣ могилы, находится образъ Св. Апостола Іакова, Брата Божія, поднесенный ему крестьянами Царскосельской Государевой вотчины *).

Не будучи женатъ, онъ очень любилъ молоденькихъ женщинъ. Какъ-то онъ завербовалъ одну Надиньку и нанялъ ей квартиру близъ Павловскихъ воротъ съ палисадничкомъ, чрезъ который надо было къ ней проходить. Жившая при немъ сестра была женщина весьма скупая и строго наблюдала за расходами старика, брата своего. Какъ-то она провѣдала, что братецъ часто посѣщаетъ Надиньку и начала придумывать средства, какъ бы братца отъ Надиньки отклонить. Былъ у нея въ Царскомъ Селѣ одинъ родственникъ, котораго она однажды пригласила къ себѣ, и откровенно объявила ему, что братецъ очень расходуетъ деньги и дѣлаетъ Надинькѣ дорогіе подарки. Если онъ къ ней пристрастится, то можетъ быть сдѣлаетъ духовное завѣщаніе, въ которомъ ей много откажетъ, и вы, обращаясь къ родственнику, ничего не получите. Посовѣтовавшись между собою, придумали, чтобы стороны калитки вымазать въ сумеркахъ дегтемъ. Сказано и сдѣлано. Яковъ Васильевичъ попался. На другой же день онъ пріѣхалъ вечеромъ домой. Лакей снялъ съ него шинель и повѣсилъ на вѣшалкѣ. Сестрица тотчасъ спустилась изъ своихъ комнатъ по внутренней лѣстницѣ, подошла въ прихожей къ вѣшалкѣ и около шинели почувствовала запахъ дегтя. Когда же Яковъ Васильевичъ пришелъ къ чаю, она спросила его: «гдѣ ты такъ долго былъ?»—Ѣздилъ въ госпиталь, отвѣтилъ онъ.—«Отчего же твоя шинель пахнетъ дегтемъ?»—Вѣрно гдѣ нибудь замаралась около стѣны. Тѣмъ кончился разговоръ, и сестрица убѣдилась, что братецъ былъ у Надиньки. По хитрости своей она придумала поселить въ немъ ревность къ Надинькѣ, и потому гдѣ-то добыла офицерскую гусарскую фуражку, которая была положена на столъ въ прихожую компату у Надиньки. Это средство сестрицѣ помогло. Яковъ Васильевичъ по пріѣздѣ къ Надинькѣ эту фуражку замѣтилъ и хотя заѣзжалъ иногда къ ней, но все рѣже и рѣже, и наконецъ сестрица сказала ему: «послушай,

*) Всесильный тогда графъ А. Х. Бенкендорфъ женатъ былъ на Елисаветѣ Андреевнѣ Захаржевской, что могло служить Якову Васильевичу надежною охраною въ случайностяхъ дворской службы. П. Б.

братецъ, ты можешь встрѣтиться съ большою непріятностію, ибо къ фавориткѣ твоей ѣздятъ гусары, и ты, въ своихъ лѣтахъ и въ своемъ званіи, можешь быть очень компрометированъ.» Яковъ Васильевичъ поцѣловалъ у сестрицы руку, сказалъ: «пропади она совсѣмъ!» и болѣе къ Надинькѣ не ѣздилъ.

*

Хозяйка, моя жена [1]), выстроивъ на подаренномъ ей въ Царскомъ Селѣ мѣстѣ двѣ дачи, продала ихъ и начала строить домъ въ Петербургѣ. Мнѣ было тогда отроду уже 60 лѣтъ; слѣдовательно, силы мои начали ослабѣвать, и потому въ концѣ 1859 г. я подалъ прошеніе объ увольненіи меня отъ должности полицеймейстера съ зачисленіемъ въ запасныя войска. Вскорѣ послѣдовалъ о томъ высочайшій приказъ, и я переѣхалъ на жительство въ С.-Петербургъ. Черезъ годъ за отличіе по службѣ я былъ произведенъ въ ген.-маіоры съ увольненіемъ отъ службы и съ пенсіономъ полнаго оклада жалованья.

Находясь въ отставкѣ, я поутру ничего не дѣлалъ, а послѣ обѣда отдыхалъ. Это положеніе послѣ 36-ти лѣтней безпрерывной и энергической дѣятельности моей доводило меня до отчаянія. Гдѣ-то я прочиталъ, что однажды маркизъ де-Спинола спросилъ Горація Верне: отчего умеръ его братъ? Верне отвѣчалъ: «сэръ, онъ умеръ отъ скуки, отъ нечего дѣлать».—«О, да, согласился Спинола, этой причины достаточно чтобъ убить каждаго изъ насъ.» Прочитавъ такое мудрое изреченіе, я на другой же день, по совѣту одного моего пріятеля, подалъ докладную записку министру Внутреннихъ Дѣлъ, въ которой просилъ о зачисленіи меня въ министерство. Г-нъ министръ, зная меня какъ человѣка способнаго и дѣятельнаго, благосклонно принялъ мою докладную записку приказалъ мнѣ подать формальное прошеніе, что̀ я тотчасъ же и исполнилъ. Чрезъ три дня вышелъ приказъ, и я зачисленъ въ министерство [2]).

---

[1]) Разсказа о второй женитьбѣ не имѣется. П. Б.

[2]) Въ Маѣ 1863 г. Н. И. Цыловъ возобновилъ свою дѣятельную службу въ Вильнѣ при графѣ М. Н. Муравьевѣ. См. его „Дневникъ“ въ „Р. Архивѣ“ 1906 г. въ III-й кн. Онъ скончался въ 1879 году, 80 лѣтъ отъ роду. П. Б.